

Российская академия наук
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Сергей Савоскул

МОЙ ПЕРЕСЛАВЛЬ
О локальном самосознании
личности

Москва
2015

ББК 63.5
УДК 908
С 12

*При поддержке Программы фундаментальных исследований
Президиума РАН «Историческая память и российская
идентичность» 2015–2017. Проект «Русское самосознание
в XIX – начале XXI вв.: историческая память
и этнокультурная специфика»*

Савоскул С.С.

С 12 Мой Переславль. О локальном самосознании личности. М.:
Институт этнологии и антропологии РАН, 2015. – 216 с.

ISBN 978-5-4211-0126-0

В книге на основе воспоминаний известного этнографа доктора исторических наук, сотрудника ИЭА РАН С.С. Савоскула исследуется формирование пространства локальной переславской памяти автора, рассматривается развитие и функционирование локального самосознания личности.

ББК 63.5
УДК 908

ISBN 978-5-4211-0126-0 © Институт этнологии и антропологии РАН,
2015
© Савоскул С.С., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Часть I	
ПЕРЕСЛАВСКИЕ ГОДЫ (1952–1958)	
1. Первые впечатления. Селитровка	12
2. Малая Озёрная	24
3. Грозное лето 1953 года	32
4. Чкаловский посёлок	39
5. Начальная и семилетняя школы	53
6. Зимние и летние развлечения	66
7. Мартын и другие	79
8. Средняя школа № 2	85
9. Музей	93
10. «Непобедимая и легендарная ...»	101
Часть II	
ПОСЛЕ ПЕРЕСЛАВЛЯ (1959–2014)	
1. В Переславль наездами (1963–1986 гг.)	123
2. «Защитник» переславских ценностей	131
3. Открытие фольклорного архива С.Е. Елховского	145
4. Переславский проект	148
5. Изучение жизни и научной деятельности С.Е. Елховского	154
6. О публикации фольклорно-этнографического собрания С.Е. Елховского	163
7. Исследование локального самосознания переславцев	170
7. Переславское краеведение и местное самосознание	175
Заключение	186
Приложение. О состоянии памятников истории и культуры г. Переславля-Залесского и его окрестностей	190
Иллюстрации	203

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ходе исследования локального самосознания россиян XX – начала XXI вв., которым я занимаюсь в последнее десятилетие преимущественно на примере населения Переславля-Залесского, а также других небольших исторических городов¹ Центральной России, у меня возникла мысль предпринять изучение местного (локального) самосознания на примере отдельной личности.

Говоря о локальном самосознании (идентичности) я имею в виду социально-культурное (и одновременно социально-психологическое) явление, возникающее в результате самоотождествления (самоидентификации) личности с локальным сообществом и территорией его местонахождения, с которыми связана (или была связана) значительная часть её жизни². При этом, на мой взгляд, локальная идентичность не тождественна региональной, если под регионом, как в нашем российском случае, иметь в виду область, край, республику или отдельную историко-культурную область (Сибирь, Поволжье, Урал, Северный Кавказ, Поморье и т.д.). Это подтверждают и мои исследования массового сознания. Так, результаты опросов последних лет свидетельствуют, что принадлежность к региону (в вышеназванном понимании) по значимости занимала у респондентов последнее место – после России и города, где они живут. При этом многие респонденты вообще считали для себя важнее всего принадлежность к жителям своего города, а в Муроме, судя по опросу, проведенному в 2013 году, местная (муромская) идентичность оказалась для респондентов

¹ Определение понятия «исторический город» и общую характеристику российских исторических городов см.: *Ланно Г.М.* Города России. Взгляд географа. М., 2012. С. 236–257.

² См., напр.: *Савоскул С.С.* Локальная идентичность современных россиян (опыт изучения на примере Переславля-Залесского) // Этнографическое обозрение. 2005. № 3. С. 58–59.

наиболее важной. Эти факты не позволяют мне согласиться с мнением, что так называемая малая родина *«не может быть разделена на локальную и региональную»*¹. Да и на своем собственном примере могу сказать, что такое разделение является обычным правилом – если Переславль-Залесский я могу называть своей малой родиной, то считать таковой Ярославскую область мне и в голову не приходит.

Для исследования локального самосознания отдельной личности, на мой взгляд, лучше всего подходит биографический метод с особым вниманием к тем сторонам жизни и самосознания личности, в которых проявляется её связь с локальным сообществом, в границах которого в основном происходит (или в свое время происходила) жизнедеятельность и в целом социализация индивида, а также с местом его нахождения, с «родной землей». При этом связь личности с локальной территорией, с «родной землей» может быть не менее, а нередко и более значимой и сильной, чем связь с локальным сообществом. Так, к примеру, я сравнительно мало отождествлял и отождествляю себя с переславцами, тем более, что большую часть моей жизни я прожил в других местах. Но сам Переславль – его многовековая история, с его древностями, улицами, школами, в которых я учился, домами, в которых мы жили, Плещеево озеро, окрестные леса, «мой» овраг, и все годы жизни в этом пространстве стали частью меня самого. С особенной очевидностью я понял это после того, как покинул Переславль, оторвавшись от его среды, ставшей для меня родной.

В связи со сказанным для настоящего исследования будет полезным ввести понятие *образ своего края*, под которым я подразумеваю комплекс представлений (сформированных как обыденным, так и специализированным сознанием) о своем крае, о совокупности связанных с ним объективно существующих социально-исторических, культурных, природных и пр. явлений (феноменов). Эти представления (как правило, эмоционально

¹ Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М., 2010. С. 25.

окрашенные), опираются на систему символически значимых для данного локального сообщества элементов, признанных массовым локальным сознанием в качестве *своих, местных*¹.

В качестве первого примера изучения личностного аспекта локальной идентичности я избрал самого себя. Решаясь на это, я исходил из того, что наиболее известный и наиболее доступный любому исследователю объект – ты сам – твоя жизнь, твое окружение, твои мысли и чувства. А уж если речь идет об этнографе/этнологе, то можно сказать, что уже с самого его рождения он оказывается в «исследовательском поле», продолжаясь для него всю жизнь. Вполне естественно, что одним из объектов, находящихся в этом «поле», является личность самого исследователя. В её изучении важнейшим источником является, несомненно, собственная память. Опираясь в первую очередь на неё, я частично пользовался и другими, в основном документальными, материалами личного происхождения – дневниковыми записями, письмами, некоторыми моими публикациями. Правда, известно, что память не всегда бывает достаточно надежным источником для изучения тех или иных сторон минувшего, в том числе личной жизни человека и, конечно, становления его самосознания². И всё же, на мой взгляд, она незаменима при изучении сознания личности уже в силу отсутствия большинства других источников на сей счёт.

Локальное самосознание личности может проявляться по-разному и с различной интенсивностью: в форме чисто бытового отношения (от негативного до восторженно-патриотического) к «своему» городу, краю: в форме той или иной степени знания о нём; наконец, в форме активной деятельности по его духовному и материальному освоению и преобразованию.

Автоисследование имеет, на мой взгляд, то важное преимущество, что оно может гораздо нагляднее и точнее (чем

¹ Савоскул С.С. Краеведение и локальная идентичность (на примере малых городов Центральной России) // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 83–84.

² См., напр.: Кон И.С. Открытие «Я». М., 1978. С. 256–257.

исследование на других объектах) показать, как самосознание личности развивается на протяжении человеческой жизни, какие внешние и внутренние обстоятельства и факторы на него влияли, в чем это самосознание проявляется. На мой взгляд, в автоисследовании немалое значение имеет фактор возраста исследователя. Это проявляется уже в том, что немолодой учёный (по сравнению с более молодым коллегой) имеет возможность изучать интересующий его феномен на протяжении достаточно длительного времени. Поскольку это, быть может, единственное преимущество автора, скажу сразу, что 70 лет мне уже минуло. Конечно, названное преимущество может проявиться лишь при условии, что, несмотря на возраст, автор обладает нужными для такой работы знаниями, способностями и опытом. Но об этом судить не мне.

Исходя из сказанного, основную свою задачу я вижу в том, чтобы на основе собственных воспоминаний и их посильного анализа попытаться рассмотреть процессы формирования и развития моей переславской идентичности, определить её основные компоненты и опорные символы, их историческую динамику, выявить историко-культурный и социальный контекст этих процессов, определить соотношение переславского самосознания с другими моими локальными идентичностями, а также с некоторыми другими формами собственного социального самосознания (гражданского, этнического, профессионального).

* * *

Перед тем как приступить к рассказу о месте Переславля-Залесского в моей жизни, о складывании и развитии моей переславской идентичности, следует отметить два важных для данного исследования обстоятельства: 1) я не являюсь уроженцем Переславля; 2) время моей постоянной жизни в этом городе было ограничено шестью годами детства, отрочества и юности (с 10 до 16 лет), пришедшимися на период с конца 1952 до конца 1958 года.

Я родился в 1943 году в году в г. Клин Московской области. Мой отец – Сергей Романович Савоскул, молодой (было ему в ту пору 23 года) лейтенант, служивший техником эскадрильи авиационного истребительного полка, был в это время в своей части под Сталинградом – чинил забарахлившие моторы самолётов, крутил на морозе гайки, а по ночам, забравшись под брезент в аэродромном капонире, отсыпался, как мог. Перед войной его полк располагался в Клину, где он и познакомился с моей матерью – Антониной Никитичной Назаровой, которой тогда ещё не исполнилось и восемнадцати лет. Во время войны он несколько раз – на день, другой – приезжал в Клин – чаще всего по дороге на авиационный завод, куда его отправляли принимать самолёты для их полка, а однажды после госпиталя, в который он попал с двухсторонним воспалением легких, пробыл в Клину чуть дольше. Мать во время войны работала вначале вольнонаемной в какой-то воинской части, которую при наступлении немцев на Москву эвакуировали в Загорск, а после освобождения Клина вернули обратно. Позже она устроилась учетчицей в карточном бюро – месте, как я понимаю, по военным временам сравнительно хлебном, что, видимо, позволяло нам не голодать. Жила она в это время со своей старшей сестрой Ниной (она работала на местном стекольном заводе) и матерью Дарьей Сергеевной в жилом доме на клинской нефтебазе, где моя бабушка была уборщицей. Младший их брат Леоид ушел добровольцем на войну, быстро окончил училище, стал лейтенантом-миномётчиком и вскоре погиб. Отца у них уже не было – он умер еще до войны.

В момент, когда я появлялся на свет, произошел налет немецкой авиации на Клин (важную узловую станцию под Москвой), в городе рвались бомбы, и, по словам матери, старая акушерка со страху забралась под стол. А мать лежала и думала: «Если убьют, то пусть уж сразу нас двоих». Но роддом уцелел.

После войны отцовский полк оставили в Германии, а года через три его «перебросили» в Грузию, и вскоре мы с матерью

отправились туда. Так в пяти-шестилетнем возрасте (точно уже не помню, в каком году это произошло) я совершил свое первое путешествие. Вначале мы жили в г. Кобулет (Аджарская АССР), затем воинскую часть отца перевели в с. Мериа (тогда это был Махарадзевский¹ район Грузии) в Верхней Гурии. Там я начал учиться в первом классе, а закончил его уже в Кобулет, куда вернулся полк отца. За время жизни в Грузии (особенно в Мери, где мы жили на частной квартире у молодой грузинки с сыном чуть постарше меня – её муж, отец Ризо погиб на фронте) я довольно легко овладел разговорным грузинским языком, поскольку общаться мне приходилось почти исключительно с грузинскими сверстниками, говорившими в основном на родном языке. Думаю, что три года, проведенные в Грузии, в такой отличной от России людской и природной среде, способствовали развитию во мне стремления к путешествиям, интереса к дальним краям.

Летом 1951 года в связи с переходом авиации на реактивные двигатели отца из Кобулет отправили на годичные курсы подготовки преподавателей школ младших авиаспециалистов (ШМАС) в Харьковское авиационное высшее военное училище. А после года в Харькове осенью 1952 г. мы переехали в Переславль. Кстати, после окончания курсов отцу предлагали на выбор продолжать службу в одном из трёх мест – в Германии, Фергане и Переславле. Последний вариант он посчитал лучшим. В Германии отец уже служил, и ему не хотелось, как он говорил, опять сидеть за забором. По поводу Ферганы отец заметил, что уже пожил с нацменами (он имел в виду Грузию) и с него этого достаточно. Лучше, мол, в Россию, к своим. Со мной, конечно, никто не советовался, но хорошо помню, что я пожалел, что отец не согласился на службу в Фергане. Мне было заманчиво увидеть еще один незнакомый край, других нерусских людей. Но судьба, видимо, знала, где мне лучше быть, и она оказалась права.

¹ В постсоветской Грузии г. Махарадзе вернули его старое название – Сенаки.

Перед тем как попасть в Переславль, мы с матерью вначале провели месяца два на родине отца в украинском селе Яготин Киевской области, а потом отправились в Клин к тётке Нине. В Переславль, где отец уже начал свою новую службу, мы с матерью приехали, когда он нашел квартиру (вернее, одну комнату) в частном доме. Таким образом, до Переславля я успел сменить несколько мест и, нужно сказать, что впечатления от них до сих пор живы в моей памяти.

После шести лет службы в Переславле отца перевели в Серпухов, где через полтора года я окончил школу, и, не поступив сразу в МГУ, принялся работать на местном заводе. Вскоре отца отправили на новое место службы – на сей раз на Северный Кавказ, в Майкоп. Родители с младшими братьями уехали в столицу Адыгеи, а я остался в Серпухове, собираясь опять поступать в университет. С тех пор Серпухов, где через три года я женился и где жили родители моей жены, надолго стал одним из наших постоянных мест жительства. Вскоре им одновременно стала и Москва – где я вначале учился, а с 1968 года начал работать в академическом Институте этнографии (ныне ИЭА РАН). А в последние 16 лет после приобретения дома в Тарусе (Калужской области) Серпухов для меня и моей семьи остался лишь городом, где мы с женой закончили школу, где долго (хотя и не постоянно) жили, где родились наши дочери, и о котором я (не без влияния местного патриотизма и отчасти профессионального честолюбия) в свое время написал (в соавторстве) книгу¹. Что касается Москвы, то моё отношение к ней весьма сложно – по большей части оно позитивно, в какой-то мере нейтрально, но в какой-то и негативно. При всем этом Переславль на всю жизнь остался для меня наиболее любимым, значимым для моего сознания местом.

Я несколько подробно остановился на своей «пространственной биографии», поскольку эта сторона жизни является важным фактором формирования локальной идентичности че-

¹ *Гарин Г.Ф., Савоскул С.С., Шилов В.В.* Серпухов. М., 1989.

ловека. При этом, судя по собственному опыту, могу сказать, что все локальности, с которыми мы были связаны в своей жизни, потенциально в той или иной степени могут входить (и, как правило, входят) в то социально-психологическое явление, которое я обозначаю как локальная идентичность (самосознание). Вместе с тем, актуальность различных мест прежнего и нынешнего места жительства в нашем локальном самосознании определяется множеством конкретных обстоятельств и в зависимости от них может усиливаться или ослабевать. В той или иной мере я и надеюсь показать это на примере той части моего локального самосознания, которая связана с Переславлем-Залесским.

Хочу также сказать несколько слов о таком явлении нашего сознания, как представление об идеальном – реальном или воображаемом – месте, где человек хотел бы жить. В известной мере это своего рода утопия, суть которой хорошо передает русская пословица – «хорошо там, где нас нет». На мой взгляд, налет утопизма нередко присутствует в той части локального самосознания личности, которая связана с некоторыми прежними эпизодами пространственной биографии конкретного человека. Как мне кажется, особенно часто это относится к местам, где прошло наше детство, юность, и которые мы потом покинули. Именно об этом свидетельствует одна из моих дневниковых записей, которую я сделал в августе 2003 года, в самом начале работы по «переславскому проекту», думая о прошедших 60 годах своей жизни: *«Самым счастливым периодом моей жизни был, пожалуй, Переславский. Природа и я в ней. (...) именно с тех пор – счастье, полнота жизни, свобода немыслимы для меня без природы – леса, озера, реки...»*

Часть I ПЕРЕСЛАВСКИЕ ГОДЫ (1952–1958)

1. Первые впечатления. Селитровка

В Переславле, куда я попал незадолго до того, как мне исполнилось десять лет, всё было другое, чем то, к чему я привык до этого. Сам город с его тёмно-серыми, почти чёрными от осенних дождей бревенчатыми домишками, крытыми потемневшей дранкой, разительно отличался и от светлого каменного Харькова с его парками, каскадными фонтанами (и разбитой в войну конструктивистской высоткой Госплана), и от солнечного приморского Кобулету, и от белых яготинских хаток, и даже от тогда уютного Клина, откуда мы только что приехали. А переславского чудесного озера я вначале и не заметил.

В этом сером, по-осеннему тусклом городке и люди были какие-то странные – говорили, хотя и понятно, но не по-нашему, сильно напирая на ó. Это повсеместное густое óканье на первых порах сильно меня поразило, тем более, что одноклассники тут же стали дразнить новичка из-за моего аканья. «Карова», «паганка» – не раз смеялись они над моим неправильным, на их слух, произношением. И до сих пор в моем сознании Переславль и óканье тесно связаны, хотя в последнее время оно там раздаётся всё реже. Большой поток приезжих, привлечённых сюда пуском крупного химкомбината в 1960–1970-е годы, сильно разбавил местное óкающее население. Школа и телевидение, очевидно, тоже содействовали распространению общепринятого произношения. Но в свое время местная речь незаметно для меня изменила и мой выговор. И когда я в девятом классе попал в серпуховскую школу, то здесь и учителя, и одноклассники обратили внимание на то, что я óкаю. Правда, «каровой», уже не дразнили.

Несмотря на многое, на первый взгляд показавшееся мне в Переславле чужим, незнакомым я скоро почувствовал здесь что-то родное, наше, моё. Тут я впервые в жизни ещё неосознанно встретил свою Родину, Россию. Ведь четыре года до Переславля мы жили в интересных, красивых, но чужих краях. Россией до этого для меня был лишь Клин. Но в Клину я был ещё мал, и мой мир был замкнут домом и двором на Кооперативной улице и ближайшей округой – рекой Сестрой, куда мы бегали купаться и где ловили раков, площадью с фонтаном, посреди которого стояла девочка, вечно отжимавшая подол своего пёстрого платья. Помню ещё разбитые во время недавней войны пустые кирпичные остовы домов в центре. В Переславле же я постепенно обжил, освоил и древний город с его монастырями, собором, огромным валом, и озеро, и окрестные леса.

Здесь я впервые по-настоящему прочувствовал русскую зиму, с морозами, чистым снегом. В Харькове, конечно, тоже были и морозы, и снег, помнится, ребята катались на санках по Бурсацкому Спуску, где мы жили. Но асфальт, теснота больших каменных домов скрадывали ощущение зимы. В Переславле с первыми настоящими холодами мне купили чудесные мягкие валенки, в которых после холодных ботинок я почувствовал себя вольной птицей – бегай сколько хочешь на улице, никогда не замерзнешь. Валенки купили как говорится «с рук», а не в магазине, где их и не было, а если они и появлялись, то такие жесткие, каляные, что ходишь в них, как на ходулях, бесконечно натирая голени. А как хорошо было скользить в валенках по льду недавно замерзшего пруда!

Мои первые впечатления о новом для меня городе были ограничены сравнительно небольшим пространством между частным домом на Селитровской улице, где отец нашел для нас комнату и где мы прожили свои первые переславские месяцы, и начальной школой на улице Нагорной Крестьянки, в которой я начал учиться в третьем классе. Путь между ними занимал меньше получаса, а расстояние по прямой составляло немногим больше километра. Южная окраина города, где мы жили,

представляла тогда (а в какой-то мере и сейчас) сплошное море небольших деревянных домишек, среди которого возвышались каменные останки бывших монастырей – Даниловского и Федоровского, занятых тогда ШМАС. В отличие от них, полностью сохранился Горицкий монастырь, упраздненный ещё при Екатерине II¹, где находился местный музей. Неподалеку от Горицкого монастыря, гордо возвышавшегося на высокой озерной террасе, на её восточном продолжении, над шоссе Москва–Ярославль стояла (и сейчас стоит) красивая белая Сретенская церковь. Наша небольшая двухэтажная кирпичная школа находилась на той же высокой террасе, за оврагом между Сретенской церковью и Даниловским монастырём.

Обе частные квартиры, в которых мы прожили первый год своей переславской жизни, находились, как и большая часть города, в низменной, довольно сырой части Переславля, примыкающей к его южной, нагорной окраине. На этом ограниченном пространстве для меня вскоре определилось несколько значимых мест. Среди них немаловажную роль в нашей жизни играли два небольших продовольственных магазина, располагавшихся на улице Кардовского (части шоссе Москва–Ярославль, проходившего через город – кажется, единственной асфальтированной в ту пору улицы на этой городской окраине. Один из них был ближе к нашему дому. Именно здесь я не раз стоял в длинных очередях за чёрным хлебом (о харьковских хрустящих «французских» булочках я к тому времени уже позабыл и вспомнил о них только сейчас, когда стал описывать переславскую жизнь). Не помню, был ли там белый хлеб. Помню лишь буханки чёрного, который тогда продавали на вес. В одни руки выдавали лишь определенное количество хлеба. Продавщица взвешивала буханку, и если в ней было больше, чем полагалось, то отрезала от неё кусок. Еще раз взвешивала. Если опять было больше, то отрезала ещё немного; или наоборот, если не хватало, то она добавляла от другого куска и опять

¹ До революции там находилось Переславское духовное училище.

взвешивала. Наконец, процедура заканчивалась, я получал на руки буханку и к ней один или два кусочка поменьше. По дороге домой довесок или оба я, конечно, съедал.

Кстати, хлеб резали не ножом, а специальным резакom, закрепленным в прилавке, в котором была проделана узкая щель, куда и уходил резак, когда разрезали буханку. Продавщица клала хлеб над этой щелью так, чтобы отрезать нужное количество.

Помнится, хлебные очереди пришлись и на дни болезни Сталина. Стоя за хлебом, я не раз был безмолвным слушателем горестных разговоров бедно одетых женщин о его болезни, о его возможной смерти, о том, как же мы сможем жить без него. А в день, когда стало известно о кончине Сталина, долго и страшно ревели гудки на городских фабриках.

Отец хотел поехать в Москву на похороны генералиссимуса. Но мать сумела его отговорить – мол, и без тебя там будет столько народу, что, не дай бог, передавят друг друга. Подумай, дескать, что будет с нами, если с тобой что-то случится. И отец остался дома.

Как это событие встретили в нашей школе, я не помню; может быть, мать и меня не пустила в те дни из дому. Как и для большинства тогдашних школьников, имя Сталина, его образ и после смерти вождя были для меня почти святыней. Сужу об этом по моей реакции на пересказ отцом доклада Хрущёва о сталинском культе личности. Доклад, как я сейчас понимаю, зачитывали, естественно, на закрытом партийном собрании, но отец, конечно, не мог удержаться, чтобы не поделиться с нами новостью. Помню, он искренне возмущался ужасными злодеяниями Сталина. Я же не мог поверить, что наш великий Иосиф Виссарионович, про которого недаром пелось «Сталин – наша слава боевая, Сталин – наша юность и полёт», был таким извергом, и стал спорить с отцом, утверждая, что этого не может быть, что он был замечательный человек. Отец в ответ сердито заметил, что я ещё ничего не понимаю, и неравный наш спор на этом, кажется, прекратился.

Конечно, отец был по-своему прав – я ещё многого не понимал в нашей жизни и мало её знал. Но и отец, несмотря на свои фронтовые годы, был тогда ещё довольно молодым и сугубо советским человеком, вся сознательная жизнь которого прошла в сталинское время. Он, как мне помнится, мало интересовался политикой, но в его словах (до хрущёвского доклада) я не раз чувствовал если не восторг, то подлинное уважение к Сталину и его действиям. К тому же в семье отца никто не пострадал от сталинского режима. Наоборот, все три брата – сыновья полтавского крестьянина – вполне успешно начали и продолжили свою жизнь. Старший – Андрей – окончил столичный Харьковский университет и ещё до войны стал одним из партийных руководителей в Черниговской области, средний – Александр (Сашко), как и мой отец, закончил до войны Харьковское военное авиационно-техническое училище и в войну тоже был техником эскадрильи. Так что отцу, кажется, нечего было обижаться на сталинское время. Правда, насколько я помню, в его словах иной раз проскальзывало настороженное и в то же время немного пренебрежительное отношение к офицерам из так называемого «первого отдела» его воинской части.

На улице Кардовского, неподалеку от нашей квартиры, находилась ещё одна двухэтажная, кирпичная (оштукатуренная и окрашенная, как и наша начальная, в казённый желтоватый цвет), но уже семилетняя школа, в которой мне вскоре предстояло продолжить учёбу. Напротив неё, через улицу стояло большое деревянное, недавно отстроенное здание интерната слепых, в клубе которого я первый и, к счастью, единственный раз в жизни выступал с какой-то декламацией. Для меня ужасно мучительно было выйти на сцену, что-то говорить, почти не видя от смущения и волнения сидевших в зале людей. В нашей же округе – на задах семилетки, по дороге от Селитровки в сторону улицы Кардовского – вечно дымилась невысокая тонкая труба небольшого молочного завода.

На той же улице Кардовского, там, где, спустившись с горы, успеваешь пройти метров сто в сторону центра, одиноко стояло маленькое, невзрачное зданьице, которое, однако, нельзя бы не заметить. Это была станция узкоколейки, проходившей через Переславль от таинственного Берендеева к какой-то неведомой Купани, лежащей в синих лесах за озером. По утрам сюда к маленькому составу из нескольких вагонов, в голове которого нетерпеливо пыхтел паровозик, спешило довольно много (по переславским меркам) народу. В ту первую переславскую осень, впервые увидев эту картину, я сразу же заметил в серой толпе пассажиров женщин в лаптях и белых онучах. До этого я видел такую обувь лишь на картинках в книжках с русскими сказками. Больше всего удивили меня лапти. Онучи же были чем-то похожи на отцовские белые портянки, только обмотанные верёвками. Женщины эти, как я услышал от кого-то из взрослых, были мордовки-торфушки, ехавшие на заработки в Купань, где добывали торф. В этой же толпе попадались и нездешние мужики в телогрейках с двуручными пилами, зубья которых были обмотаны лыком. Мужики ехали в леса, валить сосны и ели. Как только пассажиры залезали в вагоны, паровозик, коротко свистнув, бежал дальше своим путём вдоль озера.

Потом, когда мы переехали в Чкаловский поселок, только что выстроенный для семей офицеров ШМАСа рядом с Горичским монастырем, я любил в летние погожие дни сидеть под его стеной и смотреть с высоты, как спешит куда-то за озеро или в другую сторону – к Берендееву – маленький состав. Но ни разу за все годы жизни в Переславле я так и не съездил на маленьком забавном поезде, не побывал за озером. Только лет семь-восемь назад, в очередной приезд в Переславль, я впервые добрался до Купани.

До сих пор хорошо помню, где мы снимали нашу первую квартиру, и когда приезжаю в Переславль, то иной раз захожу поглядеть на тот дом на Селитровой улице – Селитровке, как все говорили. Правда, как я однажды выяснил у соседей, тог-

дашний хозяин дома и его жена уже умерли, умер кто-то и из их детей – у них было два сына и, кажется, дочь. А в их доме уже давно живут другие люди.

Фамилия у наших хозяев была одной из самых распространенных в этой части города – Кусины. Говорят, что в деревне Луговая, неподалеку от Селитровки, через кочковатую низину в сторону речки Трубеж, чуть ли не все жители были Кусины. Видимо, и наши хозяева перебрались оттуда. Их младшего сына звали, как и его отца, Колей. В семилетке мы учились с ним в одном классе; здесь был еще один Николай Николаевич, и тоже Кусин. Учителя называли их по номерам. Иной раз при этом шутили – сейчас, мол, будет отвечать Николай Николаевич, и, помедлив, произносили: «первый» или «второй». И пока они тянули, оба Коли сидели в томительном ожидании, прижав, как говорится, уши.

Наш хозяин был высокий, худощавый мужчина лет сорока. Работал он контролером на единственной в городе автобусной линии. Я не раз видел его на ближайшей автобусной остановке у школы-семилетки. Поймает дядя Коля нескольких безбилетников, выполнит свой план и домой. Но эта работа была у него для видимости, чтобы не придирался фининспектор. Главным его занятием, приносящим, видимо, больший доход, чем работа контролера, было сапожное ремесло. Шил он, особенно зимой, когда огородные работы заканчивались, сапоги на заказ. Помнится, он и отцу пошил сапоги из специального сапожного кроя (выданного на вещевом складе части) – чудесно пахнущих пластин чёрного хрома, твёрдых кожаных красноватых подошв и тонкой, желтовато-розовой кожаной подкладки. Понятно, что такая надомная работа была неофициальной, подпольной (вроде самогонарения, которым тогда занимались повсеместно) и, конечно, запрещённой уже потому, что подпольный надомник не платил налог. Понятно, что человек, промышленявший этим, должен был держать ухо востро и иметь хорошие отношения и с участковым милиционером, и с фининспекцией, иначе мог заработать не только штраф, но и получить (хотя бы

условно) «срок». Но наши люди умели обходить закон. Во всяком случае, в переславские годы не один дядя Коля пробивался подобными заработками. Вообще же окружавшие нас люди жили довольно скудно, но крутились, как могли.

Когда мы поселились на Селитровке, была уже осень. С первыми заморозками наши хозяева убрали со своего огорода капусту и начали солить её на зиму. Во дворе у них стояло деревянное корыто, в котором железными сечками на длинных деревянных ручках «рубил» капусту. На траве лежали тугие зеленоватые кочаны, валялись белые с изнанки верхние капустные листья, и дети и взрослые смачно хрустели сладкими кочерыжками. Засаливали капусту в больших деревянных бочках, которые стояли в подполе. Помню, что перед укладкой нарубленной капусты бочки пропаривали с можжевельником, бросая в воду на дне бочки раскалённые камни. Вместе с нарубленной капустой клали несколько очищенных и разрезанных пополам кочанов и антоновку. Наполненную бочку накрывали круглой деревянной крышкой и придавливали её тяжелым камнем. Кроме капусты засаливали в бочках и огурцы. А вот помидор не помню. Кажется, в те годы в Переславле их ещё толком не знали.

В высокое подполье закладывали на зиму и картошку. Картошка с капустой, сдобренной зеленым льняным или пахучим подсолнечным маслом, и с огурцами была основной едой. Из капусты варили и пустые щи, которые я, кажется, впервые в жизни попробовал именно в Переславле, у Кусиных. В щах иногда попадись щепочки от деревянного корыта.

И у Кусиных, и в доме, который мы снимали после переезда от них, были высокие подполья. Поскольку большая часть Переславля стоит на заболоченной приозерной низине, видимо, дома специально ставили на высоком подклете, чтобы уберечь их от сырости. Улицы и огороды, залитые весенней водой – типичная переславская картина. Да и в дождливое лето (помнится, таким было лето 1953 года, когда мы жили уже на Малой Озерной улице) можно было видеть такую же картину. спаса-

ясь от обилия почвенных вод, вокруг усадеб делали каналы, копали пруды.

В Переславле я впервые увидел и высокие завалинки у домов. Их главное назначение утеплять подполье, где хранятся все эти кадушки с капустой и огурцами, картошка, морковь (её, помнится, укладывали в ящики попеременно с песком), свекла. Завалинку делали обычно из земли, а иной раз из опилок, засыпая их в широкий промежуток между брёвнами подклета и дощатой стенкой завалинки. Поверх завалинки тоже прибывали доски. На завалинках любили посидеть и взрослые, и дети. Сидят, лужагут семечки, переговариваются, здороваются с прохожими, а то и вступают с ними в разговор.

Жизнь у Кусиных была для меня полна открытий. У них я впервые в жизни увидел, как моются в русской печке. Помню, что печной под, где уже стояли чёрные чугуны с горячей водой, выметали небольшим аккуратным веничком. Мне почему-то представляется, что веничек этот был связан из метёлок озерного тростника. В Переславле тростник, как я заметил еще в детстве, был сравнительно невысокий, не то, что в Яготине – там его называют очерёт – где он гораздо длиннее самого высокого взрослого человека. Раздевшись, кто-то из Кусиных – сам хозяин или его старший сын – залезал в печь, благо устье у неё было высокое. Мне кажется, что на какое-то время устье закрывали железной заслонкой. Было лишь слышно, как из печки доносится плеск воды. Помню ещё, что вылезший после мытья человек смывал сажу, местами приставшую к его белой коже.

А мы в печку не лазили – по субботам ходили с отцом в городскую баню. Собственно говоря, на первых порах моё знакомство с центром Переславля было связано именно с этими банными днями. За мостом через Трубеж мы сворачивали направо и вскоре попадали в переулочек, идущий вниз, в сторону реки, где и была баня. Она мало чем отличалась от других российских бань, в которых я потом множество раз бывал. Та же вечная проблема с номерком от стоявших в ряд узких шкафчиков, в которых оставляли одежду. Их запирали (а потом отпирали)

банщик в несвежем халате. Взамен ключа он вручал алюминиевый жетон на шнурке с номером шкафчика. Было непонятно, куда его деть голому человеку, что, конечно, служило предметом постоянных скабрёзных шуток. Потом, найдя свободный таз, жетон обычно вешали на его ручку.

В большом моечном отделении мутный от пара воздух, сквозь который доносятся гулкие мужские голоса, плеск воды, шипение кранов. Осторожно идешь по мокрому, скользкому цементному полу мимо широких каменных, тоже скользких лавок с прилипшими кое-где на сидениях серовато-зелеными листьями от березовых веников. Если народу было много, мы некоторое время бродили в поисках свободного места и незанятой шайки. А когда найдется или освободится место (рядом с заканчивающим мыться уже нередко стоял желающий сместить его), то прежде чем сесть, отец приносил шайку с горячей (почти кипятком!) водой и обливал сидение. Сядешь на тёплый бетон, окунёшь в таз новую жёсткую лыковую мочалку и потом долго её намыливаешь, с любопытством поглядывая на голых соседей. Изредка пройдет бабка в синем халате, не обращая внимания на привычную картину моющихся мужиков. Помнутся белые сухие краны, из которых наливали горячую воду, и тёмные мокрые, отпотевшие краны холодной воды.

В переславской бане мне бросились в глаза узенькие заношенные тряпочки, которыми у многих мужиков была обвязана одна из щиколоток. До этого я ничего подобного не видел, а может быть, не замечал. Заинтересовавшись, я спросил у отца, для чего эти верёвочки.

– Да это глупость, тёмные люди привязывают, чтобы их не сглазили, не напустили какую-нибудь болезнь, – ответил отец.

В остальные дни между субботними банями о центре города нам напоминал гудок фабрики «Красное эхо» – самой большой в Переславле. Кстати, это название – правда, в таком сочетании не очень понятное – запомнилось сразу.

Другие достопримечательности центра Переславля – древний, ещё домонгольской поры собор, вал того же времени – в

память запали не сразу. В отличие от этих древностей в первый же здешний год запомнился двухэтажный деревянный дом на ул. Кардовского по дороге к центру, который переславцы называли «земством». Правда, что это такое, я тогда не знал, но название запомнил. Между тем за ним тянулась довольно долгая историческая память. Ведь со времён, когда существовало земство, прошло не одно десятилетие.

А где-то далеко (как тогда казалось), на противоположной северной окраине города был рынок. Я иногда ходил туда с матерью. Больше всего он помнится мне в зимнюю пору, когда из деревень привозили на розвальнях целые горы тёмно-красной мороженой клюквы, которую мать покупала для киселя.

У Кусиных, как я уже говорил, было два сына. Помню, как-то на улице – было ещё довольно тепло, видимо, стоял конец сентября – я рассказывал им про Харьков, откуда мы недавно уехали. В свою очередь старший из братьев рассказал про свою летнюю поездку в Казань, про то, как они ездили на трамвае без билета, убегали от кондуктора, спрыгивая на ходу. Парень этот, кажется, работал на переславской фабрике киноплёнки и в Казань ездил то ли поступать в техникум или институт по этой специальности, то ли в командировку на такую же фабрику. В отличие от старшего, младший брат был довольно вредный. Когда я рассказывал им про Харьков, он пренебрежительно сплюнул и сказал: «Харьков – харкотина».

Вскоре наступили первые, не сильные морозы. Снег ещё не выпал, но земля и грязь на дороге затвердели, лужи покрылись льдом, который весело трещал под ногой. Я с интересом, даже с каким-то восторгом наблюдал эти перемены и, приходя домой, делился своими впечатлениями. Однажды я обратил внимание на то, что, несмотря на начавшиеся морозы, сковавшие лужи и покрывшие первым звонким льдом пруд, ручей вдоль дороги продолжал журчать. Я и об этом своем открытии рассказал домашним. Не исключено, что при этом я вспомнил пушкинские строчки из школьной хрестоматии – «...дорога промерзает. Журча, ещё бежит за мельницу ручей, но пруд уже застыл».

Младший Кусин как-то обидно засмеялся на мои слова и сказал что-то насмешливое. Возможно, он тоже вспомнил эти пушкинские слова, но, наверно, ему показалось глупой моя восторженность по поводу какого-то ручья на Селитровке. Но дядя Коля, тоже слушавший меня, понял по моему лицу, что я обиделся, и заступился, сказав – мол, правильно он говорит, ручей ещё не замёрз.

Как и многие школьники, переславские дети, конечно, нередко озорно переиначивали то, что их заставляли учить в школе. И однажды дядя Коля, смеясь и удивлённо покачивая головой, рассказал про какого-то соседского мальчишку, учившегося в семилетке. В ответ на просьбу учительницы прочесть наизусть заданный на дом отрывок из поэмы Некрасова «Крестьянские дети» он наговорил такого, что и произнести трудно, не то, что написать. Но всё же попробую:

- Откуда дровишки?
- Да шел бы ты на х...
- Уж больно ты грозен, как я погляжу.

Как и дядю Колю, меня, конечно, удивила наглость мальчишки, но удивил и наш хозяин, спокойно произносивший матерные слова при детях. От своего отца я никогда таких слов не слышал. Правда, к тому времени я уже знал некоторые из них, но произнести их, конечно, не мог.

В Переславле же мат был привычной частью разговора. Со временем, став постарше, я вполне овладел этой лексикой и в своей мальчишеской компании, как и мои друзья, нередко ею пользовался. Но при этом мы обязательно соблюдали правило – не материться при взрослых и при девчонках. Последнее правило было особенно строгим. К этому времени мы уже стали немного засматриваться на своих ровесниц и не хотели плохо выглядеть в их глазах. В своей маленькой тесной компании, состоявшей из четырех друзей – Вали Воинова, Жени Гусаченко, Вовки Ключа и меня – был даже заключен договор: если кто-то из нас, даже нечаянно, скажет что-то матерное

при девчонках, то остальные стукнут его по спине, напоминая про наше правило. Не помню, доставалось ли мне и Вале, уж про Женьку я не говорю – он был самый стеснительный из нас. А вот Вовке перепадало частенько.

Правда, однажды я тоже оплошал, но это случилось не при девчонках, которые в Переславле меня если как-то и интересовали, то скорее издали. Случилось же это во время прогулки с самым моим любимым родственником – дядей Васей, мужем тёти Нины. Виделись мы нечасто – дядя Вася, как и мой отец, был офицером, служил на ракетном испытательном полигоне в Астраханской области. В отпуск они обычно отправлялись в Клин, к дядиным родственникам, и каждый раз заезжали к нам. В один из их приездов – я в это время, кажется, закончил седьмой класс – мы с дядей пошли в центр города. По дороге о чём-то весело говорили, а когда дошли до центра, он увидел пивной ларёк и решил выпить кружечку. Я пива ещё не пил, но знал, что дядя его любит. И направляясь с ним к ларьку, я к случаю весело произнёс привычную присказку: «Пиво жигулёвское – самое х...е». И тут же понял, что опростоволосился. Но дядя Вася предупредительно промолчал, как будто не заметив моей оплошности.

2. Малая Озёрная

Жить в одном доме с хозяевами было, конечно, неудобно, тем более что мать должна была вскоре родить. И отец нашёл неподалёку от Селитровки, но по другую сторону улицы Кардовского, ближе к озеру отдельный дом на Малой Озёрной. Его хозяин – офицер запаса – был призван в армию и уехал с семьей к месту службы. Сдал же нам дом его родственник.

Дом был новый, но полностью ещё не отделанный, хотя жить в нём было можно – стены, крыша, русская печка, конечно, были. Но самая большая комната, та, которую переславцы называли *зала*, не имела пола. Над провалом высокого подполья будущей залы лежали половые балки, на них успели по-

ложить лишь несколько досок, по которым можно было пройти от двери к наружной стене с вставленными и застеклёнными окнами. Была еще одна небольшая комната и кухня с русской печкой. Там мы и жили. Конечно, сейчас всё это видится уже довольно смутно. Хорошо помню окно, выходявшее на небольшой пруд, выкопанный метрах в десяти от дома. Напротив этого окна, у дощатой перегородки, отделявшей комнату от кухни, стоял стол, за которым мы обедали, за ним же я делал уроки, поглядывая иногда на улицу.

В окно мне были видны высокие старые ивы, росшие над прудом, за ним плетень, отделявший соседний огород, а за ним старый бревенчатый дом. В нём жила старуха с дочкой лет шестнадцати-восемнадцати. Дочка, как мы заметили, была очень работящая – то моет крыльцо, то возится в огороде, то несёт ведро с помоями в свинарник. Но вскоре мы поняли, что у неё не всё в порядке с головой, да и говорила она как-то невнятно. Словом, дурочка. Но при этом ловкая и сильная. Находка для бабки, без неё она бы с хозяйством явно не справилась. А однажды (наверно, это было в ноябре-декабре 1953 г.) я увидел, что в соседнем доме появился бородатый дед в большом рыжем, нездешнем треухе. Родители сказали, что дед – муж старухи, вернувшийся откуда-то домой. Тогда, я, конечно, не придавал этому особого значения. Лишь по лохматому, впервые виденному треуху понял, что старик приехал откуда-то издалека. Сейчас же понимаю, что возвращение странного, как мне показалось, соседа пришлось на время вскоре после смерти Сталина.

Два года назад, будучи в Переславле, я нашёл наш дом на Малой Озерной. До этого я не раз приходил туда, но в этом месте многое изменилось: исчез пруд – главный ориентир, не стало канав вдоль улицы, дома, как и везде, обшили вагонкой, а иные и сайдингом. И я не мог окончательно решить, в каком же доме мы жили. А позапрошлым летом, когда я в очередной раз заглянул на эту улицу и даже стал расспрашивать тамошних жителей, мне неожиданно повезло. Пожилая женщина, стояв-

шая у забора соседнего с «нашим» (по моим прикидкам) дома, где жила старуха, к которой вернулся старик, поинтересовалась, кого я ищу. Я поведал ей свою историю, и оказалось, что она дочка тех старика и старухи, родившаяся после возвращения отца, то есть уже после нашего переезда в Чкаловский посёлок. Я тут же прикинул, что сейчас ей около шестидесяти лет.

– А мне казалось, что он был уже очень пожилой, или его старила борода?

– Да, он и правда, был пожилой.

– Между домами тогда был пруд.

– Пруд был, я помню.

Словом, наконец, я точно определил место, где мы когда-то жили.

Оказалось, моя собеседница работает смотрителем музея на «Ботике». Мы договорились встретиться, когда я приеду в Переславль в следующий раз, она даже дала мне номер своего мобильника. Через год я ненадолго приезжал в Переславль, но на Малую Озерную не выбрался. Но надеюсь добраться туда в свой следующий приезд.

Когда мы перебрались в дом на Малой Озерной, отец решил по примеру большинства наших соседей обзавестись хозяйством. В этом, конечно, сказались привычки деревенского детства, но не только – жизнь в ту пору была довольно скудная. И отец завёл огород, купил козу и гусей, привёз из Загорска породистых инкубаторских кур. Зимой их держали в подполе залы, где было довольно тепло. Отец провёл туда электричество, чтобы продлить курам день (и они стали нестись и зимой), устроил «по науке» автопоилки, в куриный корм подмешивали мелко истолчённые ракушки, за которыми я летом ходил на озеро, и сушёную крапиву, что должно было увеличивать «яйценосность». Куры были крупные, белые, какой-то особой ленгоровской породы. Вместе с курами отец приобрёл и петуха с огромным красным гребнем. Он был ужасно злой, так и норовил клонуть. Он кидался и на взрослых, взлетал, пытаясь уда-

рить в голову своим мощным клювом. А уж со мной он совсем не считался. Стоило мне выйти во двор, как петух с громким воинственным криком выскакивал откуда-то из-за угла, хотя я и старался выбежать на улицу, когда его поблизости не было. Меня спасали только ноги и палка, которую я не выпускал из рук. И все эти муки приходилось терпеть из-за предрассудка, что якобы куры не несут яйца без петуха.

Купил отец и козу, оказавшуюся тоже далеко не добродушным созданием. Помню, что привёз он её летом в кузове грузовика. Молока, по козьим меркам, она давала много. Его хватало и пить, и кашу, и какао сварить, и творог сделать. Но для меня самое удивительное в нашей козе было то, что она очень любила папиросы. Папиросы отец делал сам. Покупал бумажные гильзы, которые тогда продавались в упаковках, хороший табак и специальной машинкой набивал его в гильзы. Табак-то козу и прельщал. Бывало, только отец достанет портсигар, тут же наша белая ухоженная коза приходила в неистовство – становилась на задние ноги, передними ногами опираясь на отца, и тянулась бородатой мордой к портсигару. Отец, смеясь, поднимал портсигар повыше, чтобы немного подразнить её, а потом, оттянув резинку, удерживавшую папиросы, доставал две-три штуки и давал козе, которая их тут же с удовольствием съедала.

Я говорил, что дом на Малой Озерной сдал нам родственник его хозяина. Звали родственника Саша Макаров, жили они с женой Зоей на другом конце города, у рынка. Они с отцом были ровесниками и быстро подружились, стали ходить друг к другу в гости, иногда выпивали. Саша был невысокий, белокурый, весёлый. На фронте его ранило в правую щеку, и рот с этой стороны был у него кривой. Саша работал мастером на фабрике киноплёнки. Любил рисовать, но, как многие самоучки, чаще всего копировал известные картины. Помню, дома у них висела копия перовских «Охотников на привале». Нам он подарил копию васнецовской «Алёнушки», печально сидящей над омутом. Родом Саша был из какой-то переславской деревни. По-моему, и Зоя была оттуда же. Он не раз рассказывал про

свою деревенскую молодость, но, к сожалению, из его рассказов я ничего не запомнил. От деревенской молодости у него осталась и любовь к гармошке.

На одной из соседних улиц, ближе к узкоколейке, был дом, мимо которого я, да и другие ребята боялись проходить – говорили, что в нём живёт бабка-колдунья. Не помню, видел ли я её хоть раз. Но, несмотря на страх, ужасно хотелось взглянуть на загадочный, таинственный дом, и, проходя мимо него, я искоса бросал взгляд на окна – не покажется ли в них колдунья.

Во время жизни на Малой Озерной я впервые задумался о смерти. Однажды где-то по соседству умерла старуха. Хоронили её в летний солнечный день. Из какого-то странного любопытства я пошел за её гробом и дошел до самого кладбища, а идти туда было, я думаю, километра два-три. Хоронили тогда не по-нынешнему, на автобусах на кладбище не ездили, а гроб, если и везли в кузове грузовика, то двигался он под стать медленной похоронной процессии, шедшей до кладбища пешком. Словом, было время подумать. Помнится, ещё по дороге я всё талдычил про себя: «Вот и всё, и её никогда больше не будет». Но особенно прочувствовал я это в те минуты, когда гроб стали опускать в могилу. Я подошел к самому её краю и смотрел, как мужики спускали на веревках гроб, как, опустив его на влажное дно могилы, быстро вытащили и свернули их, как первые комья глины глухо и гулко ударились об его крышку. «И её никогда, никогда больше не будет», – вновь и вновь пронеслось в моей голове, и я всё смотрел, как забрасывают могильную яму глинистой землей, как вырастает на её месте холмик, как мужики прихлопывают его сверху и с боков лопатами, оставляя следы на ещё сырой земле.

Не помню, отнес ли я тогда эту поразившую меня мысль к самому себе. Должно быть, нет – в детстве нашу душу ещё оберегает от подобных потрясений бессознательный, почти животный инстинкт жизни. Но даже применительно к старой бабке мысль о смерти меня потрясла. А ведь ещё года за два, за

три до этого, когда умерла моя двухлетняя сестра Люся, этого со мной не случилось. Я и сейчас вижу её высокий выпуклый лоб, высохшие, потрескавшиеся во время болезни губы, новое крепдешинное платье, бант на каштановых волосах, массу больших, как бы восковых, георгинов, лежавших в гробу, которые с тех пор напоминают мне про смерть. За ними мы с отцом ездили куда-то в кузове «студебеккера». Мне даже запомнилось, что во время этой поездки, держась за передний борт грузовика, я зачем-то плюнул на раскалённую на черноморском солнце металлическую крышу его кабины, и слюна почти тут же высохла. На этом же американском грузовике медленно отвезли на кладбище гроб с маленьким тельцем. И я с родителями сидел в кузове рядом с открытым гробом, но ничего, похожего на мысли, с которыми я провожал на кладбище незнакомую переславскую бабуку, я от тех похорон не припомню.

Занимаясь в последние годы историей переславского краеведения, я обратил внимание на то, что его зачинатель М.И. Смирнов, который в первые послереволюционные годы организовал краеведческое общество и местный музей, занимался и изучением хулиганства. Для этого он составил и распространил по Переславскому уезду специальную анкету. Очевидно, что хулиганство являлось тогда серьёзной проблемой. И записанные в то время частушки¹ говорят о том же:

Эх, товарищи, товарищи,
Побаивайтесь нас.
У нас ножички наточены,
Товарищи для вас.

Болит, болит голова
От осинога кола.
Болят, болят косточки
От железной тросточки.

¹ Переславское Залесье. Фольклорно-этнографическое собрание С.Е. Елховского. Вып. 2 / Отв. ред. С.С. Савоскул. М., 2012. С. 198, 246.

Но и тридцать лет спустя, когда мы оказались в Переславле, хулиганство не исчезло. Помнятся разговоры о страшных драках в переславских деревнях, особенно часто происходившие «на престол» – в дни сельских церковных праздников. Нередко дрались и в самом Переславле. Говорили, что особенно хулиганистыми были «камóрошные» ребята, то есть мальчишки из семей фабричных рабочих, чаще всего дети незамужних женщин, живших в «каморках». Так называли комнаты в старых, ещё дореволюционной постройки фабричных общежитиях – «казармах». Постоянными были слухи о поножовщине, убийствах, о «проигранных» в карты местах в кино. Человек, которому достался билет на это место, должен быть убит. Запомнились мне и разговоры взрослых о том, как в кузов проезжавшей по шоссе машины вскочил какой-то бандит, зарезал сидевшего там человека, тут же на ходу спрыгнул и скрылся. Все эти страшные случаи связывали с амнистией, объявленной после смерти Сталина.

К счастью, ни с чём подобным нам самим сталкиваться не приходилось. Но обычного хулиганства хватало. Помню, однажды на Малой Озерной мимо нашего дома, весело и зло переговариваясь и матерясь, проходила шайка незнакомых мне подростков во главе с одним или двумя парнями постарше. Скорее всего, они только что с кем-то подрались, а может быть, наоборот – шли драться. В руках многих из них я заметил велосипедные цепи, которые в тогдашних драках часто пускали в ход. Отец в это время был чем-то занят во дворе, а я, кажется, сидел на крыльце. Видимо, его, привыкшего к армейской дисциплине, возмутил громкий мат подростков, и он сделал им замечание. В ответ они обложили его матом, а верховодивший в шайке парень на ходу даже пригрозил отцу. Хорошо, что он, по натуре очень вспыльчивый, не успел с ними сцепиться – пацаны быстро скрылись.

Чуть не забыл, что двумя-тремя годами позже я и сам совершенно неожиданно столкнулся с чем-то подобным. В начале киносеанса в городском доме культуры (кинотеатра в Пере-

славле тогда не было) кто-то сидевший сзади вдруг молча сдёрнул с меня кепку. Я удивлённо обернулся и увидел, что незнакомый парень года на три постарше меня с каким-то зверским выражением лица схватил зубами обшитую тканью пуговку на верху моей кепки и «с мясом» оторвал её. Потом он что-то злобно сказал, глядя на меня, и нахлобучил изуродованную кепку на мою голову. Я был настолько изумлён и обескуражен непонятной мне выходкой, что на некоторое время обалдел, но потом меня увлекло происходящее на экране, и я успокоился.

Интересно, что недавно, работая в фондах переславского музея, в разговоре с его сотрудницами я поведал об этой истории своего детского восприятия Переславля. Одна из них, коренная жительница города и, на мой взгляд, практически моя ровесница, удивилась и даже выразила недоверие – я, мол, ничего подобного не помню.

– Видимо, мы с вами жили в разных Переславлях, – пошутил я.

И оказался прав – если мы жили в частном, как еще недавно говорили, секторе, преимущественно в окружении выходцев из переславских деревень, то моя оппонентка, дочь ИТР-овских сотрудников, жила, оказывается, в четырехэтажном доме в конце Ростовской улицы – одном из самых комфортабельных (с центральным отоплением, водопроводом, канализацией и пр.) в тогдашнем Переславле. Словом, мы и вправду жили в разных Переславлях. Понятно, что у неё было гораздо меньше шансов реально столкнуться с местным хулиганьём и даже услышать о нём. К тому же, ИТР-овские родители, скорее всего, оберегали дочь от знакомства с негативной стороной переславской жизни.

Во время первых летних каникул в Переславле, когда мы жили уже на Малой Озерной, я впервые по-настоящему увидел Плещеево озеро. Его прозрачная вода, плотное песчаное дно и широкая полоса прибрежного мелководья, которое хорошо прогревалось, постоянно притягивали меня и соседских мальчишек. Но и знакомство с озером пока ограничивалось ближай-

шим к дому участком его берега. Всё его огромное пространство я по-настоящему обозрел и осознал позднее. Видимо, в то же лето я самостоятельно добрался и до леса, начинающегося тотчас за южной окраиной города. С той поры остался в памяти чудесный образ, пронизанного солнцем шершавого листа лещины и ещё зеленых гроздьев орехов на её ветках.

3. Грозное лето 1953 года

Никогда, ни до этого, ни после, я не видел таких сильных гроз, какие были в Переславле, особенно в первые годы нашей там жизни. Даже, пожалуй, именно в то лето, когда мы жили на Малой Озерной. Говорят, что вода притягивает молнии – может быть, поэтому грозы тогда подолгу стояли над озером и городом и скоро превратили нашу улицу в длинную и широкую лужу, воды в которой мне было по колено. Одни ребята радовались потопу, бегая босиком по новому озеру. Рассказывали, что во время одной из гроз смерч сорвал крышу с колокольни в Ростове Великом, который, как и Переславль, стоит на берегу большого озера.

Грозы были почти каждый день, но особенно запомнились две из них. Во время одной из них мать с маленьким братом и я отсиживались за печкой. Отец был на службе. Вспоминаются частые страшные удары грома, казалось, прямо над нашим домом, а перед этим ослепительно белый свет молний, освещавших даже наш тёмный закуток. Мать очень боялась гроз и, хотя, конечно, ни в какого бога не верила, но при каждой молнии, вслед за которой сразу же раздавался гром, повторяла «Господи Иисусе, Господи Иисусе». Глядя на неё, и я испытывал такой страх, что при каждом ударе тоже страстно повторял какие-то слова, обращаясь к кому-то там, наверху, который, хотелось верить, ответит от тебя страшную беду.

Вторую грозу помню с самого начала. Я с соседскими ребятами ходил купаться на озеро. Не помню, долго ли продолжалось наше купание, но помню, как на воду упали первые

крупные, ещё редкие капли дождя. Бултыхались мы у самого берега, на мели, где вода прогрелась, и дождевые капли казались значительно холоднее её, да и всегда, когда вылезает из теплой воды, становится зябко, а тут вдобавок дождь. Вначале мы даже хотели переждать его в теплой воде. Пусть холодные капли скачут вокруг, а ты сидишь, лишь одна голова торчит поверх воды.

Но чёрная грозовая туча, надвигавшаяся из-за озера, ветвистые молнии от неба до земли и первые мощные раскаты грома выгнали нас из воды. Мы помчались вначале кочковатым сырым лугом, а потом через капустные грядки подсобного хозяйства фабрики «Красное эхо». Чёрная торфянистая земля облепила босые мокрые ноги, а гроза и ливень тем временем разыгрались не на шутку, и было страшно бежать по открытому месту.

Но вот, наконец, и дом. На моё счастье дождь загнал куда-то и клева́чего петуха, и бодучую козу, и я вбежал на крыльцо. А в доме было так приятно ступить мокрыми босыми ногами на тёплый дощатый пол и сухие чистые половики.

Мать и отец были дома. А гроза опять стояла прямо над нами. Возбужденный бегом, я подошел к открытому окну и смотрел на дождь, хлещущий по огуречным грядкам и цветущей картошке, на рябую от ливня воду пруда, на взъерошенные кроны старых вётел на его берегу, на белую изнанку их кипящей на ветру листвы и на огненно-красного петуха, бог весть откуда появившегося на соседнем плетне. Этот петух поразил меня тем, что, несмотря на шум ливня, то и дело сверкавшие молнии и страшные удары грома, он как будто пытался переорать грозу. Об его истошном крике можно было лишь догадаться по характерной петушиной позе, которую они принимают во время кукареканья, размахивая крыльями, вскидывая голову и напрягая глотку.

Как всегда во время грозы, было сумрачно, но в коротком блеске молний особенно ярко блестели омытые дождём листья вётел. Эти старые вётелы вокруг пруда и зеркало, висевшее на

дощатой перегородке напротив раскрытого окна, сыграли для меня роковую роль.

Молния ударила ещё раз, да так близко, что от её удара одна из старых ветел развалилась надвое, обнажив своё белое нутро. При этом, видимо, какое-то ответвление молнии, попавшей в ветлу, залетело через открытое окно и прошло через меня, оставив две маленькие ранки – на темени (куда разряд вошел) и на среднем, самом длинном пальце левой руки – откуда он вышел. Одновременно разряд ударил в зеркало, которое, очевидно, его и притянуло, и оно рассыпалось на мелкие кусочки. Но всё это я узнал позже. А в тот момент вслед за ударом молнии перед моими глазами понесся поток огненных искр, и через какое-то мгновение всё исчезло.

Очнулся я уже в «зале», вернее в подполье, поскольку пола, как я уже говорил, здесь не было. Я лежал почему-то на земле и, открыв тяжёлые веки, увидел сквозь какую-то мутную колеблющуюся пелену (так бывает, когда нырнёшь под воду и откроешь глаза) склонившегося надо мной отца, а выше поперечные половые балки и две-три доски на них.

Первая мысль (а может, и не первая, а одна из мыслей, что пришла тогда) удивительно серьёзная, взрослая: «Неужели я умру?!». И сразу же за ней детская: «Нет ли здесь петуха?!» Я заканючил – петух заклюёт. Отец успокоил – не бойся, петуха нет.

Я сразу же понял – то ли сам, то ли догадался по каким-то обрывкам разговора между родителями – меня ударила молния. А в подполье я очутился потому, что в то грозное лето все говорили – если человека ударит молния, нужно скорее закапывать его в землю, чтобы электричество ушло из тела. Но подполья отцу показалось мало, земля, видимо, думалось ему, здесь не та, и он перенес меня в огород. Положил между грядками, где уже стояла вода, и сверху присыпал мокрой землей. А дождь всё лил, и меня с головой накрыли то ли половиком, а может быть плащом, сейчас уже не помню. Прodelав все это, отец, побежал в интернат слепых, где был единственный на ближайшую округу телефон. А я остался один. Было холодно, мокро

и, наверно, было бы ужасно обидно, что меня бросили, если бы не вялость и безразличие, овладевшее мною. Пролежал я так, пока не приехала из отцовской части машина (помнится, «газик») с военным врачом. Он-то и велел откопать меня, отругав отца за невежество, и отвёз в больницу. Там я пробыл недели две. Оказалось, что левым глазом я перестал видеть, поскольку в результате удара молнии его хрусталик помутился. Уцелевшим же глазом я по-прежнему всё видел как бы сквозь воду.

На мое счастье, окулист городской больницы оказался толковым. До этого он жил в Москве и работал в институте глазных болезней имени Гельмгольца, но по известному «делу врачей» был сослан за 101-й километр. Кстати говоря, вот ещё одна ипостась тогдашнего Переславля. Он-то и посоветовал отвезти меня в клинику института. С его письмом мы с отцом поехали в Москву. В клинике я пробыл всю оставшуюся часть лета – месяца полтора, если не все два. Зрение пораженного глаза, конечно, не восстановилось (тогда ещё не делали операции по замене хрусталика), зато полностью вернулось ко второму.

Пока я в одиночестве скучал в клинике на Садовой-Черногрязской, в Москве происходили серьёзные события. Какие-то тревожные слухи доходили и до меня. Помню, в больнице говорили, что по приказу Берии к Москве подтянули танки, а потом сказали, что его самого арестовали и расстреляли. В чём дело, я, конечно, не понимал, но было немного страшновато одному, без родителей. За всё это время ни мать, ни отец ко мне не приезжали. Лишь однажды ко мне приходили приехавшие в отпуск тетя Нина с дядей Васей и моим двоюродным братом – восьмилетним Лёнкой. Несколько дней они провели в Переславле, и Лёнка рассказывал, что они поймали на озере чайку с перебитым крылом. Я слушал его, и мне так захотелось увидеть эту ослепительно-белую птицу!

Правда, в больнице у меня были и свои заботы. Несколько раз из моего позвоночника брали пункцию спинного мозга – видимо, для научных целей. Процедура, мягко говоря, не самая приятная и очень болезненная. Не знаю, помогло ли это мне, но

моему лечащему врачу – молодой ещё женщине – думаю, по-могло. Ей со мной повезло – она как раз писала диссертацию о поражениях зрения от попадания молнии. Возможно, поэтому я и пролежал так долго. Были у меня и другие, не менее «серьезные» проблемы, например, противные манные запеканки и бледный овсяный кисель, которые я тайком спускал в унитаз.

Тот удар молнии, разваливший старую ветлу, разбивший зеркало и лишивший меня левого глаза, стал рубежом в моей судьбе. Правда, вначале я его почти не заметил, поскольку довольно быстро забыл о том, что у меня всего один глаз и вспоминал об этом лишь тогда, когда мне нужно было припомнить – где правая, а где левая сторона. В детстве я часто их путал, а тут у меня появилась постоянная подсказка. Однако жизнь напомнила мне о моём левом глазе сразу же после окончания школы, когда я решил поступать на географический факультет МГУ. В приемной комиссии посмотрели мою медицинскую справку и сказали, что, к сожалению, принять мои документы не могут. Я растерялся и спросил, на каком же факультете их примут и с этой справкой. Только на мехмате, ответили мне, и я понес документы туда, благо факультет этот располагался всё в том же высотном здании на Ленгорах. Но на первом же экзамене письменном по математике – я понял, что попал не туда. Задачи, которые мне достались, были совсем не похожи на те, что я довольно легко решал в школе. Я даже не понял, с какого бока к ним подступиться. Посидев с четверть часа, я сдал свой листок, забрал документы и вернулся домой. На следующий год я пошел на исторический факультет, сожалея, что годом раньше мне, провинциалу никто не подсказал, что здесь есть куча интересных кафедр, в том числе археологии, этнографии, которые сулят экспедиционные поездки не менее интересные, чем на географическом факультете. С другой стороны, молния избавила меня от армии – в военкомате, когда подошло время моего призыва, после медосмотра я получил военный билет с записью: «рядовой необученный, годный к нестроевой службе в военное время».

Вернувшись домой с Садовой-Черногрязской, я увлеченно, азартно рассказывал о своем пребывании в институте, о том, сколько врачей и медсестер выхаживали меня – во мне явно проснулся Хлестаков. Самое главное, возразить мне и оспорить меня никто не мог – в своих выдумках я был монополистом. Привирал, видимо, чтобы придать большую значимость себе и своей болезни – говорил, что у меня якобы была отдельная палата, и врачи и медсестры то и дело напоминали другим больным: «тихо, тихо, здесь лежит тяжело больной...».

И мой одноклассник Васюков (имени не помню, мы все звали его по фамилии), сын военного врача из отцовской части, с уважением сказал, что так не ухаживали и за Маресьевым.

Вообще, насколько помнится, в раннем детстве я частенько что-нибудь выдумывал, видимо, чтобы как-то отличиться от других. Так, я рассказывал своему однокласснику, который жил в «каморках» и носил материну засаленную телогрейку, болтавшуюся у него ниже колен, что мы живём богато, что у нас есть и пианино, но мы оставили его в Харькове, что каждый день мы пьём кисель (но не овсяный, как в больнице, а клюквенный) и какао. Правда, и то и другое я тогда любил, а мать действительно часто их варила.

Года через три я ещё раз попал в переславскую больницу. Перед этим у меня сильно болел живот, родители вызвали скорую помощь и меня отвезли в больницу. Пролежал я там неделю или чуть больше, врачи определили какое-то воспаление, чем-то лечили, а потом выписали. Но в первую же ночь, проведенную дома, живот пронзила такая боль, что терпеть её было невозможно. Отец опять вызвал скорую, и ранним утром я очутился на операционном столе. Наркоз был местный, и когда хирург вскрыл живот в правом паху, то я почувствовал, что операционную заполнил сильный запах гноя. Оказалось, что ночью у меня лопнул аппендицит, который и болел всё время, пока я лежал в больнице – просто врачи почему-то не подумали о нём. Потом мне сказали, что если бы с операцией задержали

еще на несколько часов, то воспалился бы кишечник, и спасти меня не удалось бы. Словом, мне опять повезло, и я остался жив.

В тот раз я пролежал в больнице больше месяца, потому что зашить живот было нельзя, в него вставили дренажную трубку и постоянно вливали через неё какие-то лекарства, чтобы предупредить воспаление брюшины. К тому же каждый день меня отвозили на перевязку и кварцевание открытой раны. За месяц я поправился, рана затянулась и меня выписали.

Всё это время я лежал в палате, в которой было ещё двое взрослых мужиков и старик из Веськова. Старика кто-то ударил топором так сильно, что рассек плечо и часть груди. У одного из мужиков – еще молодого, в возрасте моего отца, были парализованы ноги. Ремонтируя машину (он был шофёр), поставил её на домкрат, залез под неё, а домкрат, к несчастью, сорвался, и упавшая машина сломала ему позвоночник. Третий сосед по палате, как и я, лежал после операции аппендицита, к счастью, не гнойного. Ему, на мой взгляд, тоже не было ещё и сорока. По образованию он был врач, но если и работал когда-то врачом, то недолго, а пошел по административной линии – был заведующим райздравотдела.

И чего я только не наслушался за эти дни, лёжа в одной палате с мужиками. Чаще всего они весело и с удовольствием вспоминали о своих победах на «женском фронте». При этом медицинский администратор, судя по его рассказам, иной раз брал «крепость» с помощью своего служебного положения, а парализованный, еще недавно часто ездивший в командировки по району, обычно использовал для этого свое преимущество человека при машине. От него я впервые услышал частушку, которую потом не раз записывал во время своих этнографических поездок:

Не ругай меня, мамаша,
Что я шофёру дала,
Ты сама меня просила
Подкалымить на дрова.

От собственных подвигов мои соседи иной раз переходили к Потёмкину, Орлову и другим любовникам Екатерины, а однажды я услышал от них о каком-то сибирском мужике Гришке Распутине¹, якобы соблазнившем последнюю царицу, жену Николая II. Бывший шофер рассказывал, что Распутин никогда не пьянел, хотя выпить мог сколько угодно. Его секрет, о котором наш сосед где-то вычитал, заключался, оказывается, в том, что когда Гришка пил, то ел много яблок.

А веськовский старик, услышав про Николая, рассказал, что он сам видел царя, который приезжал на «Ботик», когда отмечали триста лет царствования Романовых. Тогда там была постелена красная ковровая дорожка, по которой Николай спустился с холма до самого берега, сел на лодку и катался по озеру.

4. Чкаловский посёлок

Поздней осенью или в самом начале декабря 1953 г. мы переехали в финский домик в заново выстроенном маленьком посёлке рядом с бывшим Горицким монастырем, в котором находился краеведческий музей. В первое время, после переезда в новое жильё отец не раз с гордостью говорил, что поскольку новый посёлок построен для авиаторов, то его, естественно, и назвали в память о знаменитом лётчике. В последующие десятилетия в районе Чкаловского вырос большой массив многоэтажных домов, в котором ещё сохранившиеся старые финские домики составляют его небольшую окраинную часть.

¹ Интересно, что в 1920-е годы в д. Куряниново Переславского уезда был записан припев к песне «Вдоль по речке»:

Распутина любила,
К Распутину ходила
Саша поздно вечером.

Возможно, припев возник под влиянием слухов о Г. Распутине и его отношениях с императрицей Александрой Федоровной. См.: Переславское Залесье. Фольклорно-этнографическое собрание С.Е. Елховского / Отв. ред. С.С. Савоскул. Вып. 1. М., 2011. С. 231.

Но до сих пор этот переславский топоним, возникший в начале 1950-х годов и закрепившийся за новым престижным в городе микрорайоном, напоминает об уже несуществующей, но вошедшей в местную историю ШМАС. Кстати, уже работая в Институте этнографии, я встретил там переславского земляка, уроженца Рыбной слободы Валю Кочнева (несмотря на пожилой возраст все называли его просто Валея) – бывшего фронтовика, ставшего специалистом по народам Южной Азии. Он-то и рассказал мне, что ещё до войны в Переславле стояла какая-то авиационная часть. Видимо, она и была предшественницей ШМАС.

В «Чкаловский» поселили семьи офицеров, жившие до этого на частных квартирах. Из трех комнат одного из домов нам на четверых (моему среднему брату Володе было тогда около года; младший – Олег – родился два года спустя) выделили две. Третью комнату занял молодой офицер с женой. Чтобы поскорее перебраться в своё жильё, отец с нашим будущим соседом сами красили полы и клеили обои. А Саша Макаров принес специальные трафареты и нарисовал по ним розетку в центре потолка, обитого фанерой и покрытого масляной краской. В середине этой розетки отец повесил простенькую люстру. По трафарету дядя Саша украсил и углы потолка.

Остальные пять переславских лет до переезда в Серпухов мы прожили в этих комнатах. Козу и кур отец продал, а гусей до наступления настоящей зимы поместил в выделенное нам отделение длинного дощатого сарая, в котором все эти годы мы хранили уголь, торф и дрова. В домиках было автономное отопление, горячая вода для которого нагревалась специальным котлом, стоявшим на кухне.

Гусей до холодов усиленно кормили, а потом пустили на мясо. Может быть, с гусей, привезенных с Малой Озерной, у нас в семье надолго завелась традиция готовить к новогоднему столу тушёного гуся. Кстати говоря, кроме гусей, скудной одежды и постельного белья нам и перевозить было нечего. Не помню, была ли у нас посуда – если и была, то было её

совсем немного. А свою мебель стали заводить лишь в Серпухове, где получили, наконец, собственную квартиру. Но это другая история, начавшаяся гораздо позже, когда я учился уже в десятом классе. В финском же домике у нас была кое-какая мебель – два простых стола, три-четыре стула, диван с высокой спинкой, на котором я спал, и родительская железная кровать с никелированными шишками по углам высоких спинок. Всё это отцу выдали на складе его воинской части. Так что в Серпухов мы переезжали тоже налегке. Тем более что и там на первых порах жить пришлось на частной квартире. К переезду в Серпухов добавился лишь небольшой картонный ящик с книгами, которые я в Переславле стал понемногу покупать, выпрашивая деньги у родителей. Кстати, помню и единственный в городе книжный магазин в центре на Ростовской улице. Там он и сейчас, но тогдашний, на мой взгляд, был интереснее.

Среди купленных тогда книг мне запомнились всего две. Одна – толстенная в твёрдом белом переплёте с наклеенной на нём картинкой, на которой был нарисован парусник среди льдов. Это была повесть К.С. Бадигина «Путь на Грумант» – о поморах, чей коч потерпел крушение у берегов острова, который русские в старину называли Грумант, а сейчас мы знаем его как Шпицберген. Они прожили несколько лет на заполярном острове, соорудили землянку, добывали себе пропитание, шили одежду и обувь из шкур убитых зверей, заготавливали плавник на топливо для длинной полярной зимы. Не помню только, как они вернулись домой. Описание приключений русских полярных робинзонов в XVII–XVIII веках, настолько меня увлекло, что я навсегда запомнил и фамилию писателя, и название его книги. Потом, когда я стал уже взрослым, мне попадались и другие его книги, я узнал, что он сам до того, как стать писателем, был капитаном ледокольного парохода «Георгий Седов». Но к тому времени меня интересовали уже другие писатели, и Бадигин навсегда остался для меня автором одной книги.

Другая книга (вернее, небольшая тоненькая книжечка) называлась, кажется, «Жизнь в пруду». Не исключено, что назва-

ние у неё было другое, но рассказывалось в ней именно про обитателей прудов – лягушек, водяных жуков, рыб, тритонов. Загадочных, зловещих на вид, но безобидных тритонов я впервые увидел в Переславле у нашего пруда на Малой Озерной. Они вызывали во мне противоречивые чувства – отвращение и даже страх, соединенные с любопытством. Эта книга, скорее всего, заинтересовала меня тем, что, оказывается, в обычном нашем пруду происходит какая-то почти незаметная (исключая, конечно, лягушек) жизнь неведомых нам существ, о которой можно написать целую книжку.

В Чкаловском посёлке было, на мой взгляд, не более двадцати финских домиков. Занимали они сравнительно небольшой участок между Горицким монастырём, вдоль которого проходила дорога, идущая от расположенных в километре от поселка солдатских казарм, и задами усадеб домов, стоявших на улице Кардовского. Среди них была и бывшая усадьба художника Кардовского. Тогда она ещё не была огорожена, а её заднюю границу обозначала аллея старых, высоких лип.

Домики посёлка выстроили в три ряда, между которыми находились сараи, поначалу желтевшие новыми досчатыми стенами, такие же туалеты на два отделения и несколько водопроводных колонок. Посёлок был огорожен невысоким забором из новых некрашенных штакетин, в котором было оставлено несколько проходов. Из экономии домики соорудили из двух соединенных общей стеной половин, выходы из которых были обращены в противоположные стороны. Располагались домики довольно тесно, так что, например, от нашего крыльца до крыльца соседей напротив было не больше десяти метров.

Весной отец и тут завел небольшой огород, раскопав землю между нашим домом и дорогой у монастырской стены. Перед огородом ближе к дому отец вырыл довольно глубокий погреб, над которым построил навес со скатом в сторону дороги. Навес со всех сторон обшил досками, а для входа в получившийся шалаш навесил дверь. В конце зимы в погреб закладывали лёд,

который привозили на продажу мужики из приозёрной деревни Вёськово. Холодильников тогда почти ни у кого не было, и в таких лёдниках летом хранили портящиеся продукты.

Кроме огорода отец насадил у крыльца и под окнами много цветов. Была там и разноцветная космея, и ярко-оранжевые ноготки, и георгины, и астры, и флоксы, и цинния, и пахучая маттиола, и душистый горошек. В те годы цветы стали его страстью. Об этом увлечении отца знали все, в том числе начальство ШМАС. Каждую весну ему выделяли группу курсантов, и под его руководством они засаживали цветами всю территорию части. Цветочные клумбы и грядки делали у казарм, возле учебных корпусов и в бывшем Фёдоровском монастыре, где размещались штаб части, воинские склады, столовая, магазин военторга (с плакатом «Болтун – находка для шпиона», на котором были изображены две весело разговаривавшие женщины («видимо, из военторга», – думал я), а неподалёку от них хитроватый на вид мужичок в хорошем костюме, направивший в их сторону своё большое ухо и что-то строчивший редкой тогда авторучкой – помню даже её колпачок – в блокноте), клуб, библиотека, которую я вскоре стал посещать не реже чем раз в неделю, а то и чаще, жилые дома (помню двухэтажный деревянный дом), в которых жили семьи начальства части.

На территорию Фёдоровского монастыря проходили через КПП, где солдат с карабином проверял пропуски. У меня тоже был пропуск, который я с некоторой робостью (особенно на первых порах) и одновременно с гордостью показывал часовому, когда шёл в библиотеку, военторг или в столовую, куда мать иной раз посылала меня с судками на всю семью за вторым мясным блюдом – с продуктами, особенно с мясом в Переславле в ту пору часто бывали перебои.

А однажды, когда я уже сильно вытянулся, а нога у меня стала, как у взрослых, отец взял меня с собой на вещевой склад, чтобы я померил ботинки, которые ему, как офицеру, положено было получать раз в два года, а может быть, и ежегодно – на казенной службе подошвы так и летели. Но он чаще

ходил в сапогах, чем в ботинках, сносить их не успел и решил (для экономии, ведь помимо меня было ещё два младших брата) новые ботинки отдать мне. Склад размещался в огромном монастырском соборе, неподалёку от хорошо знакомой мне библиотеки. Помню облупившиеся церковные своды и стены, на которых кое-где проглядывали цветные одежды, лица, руки каких-то святых. В тёмном помещении, заваленном гимнастёрками, шинелями, отрезами на офицерские кителя и брюки, плащ-палатками и прочим воинским обмундированием, старшина-каптенармус достал ботинки, и я принялся их мерить. Не помню, подобрали ли мне пару сразу или я мерил ещё одну. Но чудесный, праздничный запах, исходивший от новых ботинок, и их твёрдую, жёлтую, заощённую подошву я помню и сейчас. Кстати говоря, не один я ходил в офицерском обмундировании. Сын наших соседей зимой щеголял в белом офицерском полушубке, ловко схваченном по узкой талии широким кожаным ремнем, в отцовских галифе и высоких хромовых сапогах.

Может быть, там же, в бывшем Федоровском монастыре, были и какие-то учебные корпуса, но я в этом не уверен. А в полуразрушенном Даниловском монастыре, как я недавно узнал от моего институтского друга Эдика Александренкова, бывшего в 1956–1957 годах курсантом переславской ШМАС¹,

¹ А познакомились мы с ним еще в начале 1970-х годов, когда Эдик только начал работать в нашем институте, вернувшись с Кубы, где несколько лет был переводчиком. Знакомство наше началось с того, что однажды он подошел ко мне и спросил: «Сергей, а капитан Савоскул – твой отец?» – «Да» – ответил я немного удивленно. – «Он мне в Переславле электротехнику преподавал». – «В ШМАС?» – «Ну, да. Я хорошо его помню. Веселый был такой, все время улыбался! Увидишь, привет ему передавай. Конечно, он меня не помнит, но все равно – скажи – один, мол, курсант». Отец в то время был уже в отставке и жил в Киеве, и при первой же встрече я рассказал ему про курсанта, который его до сих пор помнит. Отец заулыбался, и я подумал, что он, наверно, действительно нравился этим ребятам в гимнастерках и кирзовых сапогах.

была столовая, куда они каждый день маршировали для «приёма пищи». А отец ходил на службу куда-то вдаль от наших финских домиков, где на каких-то пустырях стояли казармы курсантов – своего рода бараки. Там же, неподалёку от казарм, в таких же длинных одноэтажных деревянных зданиях располагалась и часть учебных корпусов. За ними было стрельбище, с вала которого виднелось Плещеево озеро. А учебный аэродром, откуда целыми днями доносился рёв реактивных самолётов, никогда не поднимавшихся в небо, находился южнее, подальше от озера, в глубине этой пустынной озерной террасы. По преданию, именно оттуда, через хлеба приозерного села Вельского, прискакал юный Петр, решивший начать тут строительство первой российской флотилии.

Возвращаясь к отцу, скажу, что увлечение цветоводством, садом, огородом он пронёс через всю жизнь, до самой своей смерти. Но впервые по-настоящему это проявилось у него именно в Переславле, где мы надолго осели на земле. Кстати, в те же годы отец познакомился с лесоводом С.Ф. Харитоновым, который тогда начал разводить дендрарий, ставший позднее одной из городских достопримечательностей.

Об основной своей работе – преподавании в ШМАСе, где он вел с курсантами цикл занятий по электрооборудованию самолётов, отец нам почти ничего не рассказывал. Помню только несколько учебников, которыми он пользовался, и аккуратные отцовские конспекты, исписанные его мелким, красивым, чётким, ровным почерком. Отец любил хорошие письменные принадлежности – тетради в твердой обложке, остро заточенные карандаши, перочинные ножички, а когда появились авторучки, он купил сразу несколько.

Когда я немного подрос, отец вменил в мою обязанность наполнять водой большую бочку, из которой мы потом брали нагретую за день воду для поливки огорода и цветов. Рано начал он приучать меня пилить с ним дрова. А попозже я уже стал колоть распиленные чурбаны.

Помнится ещё, как отец, собираясь чистить свой китель, не раз использовал меня в качестве манекена. Это уже оскорбляло, но делать было нечего, приходилось стоять, пока он тёр китель щёткой. Помню тепло ватных плеч, отцовский запах, впитавшийся в китель. Нужно сказать, что форма на отце всегда была подогнана, сидела на нём ловко. Ещё одна забота – пуговицы, их чистка была целой процедурой. Они нанизывались на специальную пластмассовую дощечку с прорезью в середине; это делалось, чтобы не испачкать сам китель или шинель. Потом пуговицы мазали специальным кремом и до блеска надраивали щёткой.

Вообще, отец был физически развитый, ловкий человек. Он не только свободно подтягивался, но и крутился на турнике, проделывая разные упражнения. И смеялся над нашим вторым соседом по финскому домику – лыжником-перворазрядником. «Ну и спортсмен, – издевался отец, – висит на турнике как мочалка». Но однажды его скрутил радикулит. Ходил он, согнувшись пополам. Когда немного поправился, его отправили на грязелечебный курорт в Саки. Помнится, привез он оттуда зимние продолговатые крымские яблоки и фотографии – отец у моря на фоне сильного прибой, у стен генуэзской крепости, выстроенной на скале. В Саки он ездил и на следующий год, от радикулита избавился.

Поскольку офицерские оклады были тогда заметно выше, чем получало большинство переславцев, то в посёлке часто появлялись люди, стремившиеся здесь что-нибудь заработать. Помню приходивших ранней весной рыбаков, приносивших на продажу только что заострённых зеленовато-серых пятнистых щук, свисавших с плеча чуть ли не до резиновых сапог. Щуки нерестятся ранней весной, как только на озере появляются забереги – узкая полоска воды между берегом и ещё не растаявшим озерным льдом. На нерест они выходят на мелководье, чем и пользуются, вооружившись острогóй, охотники за щуками. Не знаю, была ли тогда эта охота запрещена, как за-

прещена сейчас, хотя, видимо, кое-кто до сих пор продолжает ею промыслять. В наши же дни она была ещё широко распространена, и все в Переславле знали, что такое острога́, когда начинается бой щук. А поздней осенью, в холодные ноябрьские дни на озере идёт нерест знаменитой переславской царской (её называли ещё «кремлёвской») селёдки – ряпушки. Эта сравнительно небольшая реликтовая рыба, оставшаяся в озере со времён последнего оледенения, в ноябре целыми косяками поднимается из холодных озерных глубин, где она обитает в тёплое время года, и попадает в рыбацкие сети. Копчёную, жирную, вкуснейшую ряпушку в сезон её лова рыбаки тоже приносили на продажу.

Приходили и разные мастеровые, чаще всего точильщики. А однажды я долго наблюдал за дряхлым (на носу у него постоянно висела капля) стариком-бондарем из какой-то пригородной деревни. Он тут же делал небольшие бочки и бочонки. Мне особенно интересно было смотреть, как он набивал обручи. Время от времени появлялись какие-то люди, предлагавшие нарисовать на хозяйской ткани или клеёнке коврик. При этом сюжет можно было выбрать по своему вкусу – замок на фоне леса с оленем на опушке или озеро с лебедями и пышной красавицей, лежащей на берегу. Мать остановилась на замке и отдала под будущий коврик светлое шерстяное одеяло. Замок этот долго висел над родительской кроватью, а потом куда-то делся, так что я даже не заметил. Другие предлагали перевести на пластмассовую тарелку портрет с фотографии. И такая бледно-желтоватая тарелка с моей детской фотографией, помнится, висела у матери ещё и в серпуховской квартире, когда у меня уже появились свои дети.

Как я уже говорил, нашими соседями по дому – жившими в третьей комнате – вначале были молодой офицер с женой. Ни фамилии, ни имени их уже не помню, в памяти лишь осталось, что родом он был из Перми. Прожили они у нас года два-три, потом он поступил в Ленинградскую военно-воздушную академию, избрав себе, как мне тогда показалось, странную,

непривычную для военных специальность – метеорология. Но в авиации без неё, конечно, не обойтись. Человек он был добродушный, под стать характеру было у него и лицо – доброе широкое, мясистое. После этой семьи нашими соседями стала другая молодая пара. Родом они были из Башкирии, он, кажется, и по национальности был башкир, а она татарка. Соседа этого я уже упоминал – он запомнился тем, что был перворядником по бегу на лыжах.

Но самыми близкими нам стала семья Солдатовых. Жили они напротив нас, так что их крыльцо было метрах в десяти от нашего. Но нас сближало не только расстояние. Подполковник Солдатов (имени уже не помню) был лет на десять старше моего отца. Это был скромный, интеллигентный человек с остатками огненно-рыжих волос на заметно облысевшей голове. До Переславля он долго преподавал в Иркутском военном авиационном инженерном училище, откуда, кажется, его и перевели в переславскую ШМАС.

Солдатов неплохо рисовал, любил литературу – первую домашнюю библиотеку я с завистью увидел именно у них. Каждый свой отпуск он ездил в какое-нибудь экзотическое место – в Армению, в Крым, на Черноморское побережье Кавказа и привозил с собой в качестве отпускного трофея несколько альбомов с карандашными рисунками. Как сейчас помню рисунки армянских островерхих церквей, ереванских фонтанов, виноградников, портреты армянских стариков и молодых девушек. В Армению он ездил, видимо, со своим другом Акопяном – интеллигентным майором-инженером.

Интересной женщиной была и его жена – худенькая, пожилая, как мне тогда казалось, а ведь ей, наверно, не были и пятидесяти лет, весёлая и общительная тётя Шура. Она, как и её муж, тоже была конопатой и, хоть и не огненно рыжей, но с явной рыжиной в седеющих волосах. Родом супруги были из Шуи (о которой я тогда впервые услышал), где познакомились и поженились. Помню, что старшие Солдатовы не раз рассказывали про Иркутск, про городской рынок, на котором буряты

продавали байкальских омулей, про армады наших самолётов, пролетевших на восток после победы над Германией и объявления войны Японии.

Отец относился к Солдатову с большим уважением, и с Акопяном он тоже вскоре подружился. Правда, в каком-то смысле отец в этой компании был и по возрасту, и по званию на младших ролях. Да и по образованию, и по своим интересам был он им как будто бы не пара. Отец смолоду и до конца жизни был чистой воды технарём, увлечённым своей работой, армейской и семейной жизнью; он ни разу не заглядывал ни в какие книги, не считая учебников по электрооборудованию самолетов, по моторам, книг по цветоводству и приусадебному хозяйству. Армейский устав открывал лишь иногда по нужде, а краткий курс истории ВКП(б), серо-голубоватую обложку которого я помню до сих пор, тоже не очень жаловал – читал его лишь перед обязательными политзанятиями. Единственная художественная книга, которую я помню в его руках – и то во время какой-то случившейся с ним болезни, когда он вынужденно сидел дома, была детская повесть «Малышок», которую я в ту пору с увлечением читал, но автора её не запомнил. Речь в ней шла о мальчишке, работавшем во время войны токарем на военном заводе. Был он ещё мал ростом и, чтобы достать до станка, стоял на ящике. Отец прочёл книгу и сказал, что она ему понравилась. Но этот случай был единственным, и дальше чтение художественной литературы у него не пошло.

В родителей – слегка рыжеватыми, но сильно конопатыми – пошли и дети Солдатовых – старший Валерка, младший Вовка и Нина, средняя по возрасту. А из-за моих ярко-рыжих волос меня частенько тоже принимали за одного из Солдатовых. Вовка был немного младше меня, и летом, когда мои друзья-одноклассники исчезали с горизонта, мы с ним сближались – ходили купаться на озеро, играли с соседскими ребятами, читали одни и те же книжки. Валерка был заметно (года на четыре) старше меня, и у него были свои друзья. Он стал одним из первых «стиляг» в Переславле, ходил в узких брюках-дудочках, в

пёстром лохматом пиджаке с широченными плечами, полуботинках на толстой жёлтой каучуковой подошве и с карикатурным «коком» на голове. Таких «стиляг» в городе тогда было совсем мало, и им, конечно, приходилось сносить постоянные насмешки не только взрослых, но и сверстников. Их даже не раз пытались побить, но всё как-то обходилось.

Вместе со «стилягами», под стать им появились и новые песни, по большей части иностранные, которых я совсем не помню, но были и наши, русские, вроде: «В бананово-лимонном Сингапуре...» – а что было в этом Сингапуре, я уже и не припомню. А куплет из какой-то глупенькой песенки в памяти остался, он чем-то напоминает мне о давно забытых «стилягах»:

Я не поэт и не брUNET,
Не герой, объявляю заранее.
Но буду ждать и тосковать,
Если ты не придешь на свидание.

Интересно, что Валерка, несмотря на свой кок, пёстрый пиджак и «дудочки», увлечённый, как и многие тогдашние мальчишки, романтикой морской службы, после школы поехал в Ленинград поступать в Высшее инженерное военно-морское училище. Экзамены он сдал успешно и месяц до присяги и начала учебы прожил в училищной казарме. Этого месяца, когда пришлось драить полы в казарме, мыть туалеты и совершать прочие матросские подвиги, оказалось достаточно, чтобы отвлечь его от романтической мечты и вернуть назад в Чкаловский, под крылышко родителей. На этом героический облик Валерки для меня погас. С началом учебного года он начал работать лаборантом в нашей школе. Наверно, в связи с этим его отец сделал для школы большую красиво написанную красками таблицу Менделеева. Для лучшей сохранности наглядного учебного пособия таблица была сделана на большом, толстом покрытом краской листе фанеры в рамке.

Раз уж я вспомнил в связи с Валеркой про стилияг, то признаюсь, что тогдашнее модное поветрие каким-то краем коснулось

и меня. Летом, – видимо, я тогда закончил седьмой класс, – мать, ездившая за покупками в Москву, привезла мне модную пёструю клетчатую рубашу, какую-то твердую, каляную на ошупь. Мне она не понравилась – уж очень яркая, в ней я чувствовал себя попугаем. К тому же застегивалась она не так, как мы привыкли – у ворота, а по всей длине, как женская кофта. Но отвертеться от обновки не удалось – мать уговорила, я, мол, хотела тебя порадовать, в Москве многие мальчишки в таких рубашах ходят. Скрепя сердце пришлось одеть, хотя в Переславле такие рубашки были ещё редкостью. Хорошо, что у нас было мало денег, и мать не купила мне полуботинок на толстой каучуковой подошве и широкого в плечах, лохматого пёстрого пиджака. Уж их, а тем более узких коротких брюк-дудочек я бы ни за что не надел. Правда, в Серпухове, когда я учился уже в десятом классе, мать такой пиджак мне всё ж таки купила. И я в нём спокойно ходил – тогда в нашей школе уже многие носили такие стильные пиджаки.

Первое длинное демисезонное пальто с поясом мать мне пошила (в мастерской или у какой-то портнихи в Переславле), когда я учился в восьмом классе. Правда, вскоре из-за привычки ходить в таком длиннополом наряде я порвал одну полу, перелезая через забор в усадьбе Кардовского. Тонкое сукно, из которого пошили моё пальто, отцу выдали для парадной шинели, но он решил, что поносит ещё и старую, тем более что одевал он её не часто. Отрез был светло-серым и его перекрасили в чёрный, не такой маркий.

Но закончу рассказ про Солдатовых, я ведь ничего не сказал про их сестру Нину. Она была года на два постарше меня. Видимо, из-за того, что мы жили рядом и виделись каждый день, Нина оказалась единственной девчонкой, которой я не стеснялся, и мы с ней частенько болтали. Высокая, худенькая, конопатая, с длинными рыжеватыми косами Нина была девушкой весёлой, озорной и смелой. Я с ужасом смотрел, как она брала в руки своего ручного ужа и, задорно смеясь, вешала его себе на шею, засовывала за пазуху. Зная, что я ужасно этого боюсь, она иногда, шутя, размахивала хвостатым гадом, делая вид, что

бросит ужа на меня. А однажды у них по дому стали расплзаться маленькие ужата. Оказалось, что её питомец был вовсе не уж, а ужиха, успевшая незаметно отложить яйца в большой ламповый приемник. Там благодаря лампам образовался своего рода инкубатор – и какое-то время спустя в приемнике стали вылупливаться ужата. Лет в четырнадцать-пятнадцать я был немного влюблен в Нину, но, конечно, ни ей, ни кому-либо другому об этом не говорил. Ну а потом мы уехали в Серпухов, и началась другая глава в моей жизни.

В первые годы после переезда из Переславля родители поддерживали отношения с Солдатовыми. После отставки подполковника он с семьей поселился недалеко от Москвы – в городе Железнодорожный, откуда тётя Шура с мужем однажды приезжали к нам в Серпухов. Отец интересовался судьбой и других близких соседей – помнится, некоторое время он переписывался с семьей Осауленко, перебравшихся после отставки главы семьи в какой-то курортный город Кавказских минеральных вод. С ними родители были знакомы ещё с Харькова. А в Чкаловском поселке они жили во второй половине финского домика, через стену от нас.

Вспоминая свою жизнь в Чкаловском поселке, хочу отметить, что в те годы у меня, как, видимо, и у других ребят из офицерских семей, сложилось довольно выраженное (но почти не высказываемое) самосознание офицерских детей. Я думаю, что этому способствовало и наше проживание в маленьком посёлке, где мы тесно общались и с ребятами из офицерских семей, и с их родителями. Это самосознание проявлялось по-разному: в первую очередь, в нашем поведении – как правило, в большей, чем у других детей, дисциплинированности, сдержанности в отношениях со старшими, стремлении хорошо учиться, чтобы не позорить своих родителей. К тому же успешная учёба, как считалось, будет способствовать успехам в нашей будущей взрослой жизни. Иначе, как повторял отец, «пойдешь коровам хвосты крутить». Кстати говоря, это стремление проявилось и в дальнейшей судьбе тех из наших ребят,

о которых я что-либо знаю – после школы большинство из них поступило в вузы (в т.ч. в военные). Эти поведенческие нормы, конечно, не являлись строго абсолютными, но всё же, на мой взгляд, были присущи большинству офицерских детей моего поколения, судя, прежде всего, по нашему переславскому окружению. Мотивации такого поведения формировались, конечно, в первую очередь в семье. Названная идентичность, складывавшаяся из особого образа жизни, судьбы и сознания офицеров, а в той или иной мере и членов их семей («кочевая» жизнь, строгая подчинённость снизу доверху, основанная на данной один раз присяге, «высокая» миссия Советской армии и офицерского корпуса, тогдашнее большинство которого участвовало в Великой Отечественной войне, и т.д.), к определенному возрасту (12–14 годам) стала у меня вполне осознанной и в какой-то мере сохраняется до сих пор.

Кроме того, у мальчишек из офицерских семей был и особый символический предмет, отличавший их от остальных учеников – чудесная кожаная светло-коричневая полевая сумка через плечо. Под её крышкой длинные узенькие кожаные ячейки для карандашей и ручек, а когда отстегнёшь кнопку, закреплённую на небольшом кожаном хлястике, раскрывается сложенное пополам верхнее узкое отделение сумки, закрытое тонким, твердым и прозрачным целлулоидом. Оно было предназначено для полевой карты, а мы за неимением карты укладывали туда свои тетрадки, учебники же держали во втором, широком отделении сумки. И когда отец получил в очередной раз новую полевую сумку, он, зная о моей мальчишеской мечте, отдал её мне, и в этот же день я забросил свой портфель, а в школу отправился с обновкой. Было это, по-моему, в ту пору, когда я учился в пятом или шестом классе.

5. Начальная и семилетняя школы

Воспоминаний о двух годах учебы в переславской начальной школе у меня осталось совсем немного. Школа была маленькая, двухэтажная, с крутой деревянной лестницей, по ко-

торой после окончания уроков я слетал вихрем, чтобы скорее выбежать на улицу, а на первых порах и скрыться подальше от одноклассников, грозивших побить новичка. В начале осени, когда ещё стояло тепло, во время перемены мы выбегали на маленький двор. Там на высокой перекладине были закреплены традиционные шест и канат. Я ловко залазил по скользкому шесту вверх, до самой бревенчатой перекладины и, обхватив ногами шест, быстро соскальзывал вниз. Иногда от сильного трения горели руки.

В этой школе смутно помню двух наших учительниц. Одна из них была светло-русая женщина средних лет, и может быть, я бы её и не вспомнил, если бы не один казус, случившийся с нею. Однажды, оглядываясь на доску, где перед этим она что-то писала, наша учительница направилась к своему столу и, промахнувшись мимо стула, села на пол, смешно раскинув ноги. Её неожиданное падение вызвало смех в классе и оставило след в моей памяти. Другая учительница была полной и рослой старушкой с благородной сединой, умными глазами и тихим голосом. Кажется, она-то и учила нас все два года, а та, которая села мимо стула, видимо, подменяла её на какое-то время. Сестра нашей старенькой учительницы была в этой школе директрисой. Тоже крупная, полная и седая, но с одутловатым красным лицом. Наверно поэтому она казалась мне, в отличие от сестры, злой. Одноклассники говорили, что сёстры жили вместе в собственном доме в Подгорной слободе напротив Горицкого монастыря. А недавно, занявшись историей переславского краеведения, я узнал, что это были известные в городе учительницы Охотины. Учителями они начали работать сразу же после окончания переславской гимназии. Вначале преподавали в деревнях, а потом перебрались в город. В 1920-е годы одна из них – А.Н. Охотина – участвовала в фольклорно-этнографической работе Переславль-Залесского научно-просветительного общества (Пезанпроб), организованного М.И. Смирновым, о котором я уже упоминал. В переславском селе Бибирево она записала несколько песен и частушек, состави-

ла также описание материальной культуры и свадебных песен села Пожарского¹.

С пятого класса мы стали учиться в семилетке. Этот переход запомнился рассказом одной из учительниц этой школы о каком-то мальчишке, приехавшем на старом велосипеде записываться в пятый класс. По её словам, он учился с нами в школе на Нагорной Крестьянке. Босой, с грязными ногами, не стриженный, – ужасалась она. По её описанию мы узнали своего одноклассника Валерку Мартьянова, по прозвищу Мартын.

Здание семилетки было лишь чуть больше здания начальной школы. Правда, здесь гораздо обширнее был школьный двор – широкий и длинный. Зимой на уроках физкультуры мы всем классом ходили по нему на лыжах, хотя для лыж места там было всё же маловато, и мы то и дело сталкивались друг с другом.

Школьный туалет, как, видимо, и в предыдущей школе, был выгребной. Я бы, конечно, и не вспомнил про такую деталь (дело ведь для тогдашней переславской жизни было обычное), если бы не наш директор. Это был пожилой, худошавый, среднего роста человек, отличавшийся своеобразным юмором. В школе был заведен порядок – закрывать входную дверь после звонка на первый урок. Помню, стою я как-то в коридоре у окна, выходящего в сторону входа. На снегу перед окном переминаются двое или трое опоздавших мальчишек. Видимо, первый урок они уже пропустили, и была перемена, иначе непонятно, как я оказался в коридоре. Директор тоже смотрел в окно на опоздавших ребят, всем своим видом показывавших, что они виноваты, но хотят попасть в школу. А директор со смехом советует им через открытую форточку: «Ребята, лезьте через очко», т.е. дырку в туалете.

Директор преподавал нам историю. И тут он не обходился без юмора. Вспоминается одна из его шуток. Рассказывая про религию Древнего Египта, он, видимо, чтобы нам стало

¹ Переславское Залесье. Вып. 2. С. 530.

понятнее, поведал, что там тоже были попы, которых звали жрецами, и добавил: «жеребцами». Следом за ним дружно рассмеялся, не совсем понимая юмор историка¹, и весь наш пятый класс. Потом мы узнали (скорее всего, от самого директора-историка), что когда-то он был знаком с Емельяном Ярославским – главным безбожником Советской России отсюда, думаю, и его насмешки над всякими там попами, жрецами. Видимо, он гордился этим былым знакомством. Не думаю, чтобы кто-то из класса слышал до этого про Емельяна Ярославского. Во всяком случае я тогда впервые услышал о нём, но запомнил это имя на всю жизнь. Запомнил, наверно, ещё и потому, что фамилия (тогда я, конечно, не знал, что это псевдоним М.И. Губельмана) главного российского безбожника оказалась созвучной с названием области, в которой мы жили. Его псевдоним, видимо, связан с тем, что М.И. Губельман в первые годы прошлого века некоторое время был одним из руководителей ярославского революционного подполья, от Ярославской организации социал-демократов он не раз избирался делегатом на партийные съезды.

Из римской истории с тех пор в памяти осталось имя Муция Сцеволы, того, который сжёг свою правую руку, чтобы показать пленившим его этрускам, что не страшится пыток. Когда я рассказал об этом римском герое, ребята прозвали меня Муцием Сцеволой, и некоторое время насмешливо называли этим именем. Видимо, странное римское имя² и странная моя фамилия казались им схожими.

Уроки по истории древней Греции и Рима запомнились ещё и тем, что в учебниках мальчишек живо привлекали фотогра-

¹ Юмор, помимо созвучия слов, состоял, очевидно, и в том, что православных священнослужителей в свое время нередко называли «жеребчым» сословием, имея в виду, очевидно, их длинные волосы – «грибы». Но тогда я этого не знал; думаю, что и мои одноклассники тоже.

² Лишь много позднее, даже не в университете, где мы изучали латынь, я узнал, что Сцевола (Scaevola) в переводе означает «левша».

фии обнаженных скульптур (в первую очередь богинь) с фиговым листом на причинном месте. На этот счет был даже сочинен хулиганский стишок:

Стоит статуя
Глазами вниз,
А вместо х..
Кленовый лист.

Но особенно поразила меня в ту пору репродукция рубенсовской пышнотелой Данаи, которую я увидел в «Огоньке». В отличие от фотографий холодных белых статуй учебников, к тому же прикрытых фиговыми листиками, здесь было нечто тайное, запретное – живое женское тело, которое невольно притягивало взгляд. И в то же время, будучи запретной, эта притягательная тайна таила в себе и что-то зазорное, не позволявшее разглядывать её с кем-то ещё. Кстати, и позднее, уже в девятом-десятом классе, когда я впервые попал в Третьяковку и Пушкинский музей, изображения обнаженной женской фигуры одновременно и притягивали, как магнитом, и отталкивали – было стыдно смотреть на них в окружении других людей.

В то же время, понятно, что разглядыванием картинок дело не могло ограничиться. Уже в семилетке пристальное внимание вызывали и живые представительницы противоположного пола, правда, не столько одноклассницы, сколько девушки постарше, к примеру, школьная пионервожатая. Наблюдениям за ней помогала крутая лестница, шедшая вдоль внутренней стены. К тому же, на нашу удачу, внизу, там, где лестница заканчивалась, у стены стояла длинная лавка. Помнится, я и другие ребята старались сесть поближе к лестнице, чтобы можно было хоть краем глаза заглянуть под юбку поднимающейся на второй этаж или спускающейся оттуда пионервожатой. Правда, сама она совершенно не запомнилась.

Раз уж речь зашла о пионервожатой, то нужно сказать, что моя пионерская биография оказалась не очень простой и не ограничилась тайным заглядыванием под юбку пионервожа-

той. Дело в том, что когда я с некоторым опозданием (в Переяславле отец не сразу нашел квартиру, и мы с матерью приехали туда уже после начала учёбы) начал учиться в третьем классе, все мои одноклассники были уже пионерами. И весь третий класс я был белой вороной – ходил в школу без галстука. А просто купить и повязать галстук, как советовала мать, я не мог – меня ведь не приняли в пионеры! Безгалстучное положение меня несколько тяготило, тем более, что к нему добавлялось и моё каровье аканье, и статус новичка, и рыжая, хотя и подстриженная «под Котовского» голова. Наконец, в четвёртом классе перед строем пионеров я дал клятву, на меня повязали галстук, и я на три-четыре года стал рядовым пионером, чтобы потом стать таким же комсомольцем.

Вернёмся, однако, к учителям. Хорошо помню высокую, худую средних лет очкастую математичку. Кроме своего предмета она вела у нас и уроки музыки. На этих уроках мы в основном пели под её гитару, но, кажется, учили и нотную грамоту. Сядет, помнится, наша учительница, положив ногу на ногу и прижав к груди гитару, а мы хором: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед...»: или – «То берёзка, то рябина, куст ракиты над рекой. Край родной навек любимый, где найдешь ещё такой».

Она была веселой, доброй, никогда не злилась. И мы нередко злоупотребляли этим, поэтому на её уроках часто шумели. На эту волну однажды попал и я. В классе пятом-шестом прицепилась ко мне, как репей, дурацкая присказка, которую я перенял от кого-то из ребят. И однажды после объяснений нашей математички я довольно громко, на потеху класса добавил: «раздался голос из помойки». В классе захихикали. Учительница удивленно взглянула на меня и лишь укоризненно покачала головой. Какое-то время спустя я, раззадоренный успехом, опять повторил своё выступление. На сей раз она меня пристыдила, добавив, что уж от меня этого никак не ожидала. Мне и вправду стало стыдно, и я больше эту глупую шутку не повторял.

Учитель географии – невысокий полненький человек средних лет – запомнился своим горбатым носом, чем-то напоминающим руль на большой лодке, из-за которого школьники и дали ему прозвище – Толя Руль.

Благодаря этому прозвищу он попал в городской фольклор, точнее в рифмованный шуточный ответ на вопрос «Кто в Переславле лучше всех живёт?»¹. Ответ гласил:

Поп Покровский,
Врач Рудковский,
Толя Руль
И старшина Ключ².

Неожиданно для нас географ умер – оказывается, он был сердечник.

Из остальных учителей лучше всего помню нашу классную руководительницу, преподававшую русский язык и литературу, – невысокую, скромно одетую женщину лет тридцати. Её имя и отчество я уже забыл, а фамилию хорошо помню – Шагова. В памяти осталась её чёткая подпись в дневнике, выведенная полностью (так что не пропущена ни одна буква) крупным, красивым женским почерком. Не могу припомнить что-нибудь особенное на её уроках. Ко мне она относилась хорошо, видимо, из-за моей любви к чтению. Учеба давалась мне легко, поэтому на уроках я нередко читал, положив книгу на колени и открыв крышку парты. Не помню, чтобы учителя меня особенно ругали за подпольное чтение. Лишь «немка», заметив это однажды, взяла у меня книгу, чтобы узнать, что я читаю, и вернув её мне, ворчливо заметила: «Ты бы немецкий получше

¹ Видимо, по аналогии с названием поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?».

² Поп Покровский (фамилия его была, конечно, другая) – священник единственной действовавшей тогда в городе Покровской церкви. Врач Рудковский был известным в Переславле гинекологом, а старшина Ключ – отцом нашего друга Вовки Ключа. Кстати говоря, последняя фамилия в последней строчке нередко заменялась более коротким, созвучным, конечно, ненормативным словом.

учил». С немецким у меня и вправду сразу же не заладилось. Всё остальное давалось мне с лёту, а тут нужно было нудно зубрить, а зачем – не понятно. Ведь и на русском столько интересных книг. Честно говоря, с тех пор иностранные языки – моё слабое место. В своей жизни я по-настоящему так и не выучил ни один. Думаю, что главная причина, конечно, лень и отсутствие серьёзной необходимости¹.

А вот русские книги с переславских лет на всю жизнь стали моими любимыми спутниками. Какой-то вклад в это внесла и наша классная руководительница. Она показала мне школьную библиотеку, и я стал её постоянным посетителем. На мой теперешний взгляд библиотека в нашей семилетней школе была по-своему уникальной. В ней мне запомнилось несколько удивительных книг, открывших для меня новые миры.

Помню, однажды я взял там большую книгу адмирала Ф.П. Литке об его исследованиях в северных морях. Правда, она оказалась для меня слишком серьёзной, и я её не одолел. Но хорошо помню карты, рисунки полярных островов, портрет старого морехода – в эполетах, с бакенбардами. Наверняка, и эта книга как-то заронила во мне интерес к Северу, который позднее, в университете воплотился в первую мою экспедиционную поездку, совершенную именно на Север. Недавно, чтобы напомнить себе своё тогдашнее чтение, я нашел в библиотеке

¹ В связи с моей любовью к бессистемному чтению в известной мере могу отнести к себе высказывание А.И. Герцена о своем детстве: *«Страсть к бессистемному чтению была вообще одним из главных препятствий серьезному учению. Я, например, прежде и после терпеть не мог теоретического изучения языков, но очень скоро выучивался кое-как понимать и болтать с грехом пополам (а нам и этому негде было выучиться – С.С.), и на этом останавливался, потому что этого было достаточно для моего чтения».* (Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. М., 1975. С. 44.) А чуть дальше он пишет: *«Я занимался спустя рукава и думал памятью и живым соображением заменить труд».* (Там же. С. 45). Это тоже могу сказать и о себе.

эту книгу, изданную в 1948 году¹. Я и на сей раз её не одолел – это всё же сугубо «мореходное» сочинение. Но из предисловия я узнал, что Литке был первым вице-председателем Русского императорского Географического общества (председателем его обязательно был член царской семьи), основанного в 1845 году, а с 1864 по 1882 год был президентом Российской Академии наук. Заодно я посмотрел и другую, на мой взгляд, более интересную его книгу, повествующую о кругосветном путешествии в конце 1820-х годов, во время которого он побывал в Южной Америке, в Полинезии, на Камчатке и в Русской Америке. А на обратном пути в Россию, обогнув мыс Доброй Надежды, в апреле 1829 года мореплаватели зашли на остров Святой Елены. Наполеон к тому времени уже умер, но прах его еще не перевезли в Париж (это произошло в 1840 г.).

Как пишет Литке: *«Губернатор острова генерал Даллас, старый офицер ост-индской службы, и любезное семейство его оказали нам самое радушиное гостеприимство. В их доме провели мы несколько приятных вечеров: они сопровождали нас в прогулках по разным частям острова, между которыми неприятнейшая по положению, но замечательнейшая по соединенным с ней воспоминаниям, – бывшая темница великого морального и политического феномена нашего времени»*. Но состояние дома, в котором провел свои последние годы Наполеон, вызвало тяжёлое чувство у путешественников. Оказалось, что *«ферма Лонгвуд, не нужная больше под темницу, возвращена хозяевам, которые расположили её по хозяйственному и, ставя лошадей в спальне Наполеона, думали только о лошадях, а не о Наполеоне и его спальне»*. Но виноват в этом, по словам Литке, не хозяин фермы, а *«люди повыше его, которые, если и не из уважения к памяти своего гостя или пленника, – как угодно, – то, по крайней мере, из приличия или даже по расчету не должны были допустить этих перемен. Таково мнение самих жителей острова, и почтенный Даллас говорил, что*

¹ Литке Ф.П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821–1824 годах. М., 1948.

если бы зависело от него, то он заставил бы предшественника своего, при котором все это сделалось, на собственный счет восстановить все, как было при кончине Наполеона. Ни один мореходец, остававшийся у острова, не забудет посетить уединенной гробницы его, многие нарочно для этого заходят на остров; плакучие ивы, которыми она обсажена, рискуют быть совсем уничтожены от желания каждого иметь хоть ветку на память. Офицер, назначенный сопровождать путешественников по острову, не имеет отдыха, а когда случаются путешественники-французы, то в награду за труд он должен еще слышать проклятия, которыми они осыпают тюремщиков (как они выражаются) своего идола»¹.

Другую книгу из школьной библиотеки – монографию В.Г. Богораза о чукчах – мне как будто бы подсунула сама судьба. Правда, к тому времени я уже прочёл книгу Т. Сёмушкина «Алитет уходит в горы» и о Чукотке представление имел. У Богораза же меня особенно поразили фотографии голых по пояс чукчанок, сидящих в пологе яранги. В этой же библиотеке я обнаружил книгу П.К. Козлова с описанием его путешествий по Монголии. Мне её дали на летние каникулы. В то лето во время отцовского отпуска мы ездили к тётке Марусе в Яготин, где я и читал Козлова. Помимо прочего вычитал у него, отправляясь в дальнейшее путешествие, экспедиция запасалась у монголов сушеными молочными пенками. У тётки было много молока, и я решил попробовать высушить пенки, повесив их, как бельё, на веревку. Мой опыт оказался неудачным, и я понял, что монголы сушили пенки как-то по-другому.

А однажды после уроков мы с Шаговой ходили к ней домой – она обещала дать мне ещё одну интересную книгу. Жила она не очень далеко от школы – в бывшем Никольском монастыре. Совершенно не помню её жильё, кажется лишь, что дома был и её маленький сын. А почитать она дала мне большой толстый том с киргизским эпосом «Манас». Почему она выбрала эту кни-

¹ Литке Ф.П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин». М., 1948. С. 248, 250.

гу, я и сейчас не понимаю. Видимо, книга ей самой нравилась, недаром же она у неё оказалась, а может быть, я рассказывал ей про экспедиции Козлова, и она вспомнила про «Манас». Я с большим интересом прочитал эпические сказания о киргизском богатыре, об организованном им походе против недругов его народа. С тех давних пор в памяти навсегда осталось не столько само содержание книги, которое помнится смутно, но произведённое ею сильное впечатление чего-то древнего, необычного и героического.

Летом 2000 года мне довелось впервые побывать в Бишкеке, провести несколько дней на Иссык-Куле, куда меня возил мой киргизский приятель Абалабек Асанканов – бывший аспирант нашего института, к тому времени ставший уже доктором, профессором и заведующим кафедрой в Киргизском университете. А за несколько лет перед этим он возглавлял комитет по подготовке к 1000-летию юбилею «Манаса», торжественно отмечавшемуся в Киргизии как общенациональный праздник. В разговоре с Абалабеком я вспомнил о своем впечатлении от книги, прочитанной в детстве. И он высказал предположение, что это был не весь «Манас»¹, а его часть «Великий поход», изданный, видимо, в переводе Семена Липкина, самом известном и, по мнению киргизских филологов, одним из лучших по передаче подлинника. По словам Абалабека, при подготовке юбилейного издания манасский комитет решил заказать новый перевод эпоса Владимиру Солоухину. Перевод оказался интересным, что отметили и киргизские специалисты, но, в конце концов, манасоведы остановились на переводе Липкина, решив, что в талантливом переводе Владимира Алексеевича слишком много самого Солоухина. Наверно, киргизские ученые были правы, но всё же жаль, что солоухинская работа осталась в рукописи.

Улетая из бишкекского аэропорта «Манас», я увозил с собой подаренное Абалабеком недавнее переиздание знаменито-

¹ По объему это один из самых больших эпосов мира – в самом полном его варианте, записанном в 1940-х гг. от манасчи Саягбая Каралаева, около 400 тысяч стихотворных строк.

го киргизского эпоса¹, полностью воспроизведенное с русского перевода, выпущенного отдельной книгой в Москве в 1946 году². По красной обложке с изображением лежащего на мече круглого щита я узнал книгу, которую когда-то мне дала почитать моя учительница.

Со временем кроме школьной я открыл для себя и библиотеку нашей части, и пока мы не уехали в Серпухов, она стала для меня основным источником книг. Библиотека была довольно большая, но, к сожалению, там не было открытого доступа. Библиотекарши или сами предлагали книги, или давали ту, которую ты попросишь. Конечно, если бы я мог самостоятельно походить вдоль полок, то наверняка нашёл бы немало интересных книг, о существовании которых и не подозревал.

В октябре 1955 года (в начале шестого класса) я завел толстую красивую тетрадь в твердом чёрном переплёте и стал по месяцам записывать туда авторов и названия прочитанных книг. Этот читательский дневник я вел до окончания школы и два года спустя. Тетрадь эта, несмотря на все переезды, у меня сохранилась. Судя по ней, читал я без особого разбора. Руководить моим чтением, помимо школьной программы было некому. Правда, перелистав тетрадь, я вижу, что в ней нет записей о многих книгах из школьной программы, которые я тогда прочел и которые остались в памяти на всю жизнь. Это и «Евгений Онегин», и «Капитанская дочка», и «Тарас Бульба», и «Герой нашего времени», и «Война и мир», и «Воскресенье» и т.д.

Помню, что читая «Героя нашего времени», я обратил внимание на то, что Печорин был блондин, но брови и ресницы у него были чёрные, а по словам Лермонтова, это говорит о породе в человеке. Запомнилось же это потому, что у меня была рыжая

¹ Манас: Великий поход. Кыргызский эпос / Пер. С. Липкина и др. Бишкек, 1994.

² Манас: Великий поход. Кыргызский эпос / Пер. С. Липкина и др. М., 1946.

голова («блондин неудачного цвета», как говорили о рыжих), а брови и ресницы черные. И втайне я этим гордился – ведь сам Лермонтов сказал, что подобнее сочетание выдаёт в человеке породу.

Но всё же, несмотря на бессистемность чтения, уже и тогда стал определяться круг наиболее привлекавших меня тем. Просмотрев записи за 1955–1958 годы, вижу, что в моем чтении не много места занимали популярные тогда детские книги. Правда, оказывается, я всё же одолел (наверно, не без интереса) толстенную книгу Валентины Асеевой «Васёк Трубачев и его товарищи», но совершенно не помню её содержания. Лучше помнится рыбаковский «Кортик». Кое-что из книг Аркадия Гайдара я читал до этого, хотя и не очень много. Роман Н. Островского «Как закалялась сталь» и сейчас неплохо помню, а вот его же книга «Рождённые бурей», которую, как подсказывает тетрадь, я прочел одновременно, не оставила никакого следа. Пережил я в те годы и увлечение научной фантастикой – особенно книгами Жюль Верна, читал также А. Конан-Дойля, И. Ефремова, А. Беляева, А. Толстого («Гиперболоид инженера Гарина»). Читал, конечно, и приключенческие книги – Ф. Купера, В. Скотта, А. Дюма, «Приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо, «Остров сокровищ» Р. Стивенсона. С большим интересом читал о казаках – помимо «Тихого Дона» и «Поднятой целины», читал книги о кубанских казаках А. Первенцева и «Даурию» К. Седых. Прочёл и «Угрюм-реку» В. Шишкова. Много читал и художественно-исторических книг – «Цусиму» А. Новикова-Прибоя, «Легенду об Уленшпигеле» Шарля де Костера, Н. Задорнова («Далёкий край», «К океану», «Амур-Батюшка»), «Спартак» Р. Джованьоли, «Железный поток» А. Серафимовича, М. Загоскина, И. Лажечникова. Одну за другой прочёл книги из трилогии В.Г. Яна о монгольском нашествии – «Чингисхан», «Батый» и «К последнему морю». Позже мне попала и его последняя книга «Юность полководца» – про Александра Невского. Образ этого русского героя – пере-

славского уроженца, сына переяславского¹ князя Ярослава Всеволодовича, можно сказать, осенял Переславль и Плещеево озеро. А в мое сознание образ Александра Невского особенно сильно проник с одноименным фильмом. Помню тот летний день, когда после сеанса в городском доме культуры вдохновленный увиденной лентой я поднялся на городской вал и, глядя на древний Спасо-Преображенский собор, поблизости от которого когда-то стояли княжеские хоромы, в которых появился на свет будущий полководец, с гордостью думал, что вот здесь, в нашем городе родился тот, кто однажды произнес гордые слова: *«Кто к нам с мечом придёт, от меча и погибнет, на том стояла и стоять будет Русская земля!»* И только позже, уже учась на историческом факультете МГУ, я понял, что источников о жизни Александра Невского очень мало (главные из них – «Житие» и короткие известия летописей) и понравившееся мне высказывание, как и всё, что произносил в фильме Николай Черкасов, игравший роль князя, сочинено сценаристами – П. Павленко и самим С. Эйзенштейном.

Судя по чёрной тетради, в переславские годы я прочёл и кое-что из мировой классики: «Дон Кихота» Сервантеса, «Давид Копперфильд» и «Посмертные записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенса, «Евгения Гранде» О. Бальзака, «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго, «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека.

6. Зимние и летние развлечения

С переездом в Чкаловский я начал понемногу осваивать его окрестности. В 1953–1954 годах я ещё учился в начальной школе и по пути домой вместе с некоторыми одноклассниками, жив-

¹ До XIV века название города, наименованного (как и некоторые другие города Северо-Восточной Руси – например, Переяславль-Рязанский) в память о южном Переяславле, писалось (и, видимо, произносилось) с «я», которое со временем утратилось.

шими в нашем посёлке или на Кардовской улице, шёл нередко через глубокий овраг у Сретенской церкви, рядом с которой находилось небольшое заброшенное кладбище. На некоторых могилах уцелели каменные и чугунные надгробья с чуть видными надписями. А на одной из могил стоял ажурный чугунный крест с бронзовым распятием посередине. К другой стороне оврага примыкал двор «зарбарака»¹ – инфекционной больницы. Через него мы ходили ещё чаще – так было ближе к дому.

Зимой мальчишки лихо скатывались на лыжах в овраг. Среди них был и один из моих одноклассников, живший в маленьком домике напротив оврага по пути к зарбароку. Я с завистью смотрел на вихрящийся за ними снег, но лыж у меня не было. Лыжи отец купил мне позже, когда я учился то ли в пятом, то ли в шестом классе. Вначале я ходил на них неподалеку от нашего поселка, но скоро разведаль путь к загородному лесу. С тех пор я чуть ли не каждый день уходил на лыжах в лес, до которого нужно было вначале идти километра полтора через поле, мимо колхозной фермы Федоровской слободы, потом скатываться в неглубокий овраг, за которым лыжный след вёл в лес. Лыжню постоянно накатывали курсанты и офицеры во время обязательных для них лыжных марш-бросков. А самым лучшим лыжником в части был, как я уже говорил, наш сосед – старший лейтенант. Щупленький, среднего роста, на лыжах он преображался – не шел, а летел как вихрь.

Лыжи понравились мне, прежде всего, тем, что сильно расширили доступное мне пространство, открыли доселе неведомый мне зимний лес, в глубине которого меня встречали то малоснежные темные ельники, то заваленные снегами участки мелколесья, где нужно было проходить под арками согнувшихся от снега длинных тонких березок, то смешанный лес. Иной раз я забирался так далеко, что выходил на незнакомую опушку, мимо которой тянулся в какую-то деревню накатанный блестящий санный след.

¹ Т.е. – заразный барак.

Во время своих лыжных прогулок я обычно не встречал никого из своих сверстников или ребят постарше. Да и взрослые лыжники попадались редко. Лишь иногда услышишь сзади шорох лыж, скрип креплений, позвякивание алюминиевых колец на лыжных палках, но идешь, не оглядываясь, пока не раздастся за спиной требовательное – «лыжню!». Тогда по негласному правилу сойдешь одной лыжей в снег, уступая другой накатанный след догнавшему тебя сзади. Так же, но уже молча, расходишься и со встречным лыжником. Мне нравилось (и сейчас нравится) кататься на лыжах в одиночку, в дни, когда другие редко выходят на прогулку. Поэтому я не любил ходить в воскресенья, когда в лесу полно людей. Кстати, тогда была не пятидневная рабочая неделя (её ввели у нас в начале 1960-х годов), как сейчас, а шестидневная. Так что и в субботу можно было кататься свободно.

Помню, в восьмом классе, уже перейдя в среднюю школу, размещавшуюся в красивом деревянном здании в центре города, я, задержавшись на лыжной прогулке в лесу (благо учились мы во вторую смену), частенько опаздывал на первый урок. Учителя на мое уже привычное объяснение – «извините, был на лыжне» – реагировали, помнится, спокойно, молча кивали или говорили: «Иди на место».

Бродя на лыжах по лесу, я впервые в жизни увидел множество незнакомых звериных следов. Захотелось хоть немного разобраться в них. Подсказать мне что-то было некому, но в школьной библиотеке (ещё в семилетке) нашёлся для меня ключик – небольшая книжка называвшаяся, если не изменяет память, «Спутник следопыта». Написал её известный биолог и чудесный художник А.Н. Формозов. Продержав её всю зиму, я научился различать следы зайца, лисы и белки, кабаньи тропы, огромные следы лося и мелкие строчки, оставленные мышью. Книжка подсказывала, в какую сторону (с первого взгляда это и не поймешь) прыгал заяц, двигался он неспеша или летел стремглав. И по следам лисы можно было понять – шла ли она обычным ходом или переходила на бег. Настоящим следопы-

том я, конечно, не стал, но и сейчас, приметив в зимнем лесу или на лугу заячий, беличий или лисий след, я с удовольствием вспоминаю ту маленькую книжку и первые самостоятельные уроки в переславских снегах.

Летом в свободное время я чаще всего уходил в «свой» овраг¹ – тот самый, который нужно было миновать, чтобы добраться до леса. Рядом с шоссе, от которого зимой в него спускались на лыжах, овраг был неглубокий, поросший редкими кустами. Дальше, вниз по текущему по его дну ручью, овраг становился глубже и круче. Здесь его склоны и низ густо поросли орешником, черемухой, осинкой, а по самому верху низкими дубками. Я спускался к прозрачному ручью и подолгу сидел, слушая тихое журчание воды и глядя на солнечные пятна, шевелящиеся на пестрых, лежащих на дне камешках. Потом отправлялся по течению ручья вниз – дальше овраг становился ещё глубже, мрачнее, а его склоны сырее и непролазнее из-за перепутавшего кусты и стволы деревьев пряного хмеля и густых зарослей высокой крапивы. Этим путем я нередко доходил до устья ручья, прорезавшего склон озёрной террасы неподалёку от Веськова.

В лес и в «свой» овраг я всегда ходил один. И так полюбил эти прогулки, что отправлялся в любую погоду – и в метель зимой (в лесу всё равно было тихо, ветер шумел лишь в верхушках), и в непогоду летом, осенью или весной. В непогоду мне особенно нравилось бывать в лесу – наденешь непромокаемые яловые сапоги (отец всегда их промазывал дёгтем), отцовскую плащ-палатку, идёшь и слушаешь, как шуршит в кронах дождь. Или сядешь на корни высокой густой ели, под которой упругим ковром лежат опавшие иголки, слушаешь невнятный лесной шум и мечтаешь, бог знает о чём.

С тех пор я люблю быть наедине с природой. Как-то на старости лет мать вспоминала, что однажды отец попросил меня

¹ «Пошёл в “свой овраг”» – отвечала в таком случае мать, если кто-то меня спрашивал.

нарубить и принести из леса палок для подвязки помидор. «Взял, – говорила мать, – топор и ушел. Стало вечереть, а тебя всё нет. Вернулся отец со службы, уже темнеет. Побежали мы с ним по шоссе – машин тогда мало ходило, не то, что сейчас – не боялись, что собьют. Вышли за город, впереди твой овраг, за ним лес. Идем дальше, я уже с ума схожу. Вдруг слышим – что-то распевает во всё горло. Ну, слава богу, живой!»

Честно говоря, если бы не рассказ матери я бы никогда не вспомнил про тот случай. Правда, при слове «палки для помидор», в памяти что-то смутно мелькнуло, но не больше. Думаю, что было мне тогда лет двенадцать-тринадцать. Но раз человек идёт в темноте из леса и поёт – значит, ему хорошо – в лесу, на пустом шоссе за городом.

А еще мать рассказывала: пошлешь, мол, тебя за хлебом в магазин под горой, гляжу в окно – идёт, сеткой размахивает, хлебом о снег лупит. Кстати, горка, с которой мне нужно было спуститься, называлась Вшивой. Сбегавший с неё ряд домов – ближайший к Горицкому монастырю – назывался Музейным переулком. Ближе к шоссе (к улице Кардовского) тянулась вниз короткая улица, в конце которой и стоял небольшой деревянный магазин, куда я обычно и ходил за хлебом. Примерно посередине этой улицы, в левом её ряду в глубине сада прятался неприметный домик, на котором висела мемориальная доска, сообщавшая, что в этом доме в такие-то (помнится ещё в дореволюционные) годы бывал А.А. Жданов – советский государственный и партийный деятель. В то время это было громкое, известное имя, которое позднее стало одиозным из-за его разгромной критики современной литературы, особенно Зощенко и Ахматовой. А в домике на Вшивой горке жил дядя Андрея Жданова – Иван Алексеевич Жданов, преподаватель Переславского духовного училища (располагалось оно рядом – в бывшем Горицком монастыре). И племянник, тогда ещё гимназист, не раз приезжал сюда в гости. Вообще род Ждановых в Переславле был довольно известен – многие из них были здесь священниками. А Сергей Евгеньевич Елховский, о котором у нас

ещё будет впереди большой разговор, приходился двоюродным племянником (по матери) И.А. Жданову, который преподавал ему, когда Сережа был учеником духовного училища.

Но всё это я узнал гораздо позднее, а тогда домик с мемориальной доской мы связывали лишь с именем известного соратника Сталина. Кстати, недавно, выйдя ясным зимним днем из музея, я вспомнил про мемориальную доску и пошёл по Вшивой горке вниз, но доски на том домике, видимо, уже давно не было. А магазинчик под горой, по-современному обшитый сайдингом, стоял на прежнем месте. Я зашел внутрь, но там всё выглядело по-другому. За стойкой у кофейного аппарата скучала продавщица. Я выпил кофе, чтобы немного согреться, и отправился дальше.

При всей моей любви к одиноким прогулкам и чтению не могу сказать, что у меня не было друзей, и что я не любил бывать с ними. Вовсе нет. Как раз во время жизни в Чкаловском посёлке, когда мы стали немного постарше, началась наша дружба с одноклассниками Женей Гусаченко, Валею Воиновым и Володей Клюем. Женя тоже жил в посёлке, а Валя с Володей неподалеку – Валя на Свистуше (улице Володарского, неподалеку от зарбарака), а Вовка под горой на улице Нижняя Крестьянка. Чаще всего мы гуляли вместе во время учёбы. Лето же проводили врозь – Женька с родителями обычно уезжал на родину отца – в какую-то белорусскую деревню, мы тоже почти каждое лето ездили в отпуск в Киев (на пару-тройку дней) к старшему брату отца дяде Андрию, а потом в Яготин к тётке Марусе – их старшей сестре. А Валя и Вовка летом были заняты дома – то на рыбалке – их отцы были заядлыми рыбаками, то на огороде, то ходили в лес за грибами. Но в последние дни августа, перед учёбой, мы вновь с радостью встречались и запоем рассказывали друг другу, как прошло лето, что читали, с кем встречались. Начало занятий тоже ждали с нетерпением. Помню, сидим с Женей на его крыльце, разглядываем новые учебники – интересно, что будем проходить в предстоящем году.

Зимой и в остальное школьное время мы вчетвером встречались почти каждый день, но не дома, а на улице, после того как сделаем уроки. Ходили, делились впечатлениями о книгах, которые в это время читали. Помню, Валя в седьмом или восьмом классе читал «Тихий Дон» и с большим увлечением рассказывал про любовные сцены в шолоховском романе. После этого и я его прочитал.

Иногда катались на санках в овраге у Сретенской церкви или с крутой горы вдоль шоссе от самой церкви. Вовка, живший рядом, брал свои длинные крепкие стальные санки, которые сварил его отец, на них усаживались вдвоем, а то и втроем. К вовкиным санкам цепляли обычные детские, на которые садился кто-нибудь из нас. Разогнавшись на горе, санный поезд ещё долго катился вниз, вдоль дороги, постепенно замедляя бег. Однажды Вовка как-то неловко упал у подножья горы, когда сани были ещё на полном ходу, и сильно ударился копчиком о нехстати подвернувшийся камень. От жуткой боли он орал и катался по снегу, а мы, собравшись вокруг, не знали, чем ему помочь. Через какое-то время боль немного утихла, и печальные мы разбрелись по домам.

А однажды зимой, гуляя неподалёку от Горицкого монастыря, мы набрали на заброшенные мастерские воинской части, рядом с которыми валялись большие старые покрышки. И тут нам пришла в головы мысль откатить одну из них к Сретенской церкви и спустить её с горы в тот момент, когда к ней со стороны Ярославля будет подъезжать какой-нибудь грузовик. Сказано – сделано. Помню, как в темноте, подскакивая на неровностях, летела с горы тяжёлая покрышка навстречу грузовику и его ничего не ожидавшему водителю. Через несколько секунд она с силой ударилась о бампер. Машина остановилась, шофер, матерясь, выскочил из кабины, но в крутую гору, конечно, не побежал. А мы, восхищённые точностью своего расчета, на всякий случай быстро скрылись за церковь, сбежали в овраг и пулей вылетели из него на другую сторону. Нам слышно было, что машина завелась и уехала. Не припомню, повторили мы

первый удачный опыт или не решились. Скорее всего, удовлетворились одним.

В какую-то зиму устроили катания по улице Кардовского на больших розвальнях. Вечером стащили их у фермы Федоровского колхоза. Выкатили сани на шоссе у Федоровского монастыря и у конечной остановки стали дожидаться автобуса. Когда он пришел и пассажиры вышли, а автобус, развернувшись, стал трогаться в обратный путь, мы в темноте подкатали к нему сани, накинули на задний бампер заранее приготовленный крючок из металлической арматуры и проехали до следующей остановки. Перед остановкой, чтобы не врезаться по инерции в автобус, мы заранее отцепились от него и несколько метров плавно катились по дороге. Потом опять накинули свой крючок и поехали дальше. Таким способом добрались чуть ли не до школы-семилетки. Но дальше к центру не поехали, чтобы не рисковать – там и фонарей, и народу побольше, да и милицейское здание как раз по дороге. Стали дожидаться автобуса из центра и, прицепившись, доехали с ним до горы, потом в гору и благополучно добрались обратно в Федоровскую слободу. Сани мы всё-таки колхозу вернули. Тем более, что они нам могли ещё пригодиться. Так же за автобусом ездили иной раз и на Вовкиных длинных санках.

Зимой некоторые переславские ребята спускались с горок и просто ездили по городу на самодельных самокатах, которые я увидел там впервые, а потом больше нигде не встречал. Делались они гениально просто. Длинная, тонкая водопроводная труба сгибалась пополам, образуя дугу, за которую держались при езде. От дуги труба шла вниз и, ещё раз изогнувшись, образовывала довольно длинные полозья, придававшие самокату устойчивость, особенно необходимую при лихом спуске с горы. При езде по ровному месту человек одной ногой стоял на полозе, а другой отталкивался от земли. Много лет спустя в зимнем Комарово я увидел нечто похожее, но явно не самодельное. Правда, принцип устройства этих довольно изящных самокатов («видимо, их привозят из Финляндии» – подумал я,

глядя на них) был тот же, что и в Переславле. Но ездили на них не только дети, но и взрослые. На комаровских самокатах спереди были устроены небольшие сиденьица, на которых, как я заметил, нередко располагались маленькие дети или лежали хозяйственные сумки.

В ложбинке неподалёку от Чкаловского посёлка в пору моего детства было небольшое болотце, поросшее ивовыми кустами, камышами и причудливыми болотными цветами. По краям болота и через него проходило несколько глубоких канав, постоянно заполненных прозрачной водой цвета густого чая. Летом это болото было одним из любимых мест ребят нашего посёлка. В кустах, там, где повыше и посуше, сооружали шалаши, в которых прятались от взрослых, играли в карты, читали, пекли на кострах картошку, в жару сидели на краю какой-нибудь канавы, опустив ноги в воду, в которой они из белых превращались в коричневые.

А однажды на этом болотце дня два проходил учебный бой – в кустах трещали автоматы, ухали взрывпакеты, над болотом стояла дымовая завеса. Во время этой военной игры болото, частью осушенное, в нескольких местах загорелось. Несколько дней его тушили, но и затушенное оно не одну неделю продолжало тлеть. Гарь прошла только после нескольких сильных дождей.

Между этим болотцем и задами усадеб Федоровской слободы был небольшой низменный луг, который в сильные дожди заливало водой. С первыми морозами она обычно замерзала, и тогда сквозь прозрачный лёд была видна, местами ещё зеленая, трава. И пока лёд стоял голый, сюда то и дело набегал кататься на коньках *«мальчишек радостный народ»*. Большинство каталось на самых простых «снегурках» с загнутыми носами, которые привязывали к валенкам, натуго затянув веревками с помощью маленьких деревянных колышков. У некоторых ребят были коньки на ботинках – чаще всего «гаги» – с короткими тупыми лезвиями. И только двое-трое мальчишек лихо скольз-

или на длинных «ножах», оставляя тонкий белый след на льду и скрежеща на виражах. Но у меня коньков никогда не было, и мне оставалось только наблюдать за весёлой суетой других, а в сумерках, когда почти все ребята расходились, скользить по льду в валенках.

Летом до какого-то возраста – думаю, лет до одиннадцати-двенадцати – я время от времени играл с соседскими ребятами в саду усадьбы Кардовских в казаки-разбойники. Иногда мы играли и в городки. Но чаще всего играли на мелкие деньги – в «расшибок» и «пристеночку».

При игре в «расшибок» собранные игроками монеты укладывали на плотной земле друг на друга «орлом» вверх так, что получался небольшой столбик, и с определенного расстояния кидали тяжелую битку, стараясь его развалить. При этом первым метал битку тот, на кого выпадал жребий. Если игрок попадал в столбик, то он забирал монеты, перевернувшиеся на «решку». Потом биткой бил по оставшейся части столбика или (если он совсем развалился) по монетам, стараясь перевернуть их на «решку». Перевернувшиеся монеты игрок тоже забирал себе. После броска биткой можно было пользоваться большой тяжёлой монетой (конечно, у кого она была) – чаще всего серебряным нэповским полтинником начала 1920-х годов – с кузнецом, бьющим молотом по наковальне. Помнится, на ребре этого полтинника было написано, что в нём содержится сколько-то золотников серебра. Таким полтинником было легче, чем биткой, перевернуть лежащую монету на «решку». При этом старались ударить по краю монеты. Если монета от удара не переворачивалась, игру начинали сначала. Оставшиеся монеты вновь складывали в столбик, и битку кидал следующий по жребию игрок.

Битки чаще всего делали из пустых банок из-под гуталина. Такие банки ценились, и мы следили, чтобы родители их не выбрасывали. Гуталина же тогда уходило много – отцы наши ходили в хромовых сапогах, которые нужно было начищать до

блеска. Но иметь пустую банку – это ещё полдела. Чтобы из банки получилась битка, её нужно было залить свинцом. У нас было два источника добычи свинца. Один из них – стрельбище части. Оно находилось примерно в километре от нашего посёлка по дороге к озеру. Стрельбище представляло собой длинную площадку шириной метров в двадцать – тридцать, окружённую по бокам невысокими земляными валами. В конце площадки была высокая земляная насыпь. Сторона её, обращенная к стрельбищу, была закреплена бревенчатой стенкой. На неё вешали бумажные мишени с яблочком в центре, от которого расходились расширяющиеся круги. Были мишени и в виде чёрного контура человеческой фигуры. Почти каждый день со стороны стрельбища раздавались выстрелы – шла учебная стрельба из пистолетов ТТ¹, карабинов, автоматов.

Когда стрельба прекращалась, мы шли собирать пули. Лучше всего нам подходили пули от ТТ – в медной оболочке, толстенькие, с круглой головкой. Годились и карабинные – длинные, острые. А вот про пули от автомата ничего не могу сказать – я их уже не помню. Видимо, они попадались нам редко. Некоторые пули, чаще пистолетные, отскакивали от брёвен и валялись около стенки. А карабинные приходилось вытаскивать из бревенчатой стены, уже сильно шерботой от частой стрельбы.

Потом разводили костёр, клали пули в жестянку и засовывали её в огонь. Расплавленный свинец выливали в банку из-под гуталина, которую нужно было наполнить до краёв.

Вторым источником свинца, уже не столь интересным, как стрельбище, был заброшенный гараж нашей же части, откуда мы однажды укатали шину для своей не совсем безобидной забавы. Кроме шин там валялись и старые автомобильные аккумуляторы. Мы разбивали их, доставали свинцовые решётки, ячейки которых были заполнены какой-то хрупкой массой.

¹ У отца тоже был такой пистолет, но видел я его редко – в это время оружие уже не держали дома, как в Грузии, его хранили в части и выдавали лишь на время дежурства по ШМАС или при патрулировании по городу.

Чтобы очистить от неё свинец, мы клали решётку на камень и колотили по ней другим бульжником. Ну, а дальше понятно – костёр, жестянка, которую доставали из костра пассатижами.

Я так увлекся рассказом об изготовлении биток, что чуть не забыл про вторую игру – в «пристеночек». В ней тоже использовали монеты, но их уже не собирали в одну кучу, каждый играл своими. Для игры нужна была стенка (отсюда и название – «пристеночек») – бревенчатая, кирпичная – и ровная утоптанная площадка перед ней. Игроки по очереди, зажав монету двумя пальцами (в ходу были большие медные монеты), ударяли её ребром об стену, стараясь, чтобы она отскочила как можно дальше. Следующий игрок, ударив своей монетой об стенку, норовил попасть ею поближе к первой. Если при этом, поставив большой палец руки на свою монету, он дотягивался длинным средним пальцем до чужой монеты, то забирал её себе. Если же у него это не получалось, об стенку бил третий. При этом игрок мог забрать все монеты, до которых он дотягивался. Разрешалось также второй рукой растягивать пальцы на максимальную длину, не сдвигая, конечно, своей монеты. За этим строго следили.

И в «расшибок» и в «пристеночек» играли, помнится, с азартом, нередко спорили. Конечно, азарт вызывал не сам выигрыш – корысти в этих медных деньгах не было никакой, их и держали у себя только для игры. Азарт вызывало желание продемонстрировать свою меткость и ловкость, свою удачу.

У переславских мальчишек была ещё одна игра, которую я не раз видел, но, кажется, никогда в неё не играл. Не помню даже, как она называлась. В ней использовался маленький – с детский кулак – тряпичный мячик, который нужно было как можно дольше подкидывать, ударяя боковой стороной стопы. Во время удара ногу сгибали в колене внутрь параллельно земле.

Одним из любимых летних развлечений было, конечно, купание в озере. Плещеево озеро у берегов очень мелкое, хотя где-то на его середине глубина бывает и двадцатиметровой. Но лодки у нас не было, и на середине озера я впервые побывал

уже взрослым. В детстве мы купались у берега. Пока дойдёшь до места, где тебе «по шейку», пробредёшь метров двести по тёплой прозрачной воде мелководья. Но так далеко мы заходили редко, плюхались, отойдя метров пятьдесят – сто от берега, где воду не замутила малышня. Скорее всего, из-за этого мелководья плавать по-настоящему я так и не научился.

Из Чкаловского посёлка до обычного нашего места купания идти было минут двадцать. В жару, пока вернёшься с озера домой, опять вспотеешь, поэтому в жаркие дни иногда ходили купаться вечером. Вода в это время самая тёплая – прогреется за день, а воздух уже свежий, по болотистым низинам поднимается туман, дурманно пахнет болотными растениями, тростником. Плюхаться в тёплой воде в это время так приятно! Но когда выйдешь на мокрый, скользкий от ног множества дневных купальщиков торфянистый берег, становится зябко. Быстро обтираешься, пока кожа не стала гусиной, натягиваешь майку – и домой, чтобы в дороге разогреться. Было ещё одно неудобство в вечерних купаниях – как только выйдешь из воды, на мокрое тело тут же налипает множество каких-то мотыльков-однодневок с прозрачными, длиной сантиметра в полтора серовато-белыми крыльшками. Они не кусают, не жалят, просто неприятно липнут к мокрой коже.

Конечно, чаще ходили на озеро днём, в солнечную погоду. Мы купались всегда в одном месте. Дело в том, что берега Плещеева озера по большей части заболочены, поэтому удобных для подхода к воде мест не очень много. На место, где мы всегда купались, приходили дети и взрослые не только из нашего посёлка, но и из других ближних домов. Сюда же иногда приводили купаться курсантов. Придёт, бывало, целый взвод, а то и рота, и не успеешь оглянуться, как весь берег заполонят молодые ребята в белых казённых кальсонах с тесёмками у щиколоток. Тогда почему-то солдаты и летом ходили в кальсонах. Через минуту они уже в озере. Орут, брызжут друг на друга, окунают головой в воду. Если же поблизости увидят девочку постарше, не дадут ей проходу. Помню, однажды откуда-то

со стороны Рыбаков заехали на наше мелководье две или три девки в лодке. Солдатики обступили их и принялись раскачивать лодку, пока она не начала черпать бортами. Девки визжат, конечно, больше для виду – не даром же они приплыли сюда.

7. Мартын и другие

Какое-то время мы забавлялись карбидом. Известно, что при его соединении с водой происходит бурная реакция с выделением большого количества газа и тепла. Используя это свойство, ребята делали своего рода гранаты. Брели бутылку с пробкой, наливали туда немного воды, потом наталкивали траву, а сверху на траву клали несколько кусочков карбида. Бутылку плотно затыкали пробкой, бросали и прятались за деревья, за забор. Через некоторое время раздавался взрыв.

Помню, однажды Мартын – самый заядлый наш пиротехник – выронил бутылку на землю, она разорвалась, и осколок врезался ему в босую ступню. Валерка сумел его вытащить, но из раны сильно текла кровянистая жидкость. Мы, как часто бывает в таких случаях, стояли растерянные, но наш раненный был парень опытный и не из робкого десятка. «Ссыте на ногу!» – заорал он. Тут мы вспомнили про этот испытанный способ останавливать кровь и стали по очереди поливать его грязную ступню. Потом чем-то её завязали, и всё обошлось. Впрочем, мы знали, что у Мартына любая болячка заживает, как на собаке.

Мы вечно над ним потешались, да он и сам как бы принял на себя роль нашего юродивого. Помню, в семилетке на большой перемене мы покупали маленькие круглые булочки. У Мартына, возможно, не было денег, но без булок он не оставался. Он «наспор», встав за несколько метров от спорившего с ним ученика, на лету по-собачьи ловко ловил зубами булку. Глядишь и другие со смехом начинали бросать, кто целую булочку, кто половину, пока Мартын сам не прекращал эту немного злую игру.

Когда все мы уже подросли и перестали ходить босиком, он всё ещё продолжал щеголять чёрными от грязи ногами. У его

старого велосипеда не было тормозов, и чтобы остановиться, он тормозил, как сам же смеялся, «лаптёй» – голой ступней о переднее колесо. Кроме колёс, рамы и руля на велосипеде ничего не было. А тогда по правилам дорожного движения велосипед должен был иметь красный сигнальный фонарик сзади, звонок и обязательно номер. Как-то в центре города милиционер остановил Мартына, заметив, что у него нет номера и прочей велосипедной амуниции. Начал ему выговаривать, а может быть, и штраф хотел выписать, но виновник ловко выкрутился: «Товарищ милиционер, я же его в утиль везу, отпустите». Тот поверил и отпустил.

Нужно сказать, что Мартын был ловкий и гибкий как обезьяна. Ему ничего не стоило, не спускаясь на землю, быстро перебраться по длинному ряду старых лип, росших вдоль усадьбы Кардовского. Нам, стоя внизу, оставалось только восхищаться им.

У его родителей был свой дом на улице Кардовского, неподалёку от Чкаловского посёлка, и на первых порах – классе в четвертом – пятом я с ним дружил. Учился он плохо. И в школе, узнав, что мы живём рядом, нам велели делать уроки вместе. Он частенько приходил к нам, я пытался объяснить ему что-то из заданного на дом, но толку от этого было мало. Мне кажется, его интересовали у нас не столько уроки, сколько возможность вместе поесть. Хоть мы и сами жили, как я сейчас понимаю, «не очень, чтобы очень», но мать, конечно, всегда сажала нас за стол вместе.

После семилетки учиться Валерка не стал. Где-то работал, мы иногда с ним виделись, но вскоре я уехал из Переславля, и Мартын остался лишь в памяти. Приезжая изредка в город, я, вспомнив детство, иногда спрашивал своего друга Валю Воинова – «А Мартын-то жив?». «Да жив, – отвечал Валя, – давеча в городе видел».

А недавно, приехав в Переславль, я остановился в доме творчества российских художников рядом с домом Кардовского. По дороге в музей, проходя мимо Валеркиного дома, я за-

глянул через забор во двор. На бревнах сидел седой небритый старик. Увидев меня, он подошел к калитке.

– Мартьянов? – спросил я.

– Мартьянов.

– Валерка?

– Валерка, – протянул он и недоуменно сказал – а я тебя не узнаю.

– Да и я бы тебя не узнал, если бы не дом.

Я спешил и не стал ему ничего объяснять, решив отложить разговор до вечера. Он согласился.

– Четвертинку выпьешь? – поинтересовался я на всякий случай.

– Я и поллитру выпью, – ответил Валерка.

Да, Мартын остался тем же, – подумал я радостно и спросил:

– В избе посидим или во дворе?

– Зачем во дворе, в избе. Моя баба закуску приготовит.

– Ну, хорошо, до вечера.

На этом и закончили разговор. Но человек, как говорится, предполагает... Часа через два я вернулся в дом творчества и, поднимаясь по лестнице на второй этаж в свой номер, со всего маху так ударил большим пальцем ноги об очередную ступеньку, оказавшуюся на несколько сантиметров выше остальных, что мне стало дурно. Я взял такси и поехал в больницу, где не был с детства. Отсидев очередь к хирургу рядом с парнем с такой разбитой мордой, что я ему не позавидовал, пошел от хирурга на рентген. Рентгенолог сделал снимок и сказал, что перелома, к счастью, нет, но ушиб очень сильный, нога будет болеть не меньше месяца. Вернувшись в дом творчества, я доковылял до номера, собрал вещи и в этот же день уехал домой.

Жаль, конечно, что не поговорили с Валеркой. Надеюсь, он ещё жив и в следующий раз встреча, может быть, всё же состоится.

Интересно, что кроме троих моих друзей, с которыми я прочился все шесть переславских лет (правда, подружился мы

не сразу, а в классе пятом – шестом), других одноклассников я помню мало. В памяти остались только Мартын (этот лучше всех), Яковлев – жил у оврага, ему очень легко давалась математика, Юрка Чистяков – в очках и с вечной зелёной соплей, живший в Федоровском монастыре (отец его был подполковником в отцовской части) и еще маленький, чистенький Васюков – тоже сын подполковника, начальника медчасти в ШМАСе. Васюковы жили в нашем же посёлке. Как почти все офицерские дети, оба они учились хорошо, а Васюков – единственный из мальчишек нашего класса, ходивший ещё и в музыкальную школу, он учился играть на скрипке. Из-за этой скрипки его вечно дразнили и, видимо, поэтому он держался всегда в сторонке. А вскоре они куда-то уехали, и в средней школе он с нами уже не учился. Его скрипка запала мне в память ещё и потому, что однажды мать высказала мысль и меня отдать в музыкальную школу. Слух у тебя, мол, есть, – говорила она, – я же слышу, как ты поешь. Я, не желая стать ещё одним посмешищем класса, конечно, бурно запротестовал, и мать не стала настаивать. Потом она всё же осуществила свою мечту на моих младших братьях, но музыкантов из них не получилось.

В нашем классе кроме городских было и несколько деревенских ребят, живших в городе у кого-то на квартирах. Помнится, что весной, в половодье иные из них долго не появлялись в школе – из-за разлива не могли добраться до города. Это поневоле наводило на мысль, что их деревенская жизнь совершенно не похожа на нашу.

Если иные из мальчишек-одноклассников чем-то запомнились, то одноклассниц я совсем не помню. В семилетке я сидел за одной партой с молчаливой плотной девчонкой, но в памяти она осталась лишь потому, что голова у неё одно время была плотно завязана белым платочком. Говорили, что её остригли наголо после какой-то болезни. Сейчас же я думаю, что остригли её, видимо, чтобы легче было вывести вшей. Они тогда не были редкостью – недаром же две девочки, назначенные санитарями, каждый день проверяли чистоту наших рук (Мартыну

доставалось чаще других), а у девочек, кажется, заглядывали и в голову. Мальчишек же тогда на всякий случай стригли обычно «под Котовского».

Надо сказать, что хотя в то время в Переславле мальчишки и девчонки учились вместе¹, но даже в школе мы с ними общались редко. А чтобы встречаться в одной компании, об этом как-то и не думали. Правда, иной раз лазили к ним под окна постучимся и убежим. Не дай бог, отец услышит, выскочит – по шее наkostenяет.

Из переславских девчонок особенно запомнились только две, но обе не по школе – Галя Крутофалова, учившаяся в параллельном классе, и Нина Солдатова, о которой я уже говорил. С Галей я, кажется, даже ни разу не обмолвился, хотя она жила в нашем же посёлке. И не потому, что она мне очень нравилась, так чтобы я даже боялся к ней подойти – этого не было, хотя она, действительно, была девчонка яркая, симпатичная, смуглая, темноволосая. Невысокая, полненькая, годам к пятнадцати-шестнадцати она начала уже превращаться в женщину и это, как я думаю, особенно привлекало к ней мальчишек.

Наверно, в детстве почти у каждого из нас были не только друзья, но и недруги. Совершенно неожиданно они появились и у меня. По дороге домой из школы-семилетки, а потом и из десятилетки из центра города, я проходил мимо большого по местным масштабам затейливого деревянного двухэтажного дома, стоящего под самой горой, у улицы Нижней Крестьянки напротив поворота на «Ботик». А в этом доме на мою беду жили неведомые мне задиристые пацаны, каждый раз при виде длинного рыжего дылды они считали своим долгом погрозить ему, поорать, поматериться. По виду они напоминали мне свору мелких злобных собачонок, лающих на всех прохожих, показывая своим хозяевам, что те недаром их кормят.

¹ В Харькове я учился в мужской школе.

И если я возвращался из школы один, то каждый раз, подходя к подгорным домам, был всегда настороже, опасаясь этих незнакомых приставучих ребят. Опасался я не столько того, что будут бить – на это они никогда не решались – я был рослый и, в крайнем случае, громко и злобно матерился на них и хватал в руку первый попавшийся камень. И они в ответ тоже матерились, угрожали встретить меня на *узенькой дорожке* и уж тогда..., но вскоре отставали и на всякий случай далеко от своего дома не отходили. Это была своего рода разминка, не доходившая до драки. А ведь их было больше. Когда же я шёл в кампании друзей, они, понятное дело, к нам не приставали, мы их даже не замечали.

Помимо матерных угроз и придорожных камней для борьбы с подгорными прилипалами я иной раз устраивал и более развернутые перепалки, пуская при этом в ход заведомую ложь, о которой они и не подозревали. Так, например, я кричал: «А вы знаете моего старшего брата Валерку, он холку-то вам намылит, морды разобьёт, красными соплями умоетесь». Эти слова ребят настораживали, и они немного затихали – такого брата у них не было. Между тем Валерка Солдатов вряд ли стал бы за меня заступаться.

Помнится, что подгорные ребята были немного младше меня и меньше ростом. Видимо, они учились следом за нами – начиная с начальной школы на Нагорной Крестьянке, потом в семилетке, а до средней школы они, видимо, так и не добрались. Смелыми, как я понял, они были лишь когда собирались вместе у своего дома. Наедине они ко мне не приставали, но я их поодиночке ни разу и не видел. Лишь однажды летом я встретил одного из них – самого маленького. Он неожиданно попался мне в овраге, где собирал лесные орехи. И поэтому заметил меня не сразу, а когда заметил, я был уже близко, и бежать ему было поздно. Злость во мне закипела, но ударить человека я никогда не мог и, схватив его двумя руками за ворот рубахи, сильно потрянул. Потом отпустил и, матерясь, сказал, чтобы он больше мне не попадался. Он и вправду больше мне

не встречался; возможно, стал побаиваться ходить в одиночку, а старшие его товарищи в то лето, наверно, куда-то уехали.

Кроме этих уже привычных столкновений я нередко слышал от других незнакомых пацанов уже привычное для меня поддразнивание: «*рыжий, рыжий, конопатый...*», продолжение – о дедушке, лопате и т.д. я и сам давно знал, но в ответ чаще всего молча проходил мимо. Что уж тут скажешь – коли ты и вправду рыжий, нет смысла ругаться на других. Иной раз я отвечал сердитым взглядом, а если уж очень надоедали, то репликой о каком-либо недостатке, зорко подмеченном в обидчиках – например, кривоногости или малом росте. А того и другого среди переславских пацанов в ту пору хватало. Я же в отличие от большинства сверстников был довольно длинный – уже к седьмому классу сильно вытянулся и с тех пор практически не вырос. Отсюда сутулость и некоторая нескладность фигуры, сохранившаяся до нынешнего пожилого, нужно сказать, возраста.

8. Средняя школа № 2

С восьмого класса мы начали учиться в средней школе № 2, размещавшейся в красивом одноэтажном деревянном здании в центре города. Когда-то в нём была женская гимназия. В городе была еще одна средняя школа (№ 1) в большом четырехэтажном, темно-кирпичном, мрачноватом здании рядом с валом и Трубежем. Там раньше находилась мужская гимназия. Школа наша была сравнительно небольшой. В центре располагался обширный актовый зал, в котором зимой мы проводили все перемены. Классы располагались по периметру зала. Помнится, в этой школе не было кабинетной системы, все уроки мы проводили в одном классе. Его окна выходили на центральную городскую улицу. Не помню, как она называлась тогда; наверно, как сейчас это была улица Советская, являющаяся продолжением улицы Кардовского. За мостом через Трубеж она уже называется Ростовской и доходит до северной окраины города. В наше

время все эти три улицы, проходящие через весь город с юга на север, фактически составляли часть Ярославского шоссе. Правда, и сейчас, несмотря на проведение окружной дороги, большинство машин, следующих по шоссе, как я заметил и как говорят сами переславцы, по-прежнему едут через город.

Будучи недавно в Переславле, я зашел в здание нашей школы, куда не заглядывал более полувека – с тех пор как мы уехали в Серпухов. Сейчас там расположено бюро по трудоустройству и, кажется, ещё какие-то учреждения. Актальный зал показался мне если не больше, то уж гораздо безлюднее, чем в наши дни, когда на перемене он кишел множеством школьников, почтительно и с опаской затихавших и расступавшихся лишь в минуту, когда своей медленной, странно раскачивающейся походкой (у него было плоскостопие) проходил наш директор – невысокий, полный, одутловатый пожилой мужчина в сером костюме.

В начале учебы в новой школе нас отправили на работу в пригородный колхоз. Тот сентябрь на наше счастье выдался солнечным, теплым, и нам не пришлось мокнуть в чистом поле. Но на всякий случай каждый раз, отправляясь на работу, я с трудом натягивал старые отцовские хромовые сапоги. По размеру они были мне впору, но подъем у меня был больше, чем у отца, и чтобы натянуть сапог, приходилось и вправду немало смазывать портянки на пятке мылом.

Колхозные поля, где мы работали, находились в километре-полтора к югу от города. Помнится, мы несколько дней дёргали лён, связывали его в небольшие снопы и, прислонив их друг к другу, оставляли на просушку. Когда лён высыхал, его увозили. Часть снопов отвозили на проходившее неподалёку шоссе и, развязав их, укладывали ровными рядами на асфальт. Проходившие машины давили сухие головки, и семена из них высыпались. Через какое-то время лён собирали, а мелкие скользкие семена сметали в кучки и ссыпали в мешок.

Дёргать лён нетрудно, но если делаешь это голыми руками, то жёсткие высохшие стебли быстро растирают руки чуть ли не до крови. Нас об этом, конечно, не предупредили. Не было

и перчаток для работы. Дома отец возмутился – послали детей помочь им, а об организации труда не подумали.

После льна собирали в большие корзины стручки зелёного сладкого гороха, какого-то специального мозгового сорта, который идёт на консервирование. Ели мы его сколько хотели. «Смотрите, как бы не пронесло, – говорили нам учителя, – тогда только штаны держите».

Все эти дни с нами были двое учителей – маленький, худенький, стриженный под машинку Василий Иванович – литератор и Денис (так мы его прозвали, видимо, по фамилии Денисов) – учитель физкультуры. В отличие от литератора, физкультурник был крепкий мужчина лет тридцати пяти. Василию Ивановичу, я думаю, было за сорок. В его коротком тёмном бобрике кое-где проблескивали серебряные волосы. Понятно, что про себя мы тут же прозвали его Чапаевым, хотя ничего воинственного в нём не было. Денис же, наоборот, держался как офицер – ходил в хромовых сапогах и стареньком кителе.

Несколько дней мы скирдовали рожь. Колхозницы на телеге подвозили снопы к скирду и сваливали их на землю. Потом нужно было вилами на длинном черенке подавать их мужику, стоявшему наверху скирда. Он их так быстро укладывал, что я, подававший на пару с кем-то из ребят, только успевал насаживать тяжёлый сноп на вилы и поднимать его вверх. Труха сверху сыпалась в глаза, за воротник на вспотевшую спину. Руки после такой работы дрожали. Когда я вернулся домой после первого дня работы подавальщиком, отец заметил, что я устал, и сказал: «Ты смотри, не переусердствуй. Они и рады – видят, парень длинный, но силёнка-то ещё не по росту». Но отказаться от работы мне было стыдно, и я ещё день-другой подавал снопы.

В один из этих дней с Денисом произошел случай, насмешивший всех нас. Он любил прихвастнуть и попетушиться перед деревенскими девками, убиравшими вилами скошенную рожь, вязавшими её в снопы и отвозившими их к скирдам. Да и на иных старшеклассниц он заглядывался. Визжавших и раз-

бегавшихся от него девок он был не прочь и пощупать, прижать к скирду. А однажды он решил продемонстрировать перед всеми своё кавалерийское искусство. Поймал пасущуюся неподалеку лошадь, сунул ей в рот какую-то веревку и лихо вскочил на спину. Лошадь, видимо, не ожидая такого обращения и, конечно, чувствуя, что всадник человек чужой, понесла его вокруг поля. Было видно, что она совершенно его не слушает и несётся галопом, чтобы поскорей сбросить докучливого седока. Бабы и девки, на которых, как им казалось, вот-вот налетит мчащаяся лошадь, с криками побросали вилы, снопы и бросились к скирдам. Нам было видно, как Денис постепенно крётся и сползает на бок, пытаясь удержаться. Но удержаться без седла и стремян, ему, конечно, не удалось, и на втором кругу он на полном лошадином скаку грохнулся, к нашей радости, о землю, но тут же поднялся и, прихрамывая и держась за спину, направился в нашу сторону. А лошадь, освободившись, на радостях пробежала ещё немного и опять принялась щипать траву.

Недели через полторы нескольких мальчишек, меня в том числе, отправили в нашу школу на строительство спортзала. Его пристраивали к школьному зданию со стороны двора. Когда мы появились на стройке, там уже работали каменщики, которым мы должны были помогать. Каменщиков было несколько, и к каждому прикрепили по одному школьнику. Нам нужно было, сложив рядом с рабочим стопку кирпичей, подавать их ему, чтобы он не отвлекался от их укладки и дело подвигалось быстрее. А однажды мы ездили на грузовике на кирпичный завод. Пока мы ждали своей очереди на погрузку, успели походить по заводу. Особенно запомнилась мне какая-то машина с толстым, блестящим от масла стальным поршнем. Помню, что кирпичи ещё не совсем остыли, и на время погрузки нам дали брезентовые рукавицы.

За сентябрь стены спортзала заметно поднялись, каменщики уже стояли на лесах и кирпичи туда мы подавали по цепочке. Не припомню, как долго мы там проработали; во всяком

случае, спортзал построили в ту же осень, а нас по привычке то и дело отправляли с уроков помогать рабочим.

В классные руководители нам досталась учительница истории с необычным именем Идея и вполне обычным отчеством – Ивановна. Молодая – я думаю, что тогда ей было не больше тридцати лет – высокая, красивая, с великолепной фигурой – она тут же приковала к себе внимание всех наших мальчишек. Характер у нашей исторички был сильный, властный, и при случае она умела справиться с несколькими великовозрастными (иные из учеников успели уже раза по два побывать во второгодниках), хулиганистыми ребятами. Но обычно она управляла классом, опираясь на наше сознание и самолюбие.

Её уроки ничем особенным мне не запомнились – история, мне кажется, не была главным призванием нашей классной. Ей скорее нравилось само общение с учениками, и это ей удавалось гораздо лучше. Из всех уроков истории припоминаю лишь один эпизод по ходу её рассказа о начале петровского правления. Объясняя, кто такие стрельцы, она сравнила их с нынешней милицией – они, мол, как и наши милиционеры, жили дома с семьями, но при этом несли государственную службу в городах, а при необходимости их отправляли воевать.

Между тем и про стрельцов, и про их восстание, и про царевну Софью я хорошо знал из прочитанного за год-два до этого романа Алексея Толстого. В нём мне запомнились и главы о строительстве юным Петром флотилии на Плещеевом озере. А в музее, куда я не раз ходил, благо он рядом, была тогда специальная экспозиция, посвященная пребыванию Петра на переславской земле. В ней были и слюдяные оконца, сохранившиеся от петровского дома у Велькова, и блоки от корабельной оснастки. Но лучше всего запомнился указ царя, приехавшего в Переславль почти через тридцать лет после своего последнего плавания по Плещееву озеру и увидевшего, что корабли, вызванные к жизни его юношеской волей, находятся в плачевном состоянии. *«Надлежит вам беречи остатки кораблей, яхт и*

галеры, а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомков ваших, яко пренебрегших сей указ», – писал царь, тогдашнее душевное состояние которого особенно красноречиво передаёт не столько текст его записи в книге приказов переславского воеводы, сколько брызги чернил с разгневанного пера и клякса после размашистой подписи.

Физику нам преподавал невысокий, сутуленький тихий старичок. Он не терпел сквозняков и, как только садился за свой стол, первым делом велел дежурному по классу закрыть форточки. Как его звали, я уже не помню, а у нас он ходил под кличкой Кулон. Его жена – маленькая, щупленькая шустрая старушка, учила нас математике. В противоположность мужу она не выносила духоты. Первыми её словами при появлении в классе были: «Дышать нечем! Дежурный, открой форточки!». Нам оставалось лишь удивляться: как же они живут вместе? А учителя они были хорошие. По крайней мере, благодаря им я неплохо разбирался и в математике, и в физике, легко решал школьные задачи, усвоив главное – логику подхода к их решению. И в серпуховской школе я даже оказался в передовиках.

Весьма колоритной, запоминающейся фигурой был учитель географии – очень высокий нервный мужчина лет сорока с длинной, постоянно спадающей на лоб чёлкой, которую он откидывал резким движением головы. Из-за этой чёлки его потихоньку звали Гитлером. Был он человек резкий и, наверно, злой. Помню, иной раз среди тишины (его побаивались и на географии сидели смиренно) все вдруг вздрагивали от сильного удара. Это учитель, заметив, что кто-то вместо того, чтобы усваивать географию, читает, откинув крышку парты, книгу или глазает в окно, изо всей силы вытягивал своей длинной указкой по столу. В таком случае он, прервав урок, вызывал провинившегося к доске, поверх которой висела карта мира, и тот должен был показывать на ней географические объекты, которые называл учитель. Однажды, в самом начале восьмого класса, и я попал в число провинившихся. Но карту я знал отлично, чем, видимо, приятно удивил географа. С тех пор он меня заметил

и время от времени вызывал к карте, чтобы показать остальным, как нужно её знать.

Несколько раз он водил нас на экскурсии по городу. Однажды мы были с ним в городской пекарне. Она находилась тогда неподалёку от нашей школы, в одной из бывших церквей. Помню огромный чан, в котором большая механическая рука-лопата мешала тесто, и готовые ещё горячие, только из печи буханки чёрного хлеба. Видимо, мы «проходили» тогда экономическую географию. А в пекарню он нас водил и с воспитательными целями – *«чтобы знали, что булки не на деревьях растут»*. Наш строгий учитель, видимо, забыл, что осенью мы работали в колхозе и, как растёт хлеб, видели. Другой раз – поздней весной или в начале лета, географ, прихватив какой-то прибор, ходил с нашим классом к валу, где с помощью этого прибора учил нас определять высоту деревьев.

Географ был фронтовиком и однажды (не помню уж, по какому поводу) показал нам, как они ходили в атаку. Вместо автомата он упёр в грудь свою длинную указку и громко кричал «трррры». При этом наш географ делал зверское лицо, и мне становилось немного не по себе.

Из других учителей смутно помню немку. Она была женой офицера и имела какое-то отношение к Ленинграду – то ли родилась там, то ли училась – и очень этим гордилась. Вообще чувствовалось, что она считала себя выше остальных переславцев – и учителей и учеников. Сквозь страшную даль времени припоминаю, что она стыдила кого-то из учеников за то, что у того нет носового платка и он вытирает нос рукой. «Представляю, что творится у тебя в кармане», – заметила она брезгливо.

Кстати говоря, недавно сестра моего школьного друга рассказала мне, что наша немка с мужем жили тогда в одном с ними небольшом деревянном доме, который принадлежал нашей части. Вход в дом у каждой семьи был свой, но кухня – одна на двоих. И соседка, по словам Люси, часто придиралась к их матери, пользуясь тем, что у той муж был всего-навсего старшина, а

её муж – майор. Этот рассказ дополнил моё давнее не очень приятное впечатление об этой даме. Конечно, как только представилась возможность, они с мужем уехали из Переславля.

Года два-три назад, случайно узнав в переславском музее адрес нашей Идеи Ивановны, я решил навестить её – мне было интересно, припомнит она меня или нет. Да и вообще было интересно увидеть её через столько лет.

Жила она в новом, совершенно незнакомом мне районе города на северной его окраине. Его выстроили после нашего отъезда из Переславля, когда в 1960–1970-е годы здесь вырос большой химкомбинат по производству фото- и киноплёнки и фотобумаги. Это был уже чужой, не мой Переславль.

Квартира оказалась в большом блочном, уже не новом доме. Дверь открыла старая, но по-прежнему высокая, крепкая, отнюдь не согбенная женщина в одной комбинации. Увидев незнакомого человека, она не смутилась, а просто сказала: «Подождите минутку» – и прикрыла дверь. «Всё понятно, – подумал я, – жара, в квартире душно».

Через минуту хозяйка уже в халате опять появилась в дверях и пригласила войти. Я извинился за неожиданное вторжение, на что она ответила, мол, действительно ждала сына, но ничего страшного, рассказывайте, что Вас ко мне привело. Я сказал, что когда-то полтора года проучился в классе, которым она руководила, и напомнил ей про своих друзей. Их она, конечно, помнила. Спросила про своего любимца – медалиста Женю. К сожалению, после учебы в университете, когда я изредка встречался с Женькой в серпуховской электричке¹ (он тогда учился в энергетическом институте), мы с ним больше не виделись. Что с ним, где он, жив ли – не знаю.

¹ Года через два после нашего переезда в Серпухов отец Жени вышел в отставку и перебрался с семьей туда же. Не поступив с первого раза в энергетический институт, куда он почему-то очень хотел попасть, Женя закончил серпуховской техникум, потом его взяли в армию, и лишь после армии он осуществил свою давнюю мечту.

Меня Идея Ивановна, конечно, не припомнила. Уже уйдя от неё, я подумал, что нужно было ей сказать, что я был тогда рыжий, а не седой, как сейчас.

Услышав, что я закончил истфак, защитил кандидатскую и докторскую диссертацию, она заметила: «Да, история. Сколько раз уже её переписывали, а учителя должны отдуваться». Я посочувствовал учителям и стал собираться.

9. Музей

Думаю, мне очень повезло, что мы жили рядом с музеем. В нём мне нравилось всё – высокие стены и башни бывшего Горицкого монастыря, где он располагался, красивая арка ворот, заросший травой и цветами двор, большой сад, монастырские соборы и высокая колокольня, старинные чугунные пушки у входа в музей и мраморный памятник с барельефной палитрой на могиле Д.Н. Кардовского.

Музей тогда жил вполне патриархально. Единственным его официальным стражем был, кажется, хмурый, хромой мужик по фамилии Киселёв, обитавший со своим семейством в привратничьих палатах у надвратной церкви. В дополнение к двум сыновьям директора Константина Ивановича Иванова, занимавшего небольшой домик на краю большого музейного сада, у Киселёва было две дочки примерно нашего возраста. Пользуясь тем, что маленькие, закрытые толстыми старинными решётками окошки древнего обиталища сторожа выходили наружу рядом с монастырскими воротами, мы вечерами иной раз заглядывали в них, а то и стучали, пытаясь привлечь внимание весёлых киселёвских дочерей. Эти две семьи были единственными постоянными обитателями огромной музейной территории. Не помню, были ли там собаки, а вот лошадь была. Летом сторож обычно привязывал её на длинной веревке где-нибудь за монастырской стеной, а сам косил траву поблизости. Высушенное сено отвозил на телеге куда-то вглубь музейного двора. Думаю, эта на вид смиренная лошадь была в то время единствен-

ным музейным транспортом. Внешне эта лошадь действительно казалась смирной, но когда кто-то из поселковых ребят захотел подойти к ней поближе, благо паслась она за музейной стеной стреноженной, смиренная лошадка так взбрыкнула задними ногами, что чуть не сбила парнишку копытом. Говорили, что однажды она ударила сторожа, и он с тех пор стал хромать

Но, несмотря на близкое соседство и вроде бы полную открытость музейной территории, в ней было для меня какая-то таинственная притягательность. Помню, иной раз под вечер вскарабкаешься по контрфорсу монастырской стены до одной из верхних узких бойниц, заглянешь в неё, увидишь угловую башню, пустой зеленый двор, за ним высокие стены Успенского собора и в пролёте между ним и монастырской церковью – край музейного сада, и всё это покажется каким-то незнакомым, чудесным миром, полным неведомой тайны.

Видимо, это ощущение тайны, чуда, овевавшее эти стены, навело меня однажды на мысль, что где-то рядом с ними зарыт клад. По каким-то мне сейчас непонятым признакам я определил место, где его нужно искать. Оно находилось на противоположной от музейных ворот стороне стены; скорее всего, это и привлекло меня – понятно, что в более безлюдном месте копать удобнее. К своим поискам я приобщил Вовку Солдатова и, кажется, ещё кого-то из соседних ребят, но кого именно, уже не помню. Чтобы не привлекать к себе внимания, мы взяли из дома по саперной лопатке и, стоя на коленях, сняли дерн и углубились в сухую, глинистую землю. Не прокопав и полметра, мы увидели плотную, скреплённую известью кладку из старых кирпичей. При виде этих кирпичей я понял, что клад в наших руках – ведь зарывать его просто в землю было бы глупо, и неведомые нам люди, конечно же, замуровали свои сокровища. С помощью своих лопаток, толстых отвёрток и других попавшихся под руки железяк мы принялись расковыривать кладку и убрали первый, а за ним и второй слой кирпичей. Но чем дальше и чем труднее подвигалась наша работа, тем чаще меня стали посещать сомнения, а когда, измучившись, мы до-

брались до четвёртого или пятого слоя кладки, я понял, что это просто на просто фундамент монастырской стены.

В то время музей в городе был очень популярен. Особенно чувствовалось это 2 мая, когда празднично одетые горожане приходили сюда семьями, и поток этот продолжался весь день. Из рукописного дневника Константина Ивановича Иванова¹, больше тридцати лет (с 1930 г.) проработавшего здесь директором, видно, что эта традиция – устраивать 2 мая бесплатное посещение музея – возникла по его инициативе еще в начале тридцатых годов. Вот что он писал 2 мая 1931 г.: *«Сегодня на нашей стороне праздник. Музей открывает новый историко-революционный отдел. Еще с десяти часов утра заметно сыплет народ. Пришла милиция, осавихимовцы, школьники. К 11 часам чувствуется настоящее празднество. Приходят все наши высшие власти. РИК, райком в полном составе. (...) Беру группу работников РИКа, Райкома ВКП(б), веду по музею. Даю полное объяснение. Часа два вожу. Остались очень довольны. (...) Прошло за день 1610 человек»*².

В 1950-е годы Иванов был, как мне кажется, самым известным в Переславле человеком. В музее были выставлены и, видимо, продавались его брошюры о музее, о переславских древностях. Он был первым автором книг, которого я увидел и который жил неподалеку от нас. Я хорошо его помню, мы иногда видели директора во дворе музея или где-нибудь поблизости – невысокий, полноватый, в сером костюме, в очках с толстыми стеклами. Я уже говорил, что он с семьей и жил на

¹ Константин Иванович вел дневник в начале 1930-х годов и недолго во время войны. Потом, может быть, из благоразумных соображений (зачем иметь лишний, а возможно, и опасный, документ) это занятие бросил. Правда, не исключено, что какую-то часть дневников он мог уничтожить.

² Переславль-Залесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Научный архив. Ед. хр. 84, лл. 61об.–62.

территории музея – в домике, стоящем в глубине монастырского двора. Держался он строго, внушительно, и явно с некоторым подозрением относился к мальчишкам. Да и как мог начальник такого большого хозяйства, в которое он вложил свою жизнь, относиться к пацанам, постоянно лазившим на монастырские стены и башни (тогда они были ещё без кровли) и норовившим забраться в музейный сад за яблоками. Помнится, в одно лето какие-то незнакомые нам ребята несколько дней ковыряли ломиками стену у дальней от входа в музей угловой монастырской башни. В конце концов, они проделали дырку, через которую можно было пролезть в музейный сад. Странно, что их никто не остановил, не заметили ни директор, ни музейный сторож. Через какое-то время дыру всё же увидели и заделали кирпичами.

Правда, и оба сына Иванова тоже не были пай-мальчиками. Мы не раз видели, как они лихо бегали по самому верху стены, не боясь свалиться с такой верхотуры. А однажды наши окрестности облетела новость: у майора Бурьянова – знаменитого нашего охотника – украли из гаража мотоцикл с коляской. Оказалось, что на нём решили покататься старший сын Иванова и его приятель – сын одного офицера нашей же части. Накатавшись, а быть может, израсходовав весь бензин, они бросили мотоцикл за городом, где его и нашла милиция. Говорят, после этого их отцы ходили к майору, чтобы как-то замять это дело.

Недавно же, став отчасти и сам переславским краеведом, я понял, что Константин Иванович, несмотря на отсутствие специального, не говоря уж о высшем, образования, благодаря своему энтузиазму и любви к Переславскому краю, стал по своему выдающимся организатором музейного дела и неустанным популяризатором переславской истории и культуры. Кроме нескольких брошюр и книг (в последние его годы написанных в соавторстве с архитектором-реставратором И.Б. Пуришевым), он опубликовал несколько сот статей и заметок в переславском «Коммунаре», не раз он выступал и в ярославских газетах.

Говорят, что как и многие русские, он был не прочь выпить. Старожилы рассказывают, что в музее были заведены традици-

онные отговорки на случай, если по столь уважительной причине Константин Иванович не мог появиться перед приехавшим (скажем, из Ярославля) начальством, пожелавшим, чтобы директор провел их по музею. В самом легком случае сотрудники говорили: «К сожалению, директор сейчас очень занят в фондах и просил передать, что сможет с вами встретиться только после обеда». Если же музейщики знали, что увидеть Иванова в этот день нереально, то для этого была припасена другая отговорка: «Константин Иванович уехал на Ботик и до конца работы вряд ли вернется». Ну, а на самый крайний случай имелась ещё одна формула: «Константин Иванович уехал в район на раскопки, и несколько дней его не будет».

От самых первых посещений музея мне особенно запомнилась его картинная галерея, названная именем Д.Н. Кардовского. Из картин этого художника с тех пор памяtnы, пожалуй, две. Сразу же при подъёме на второй этаж на стене у лестничной площадки висело (не помню, висит ли сейчас) официальное полотно «Ленин в Переславских Горках»¹. В галерее было (они и сейчас там) еще несколько картин Кардовского, в том числе связанное с Переславлем большое полотно «Парад Петровской флотилии на Плещеевом озере 21 августа 1692 года». Но тогда для меня оно как бы слилось с ещё несколькими картинами, изображавшими горящие парусные суда во время морских сражений. Полотна, помнится, были какие-то мутные, с потеками. Сейчас они отреставрированы и выставлены в экспозиции музея-усадьбы «Ботик» рядом с портретом адмирала Григория Андреевича Спиридова – победителя турок в известном Чесменском сражении 25–26 июня 1770 года. Рапортуя о

¹ В Переславском районе есть деревня Горки, владелец которой социал-демократ А.А. Ганшин организовал там подпольное издание брошюры В.И. Ленина «Кто такие “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?». Тогда-то там и побывал будущий основатель Советского государства. А в 1920-е годы Д.Н. Кардовский по заказу основателя и тогдашнего директора музея М.И. Смирнова написал полотно, посвященное этому эпизоду из жизни вождя.

победе, Спиридов писал: *«Честь всероссийскому флоту, – неприятельский военный турецкий флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили... а сами стали быть во всем Архипелаге господствующими»*. За эту победу в Эгейском море у западного побережья Турции, сыгравшей большую роль в ходе русско-турецкой войны, Екатерина II наградила флотоводца орденом Андрея Первозванного, пожаловала хрустальный кубок со своим именным вензелем (он хранится сейчас в переславском музее) и 16 сёл в Переславском и других российских уездах. Но все эти награды и пожалования должны были лишь подсластить горькую царскую пилюлю – победителем турок был объявлен фаворит императрицы граф Григорий Орлов, который был и удостоен почётного звания Чесменский. Возможно именно поэтому уже в 1774 г. Спиридов вышел в отставку и с тех пор безвыездно жил в собственном имении в большом переславском селе Нагорье, где и был похоронен в построенной им церкви.

Вспоминая сейчас свои первые посещения музея, думаю, что, пожалуй, больше всего меня поразила тогда картина с видом лежащей на блюде отрубленной головы, в язык которой какая-то взлохмаченная женщина злобно втыкала булавки. Много позднее я узнал, что это полотно написано тогда совершенно неизвестным мне И. Сведомским (да и вообще скольких художников я мог тогда знать?). А изображена на нём сцена с отрубленной головой Цицерона, объявленного вне закона и убитого после прихода к власти второго триумvirата. Голову оратора принесли одному из триумvirов Антонию, который пришёл от этого в такой восторг, что выплатил обещанную награду в десятикратном размере. По рассказам, он водрузил голову на свой обеденный стол, чтобы вдоволь насладиться этим зрелищем. А его жена Фульвия колола язык оратора, столь ненавистный его врагам. Эта-то сцена и потрясла меня в детстве.

И еще одна картина запала с тех пор в память: зимняя ночь, метель, слепой дед с клюкой и мальчик, его поводырь. А не-

подалёку от них светящиеся глаза и смутные тёмные тени. И хватающее за душу название – «Дедушка, спаси!» Глядя на нее, я вспомнил рассказы о том, что зимой голодные волки забегают в подгородные деревни, а то и на окраину Переславля, нападают на собак и, порвав им горло, оттаскивают их подальше и съедают. Вспомнился и убитый волк, которого на коляске своего мотоцикла привёз с зимней охоты майор Бурьянов. Меня тогда поразила огромная голова, широкий лоб убитого зверя и его припорошенная снегом густая тёмно-серая пушистая шкура.

Помимо петровского зала, о котором я уже говорил, в музее были залы, показывавшие быт переславских помещиков; здесь мне особенно нравились тяжёлые книжные шкафы, наполненные старинными книгами с тиснёнными кожаными корешками. Среди книг было немало иностранных, но много было и русских, в том числе маленьких аккуратных томиков, которые так хотелось подержать в руках, полистать пожелтевшие страницы. Там же, в застекленных витринах было выставлено несколько густо расшитых жестким золотым шитьем дворянских, видимо, придворных мундиров.

А в одном из соседних залов, как бы в противовес помещицкому быту, была выставлена маленькая курная изба крестьянина-бедняка. Изба была подлинная, обнаружили её ещё в 1920-е годы, а в 1930-е годы К.И. Иванов перевез ее в музей и включил в экспозицию о прошлом переславской деревни¹. Я с любопытством заглядывал в крошечный сруб с закопченными стенами, но кроме недоумённой жалости к её бывшим жильцам ничего не испытывал. Вид курной избы не вызывал во мне

¹ В 1930 году переславский врач и член Пезанпроба Н.А. Губин написал о курных избах Переславского уезда (их там тогда оставалось девять) интересную статью, иллюстрированную рисунками и схемами – «Курные избы Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии / Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. Вып. 19. Переславль-Залесский, 1930.

никакой классовой ненависти к бывшим владельцам замечательных библиотек.

С детства запомнилась мне в музее и фотография бородатого Пришвина с охотничьей собакой – и он, и его собака заглядывают в сплетённое из травы гнездо, на дне которого лежат пестрые яички. В этой же музейной комнате висела охотничья сумка писателя, лежали его книги. Именно тогда я как-то не вполне ещё осознано связал его с Переславлем, с переславскими лесами.

Если из нынешнего далёка попытаться оценить влияние музея на развитие моего сознания в те 1950-е годы, то главным в нём будет то, что здесь (как и в книгах) я видел другой, интересный, не будничный мир, чувствовал возможность и самому со временем жить в подобном мире, заниматься чем-то увлекательным. Переславская земля была представлена посетителю музея цельно и наглядно – и сохранившейся с эпохи великого оледенения ряпушкой, обитающей в неведомых глубинах Плещеева озера, и петровскими кораблями, когда-то плававшими по его водам, и древними славянскими и дославянскими поселениями, явленными миру благодаря раскопкам, и видимыми памятниками древнего Переславля – его огромным валом, домонгольским собором, монастырями, иконами. За всем этим угадывалось непрерывное движение жизни, истории, тысячелетиями происходившее в этом небольшом уголке Земли. Но музей выводил зрителя и за пределы Переславского края, показывал, что его история и культура была частью (и нередко значимой) общей истории и культуры нашей страны, да и всего мира. Кожаные корешки старинных книг в тёмных тяжелых шкафах, портреты владельцев дворянских усадеб, поржавевшие шлемы и кольчуги с мест давних, почти былинных битв, старые карты Переславля и Плещеева озера, древний чёлн, найденный в местных болотах – узкий, длинный, выдолбленный из толстого, потрескавшегося от времени ствола – всё волновало моё воображение, всё возбуждало мысль.

10. «Непобедимая и легендарная ...»

Во время жизни в Чкаловском посёлке я довольно близко соприкоснулся с буднями и праздниками армейской жизни. Живя бок о бок с другими офицерскими семьями, мы невольно узнавали все новости, случавшиеся в отцовской воинской части. Запомнились, конечно, наиболее значительные из них, настоящие ЧП. Например, пожар в штабе, когда чуть не погибло знамя части и охранявший его часовой – без приказа он не мог покинуть пост. Говорили, что если бы знамя пропало, то часть, согласно воинскому уставу, была бы расформирована. И я, и другие наши мальчишки при первом же выносе знамени после этого происшествия (кажется, на очередной парад) с интересом отметили, что оно и вправду было заметно закопчённым.

Другим чрезвычайным событием закончилась одна из инспекций, прибывшая из округа, то есть из Москвы. После её окончания начальство ШМАС устроило прогулку инспекторов по озеру. То ли погода в этот день оказалась не самой подходящей для прогулок (отчасти это, видимо, было так, потому что некоторые из офицеров оказались в шинелях), то ли гости и хозяева немного перебрали, но закончилось всё печально. Почти все офицеры утонули. Рассказывали, что когда лодка перевернулась, большинство решило доплыть до берега. Но доплыл только один сержант, оказавшийся в этой компании и, видимо, не пивший. Спасся и один из офицеров, уцепившийся за перевернувшуюся лодку. Через несколько часов его заметили проплывавшие неподалеку рыбаки. После этого несчастья в поисках утонувших кружил над несколько дней озером вертолёт. Когда всех нашли, были устроены похороны. По дороге мимо нашего посёлка пронесли под траурную музыку воинского оркестра несколько закрытых красных гробов с офицерскими фуражками на крышках.

Важными, торжественными событиями для нашей части были и парады 1-го мая и 7-го ноября. Кстати, День Победы тогда ещё не отмечался и парада в этот день, естественно, не

устроивали. Перед каждым парадом отец вместе с другими офицерами занимался непривычной для него и остальных преподавателей ШМАС «шагистикой». В остальное время строевых занятий у них, кажется, не было. Но сам парад – особенно первомайский был для города и для нас мальчишек, особенно офицерских детей, настоящим праздником. Обычно мы проводили строй нашей части чуть ли не до самого центра. Взбежешь, бывало, на вал и с восторгом смотришь на длинную стройно покачивающуюся под звуки военного оркестра колонну курсантов и офицеров в парадной форме с блестящими кортиками на поясе, во главе с рослым знаменосцем и двумя его ассистентами.

Как писал ещё Пушкин:

Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту.
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.

Торжественным было и награждение офицеров орденами, проходившее обычно в городском доме культуры на центральной площади Переславля. Помню одно из таких торжеств, когда наряду с другими офицерами награду получил и отец. Он промаршировал на сцену, где командир вручил отцу (а может быть, и прикрепил ему на грудь, за давностью лет уже не припомню) орден Красной Звезды, а он чётко и громко произнес: «Служу Советскому Союзу!», ловко развернулся, промаршировал по сцене и, спустившись с неё, отправился на свое место.

Кстати, в Переславле отцу, окончившему войну старшим лейтенантом, присвоили, наконец, звание капитана. Дожидался он этого не меньше десяти лет. Майора он получил уже в Серпухове, в этом звании и вышел в отставку. С переславского

детства до сих пор помню шутивную присказку, распространённую тогда в офицерской среде:

Курица – не птица,
Сто рублей – не деньги,
А младший лейтенант – не офицер.

Нужно сказать, что мальчишки из офицерских семей отлично знали, в каком звании их отцы, великолепно разбирались в знаках отличия и знаках родов войск.

Конечно, жизнь курсантов, по сравнению с офицерской, была нам известна гораздо меньше. Курсантов мы обычно видели в строю. Каждый день они маршировали по дороге, проходившей мимо посёлка и хорошо видной из наших окон. Чаще всего они направлялись в бывший Даниловский монастырь, где у них проходил один из учебных циклов. А раз в неделю по этой же дороге с чистым бельем под мышкой они шли в городскую баню.

Не раз вместе с другими мальчишками я бывал у казарм, в которых жили курсанты, заглядывал в пустые днём казарменные бараки с длинными рядами коек, аккуратно заправленных серыми суконными одеялами. Отец рассказывал, что курсанты, свободные по какой-то причине от занятий, иной раз спали днём под койками, поскольку лежать на постели можно было только после отбоя.

Неподалёку от казарм была площадка для военной подготовки, на которой стояли турники, козлы для прыжков, дощатая двухэтажная стенка с пустыми окнами, в которые нужно было как можно быстрее залезть – на первый этаж без всяких приспособлений, а на второй по лестницам. Было там, помнится, и несколько огороженных колючей проволокой сверху и по бокам щелей для ползанья по-пластунски. Проволочные колючки заставляли плотно прижиматься к земле, держать тело компактно. У казарм располагался и небольшой стадион с футбольным полем, волейбольной и баскетбольной площадками; то и дело проходившие на них игры разнообразили и нашу мальчишескую жизнь.

Но все же, как уже говорилось, чаще всего я видел курсантов в строю. Я и сейчас помню несколько тогдашних строевых песен, под которые они шагали. Одна из них мне почему-то особенно запомнилась. Это «Марш Дальневосточной армии», сочинённый ещё в довоенное время, в пору боёв под Халхин-Голом:

Стоим на страже всегда, всегда,
И если скажет страна труда,
Прицелом точным врага в упор –
Дальневосточная даёшь отпор!
Даёшь отпор!
Дальневосточная, смелее в бой!
Смелее в бой! Смелее в бой!

Помнится и еще одна строевая песня:

Непобедимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед,
Тебе любимая, родная Армия
Шлёт наша Родина песню-привет!
Шлёт наша Родина песню-привет!

Не знаю, что испытывали сами курсанты, шагая под эти песни. Но мое мальчишеское сердце они невольно настраивали на особый патриотический лад.

На мой взгляд, в своём большинстве курсанты были русские. Среди них были, конечно, и украинцы, но попробуй, различи их в строю. Но однажды появился курсант такого роста, что его не ставили в строй, и он ходил сбоку своего отделения. Мы все знали фамилию этого великана – Свиньин. Всё обмундирование – брюки, гимнастерку, шинель, сапоги ему шили отдельно – одежды и обуви такого размера на складе не было. Рассказывали, что брюки, сшитые ему в начале, были ему тесноваты, и когда он присёл (возможно, из озорства), они треснули по швам. Пришлось шить новые. Призвали его из Москвы, чем он, кажется, гордился, к тому же у него был первый разряд по боксу. Мы специально ходили смотреть его бои; правда, до-

стойного противника в нашей части ему не нашлось. На ринг на первых порах он выходил босиком – всё та же проблема – нестандартный человек.

Однажды отца отправили для набора курсантов в Грузию. Видимо, так проявилась интернациональная политика в армии. Чтобы выбрать среди грузин ребят, которые могли бы учиться не хуже других, отец должен был провести среди призывников письменные испытания по русскому языку. Проверялись ли знания по каким-то другим предметам, не знаю. А вот про русский помню хорошо, потому что отец привёз с собой наиболее «выдающиеся» сочинения (или изложения) и для смеха зачитывал их нам и соседям. Автор этих сочинений он, конечно, в Переславль не взял.

Уж коль зашла речь про русский язык, вспомню по этому поводу и отца. Родившись в украинском селе на Полтавщине, в украинской семье, в окружении практически одних украинцев, проучившись семь лет в украинской школе, отец затем всю жизнь прослужил в армии, из украинской среды выпал и украинский язык (которым, как я понимаю, до этого только и владел) основательно забыл. Говорил он, сколько я его помню, на таком великолепном русском языке, которому бы позавидовал любой прирождённый русак. От украинского языка у него остались лишь отдельные, но очень нравившиеся мне слова: «хло́пцы», «па́рубки», «ко́бзаться», «хатына», «снідать». А когда мы приезжали в Яготин, то, выпив со своими родичами и соседями, он любил «спива́ть» родные песни, особенно: «Распрягайтэ, хлопци, коний, тай лягайтэ спочивать, а я выйду в сад зелений, тай криничэньку копать...».

В его же русской речи то и дело мелькали пословицы, поговорки и такие выражения («ему ещё служить, как медному котелку»), «да у неё на лбу написано!»), которые я слышал только от него. То есть русский язык стал для него не просто средством выражения какой-то мысли, а его живым личным языком. Конечно, у него был явный языковой талант. При этом источником, из которого он черпал эти языковые богатства,

была исключительно живая русская языковая среда, – как я уже говорил, никаких книжек, кроме технических, он не читал. И по тому, насколько успешно эта живая языковая среда, прежде всего армейская, отразилась в речи моего отца, можно судить, насколько живым и богатым был тогдашний русский народный язык и насколько он оскудел, посерел, обезличился в наши дни. Вот тебе и результат всеобщего средне-высшего образования, телевидения, Интернета и прочих благ глобальной цивилизации.

Словом, в Переславле в силу семейных обстоятельств я оказался особенно тесно связан с армейской жизнью как в бытовом, так и в духовном отношении. Понятно, что это наложило заметный отпечаток на мое сознание, в которое благодаря принадлежности к военной семье вошли и в целом позитивное отношение к армии, и патриотизм, в значительной мере основанный на памяти о победе наших отцов в недавней войне, и идеи служения Родине. Армейская составляющая прочно вошла и в моё восприятие самого Переславля, в его образ, поскольку расположенная здесь воинская часть, наша ШМАС, составляла заметную часть здешней жизни, местной социально-культурной среды. Нужно сказать, что вообще для многих малых российских (и не только российских) городов расположенные здесь воинские части играли и играют немалую роль в их прошлой и современной жизни. Но, к сожалению, эта сторона нашей действительности, заслуживающая своего изучения, пока не стала предметом внимания нашей гуманитарной науки.

Конечно, отношение местных жителей к расположенной в Переславле части, к её офицерам было далеко не одинаковым. В ту пору нередко можно было услышать и почувствовать негативное отношение к офицерам, отчасти, видимо, основанное на зависти к их более высоким (с точки зрения переславцев) окладам, к иному образу жизни, быту. Помню, что однажды отец сказал по этому поводу: «Они не видели войны, тут не было немцев. Тогда бы они говорили по-другому». Понятно, что офицеру, всю войну прошедшему в рядах действующей

армии и оставшемуся служить в ней и в мирное время, были неприятны такие настроения на «гражданке». Но, как я теперь хорошо понимаю, и отец в своих объяснениях был не совсем прав.

Действительно, гитлеровцев в Переславле не было, но в самые тяжёлые месяцы войны – в конце 1941 – начале 1942 года линия фронта проходила в районе Дмитрова, в 60 километрах от города, и живший в Усолье Пришвин слышал доносившуюся с фронта орудийную канонаду. Многие переславцы в это время были мобилизованы на строительство оборонительных сооружений. И конечно, тысячи переславцев сражались в действующей армии, многие из них стали Героями Советского Союза, кавалерами орденов Славы и Александра Невского, а многие сложили свои головы на полях сражений. Словом, хотя Переславль и не был в районе боевых действий, но переславцев, как и весь наш народ, война не миновала, и память о ней, была у них, конечно, жива.

Жива она была и в нашей семье. На фронте погиб младший брат моей матери Леонид – молодой лейтенант-миномётчик. Воевали оба брата отца, а его младшую сестру немцы вывезли на работу в Германию, и лишь после войны она вернулась на родину. У старшей его сестры – тёти Маруси, москальчихи, как её звали в селе, в начале войны без вести пропал муж, о чём тётку официально известили после освобождения Украины. Но помнится, что в моём детстве как-то вскользь говорили, что однажды в начале войны он появился у жены, прячась от людей, пробыл несколько дней дома, потом куда-то ушёл и с тех пор пропал. Видимо, он был дезертиром и о нём в семье почти не вспоминали.

Мне же о войне, помимо рассказов взрослых, живо напоминали отцовские фронтовые медали и орден Великой Отечественной войны, которые я время от времени рассматривал. Отец со своим авиационным истребительным полком, который в конце войны получил почетное название «Берлинский», прошёл от Подмосковья до Берлина. Командир полка имел слав-

ную двойную фамилию Соколов-Соколёнок. Её я запомнил по его подписям на удостоверениях отцовских медалей «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Будапешта», «За взятие Берлина», «За победу в Великой Отечественной войне» – медалей было больше, но вспомнились именно эти, отмечавшие фронтовой маршрут отцовской части. До сих пор помню вылитые на медалях (хотя, кажется, не на всех) уверенные, гордые слова Сталина: «Наше дело правое – победа будет за нами!».

У нас было и несколько фотографий, на некоторых отец был еще в старой офицерской форме – без погон, в гимнастёрке с отложным воротником и кубарями на петлицах. На одной из них он в длинной шинели и будёновке. Потом на снимках появились и погоны. Есть фотография, на которой отец в офицерской форме с погонами стоит на крыле истребителя, держась рукой за край кабины.

Во время семейных застолий, когда к моим родителям присоединялись тётя Нина со своим мужем дядей Васей, всю войну прослужившим на Дальнем Востоке и лишь под конец повоевавшим с японцами, дядя иной раз посмеивался над отцом: чего, мол, вы так долго с немцами возились, мы японцев за месяц разделали. Предметом шуток дяди Васи было и то, что отец, хоть и служил в авиации, но был не лётчиком, а техником (всю войну прослужил техником эскадрильи и закончил её старшим лейтенантом, в чинах сильно не продвинувшись). «Самолётам хвосты заносили», – беззлобно шутил дядя Вася. Отец, как я помню, на это не обижался. Он гордился тем, что был авиатор и носил голубые погоны и «птичек» на петлицах, хотя погоны у него, в отличие от золотых, которые носили лётчики, были с серебряным полем.

Лётчики составляли особую группу в армии, они и внешне выделялись – в кожаных лётных куртках, кожаных регланах. Конечно среди них тоже были люди разные по таланту, смелости, удаче. И вся аэродромная обслуга – от рядового механика до инженера полка – отлично знала сильные и слабые стороны

всех своих лётчиков, они с земли отличали каждого из них по его небесному «почерку». Особенно важным для лётчика было умение четко, аккуратно приземлиться. Помню позднее, когда отец уже служил в Переславле-Залесском, у него с сослуживцами зашел за столом разговор о Василии Сталине, который тогда не раз прилетал в те места на охоту. И я запомнил, что отец восхищался тем, как Василий приземляется: «Идет как по ниточке; асс, что и говорить!»

Из отцовских разговоров запомнились названия наших («лавочкин», «яковлев», «илюшин») и немецких («мессершмит», «фокке-вульф», «юнкерс», «хейнкель») самолётов военных лет, американского транспортника «дугласс», элементов высшего пилотажа – «петля», «бочка». С детства я отлично знал, что такое «войти в штопор» и как опасно не выйти из него. В Кобулету, помнится, отец рассказывал, что вошла в штопор учебная «спарка», в которой летел молодой командир отцовского полка майор-фронтовик, Герой Советского Союза и только что закончивший училище лётчик. Неопытный пилот не справился с самолётом, а майор почему-то не взял (или взял слишком поздно) управление на себя, и спарка врезалась в чей-то огород, уйдя в землю по самое хвостовое оперение.

В детстве я ещё вживе видел краснозвёздные истребители времён войны. Когда мы жили в Грузии, отец часто брал меня на аэродром. В синем комбинезоне с погонами, надетом прямо на трусы и майку, в лёгких сапогах с брезентовыми голенищами он садился на свой трофейный мотоцикл, а я для безопасности усаживался прямо на бак, упершись спиной в отцовский живот и уцепившись руками за середину руля. На аэродроме я ходил в тени самолётных крыльев, ещё не задевая их головой, пинал ногами, обутыми в сандалии, тугие колеса шасси, смотрел, как заправляют моторные баки чудесно пахнущим авиационным бензином, а когда это надоело, лежал в тени высокой кукурузы, подступавшей к самому лётному полю. Иногда, собираясь проверять двигатели одной из спарок, отец подсаживал меня на плоскость (крыло), потом залезал сам, сажал меня в заднюю

кабину, а сам залезал в переднюю и командовал: «К винту!» «Есть к винту!», отвечал механик и, накинув твердую на вид петлю на одну из лопастей пропеллера, резко дёргал её вниз. Чихнув голубым дымком, мотор заводился, отец громко кричал «от винта!» и начинал форсаж двигателя. Пропеллер крутился всё быстрее и быстрее, превращаясь вначале в сплошной полупрозрачный вертящийся круг, а потом совсем исчезал. Следя за приборами, отец доводил мотор до самых высоких оборотов, потом переходил на более низкие и через какое-то время выключал его. Пропеллер постепенно становился всё более видимым и, покрутившись минуту-другую по инерции, замирал.

С детских лет в моей памяти остались азартные застольные разговоры и даже споры отцовских друзей-офицеров о том, какую роль сыграл в войне тот или иной род войск. Именно тогда я услышал от отца выражение «артиллерия – бог войны». И надо же так случиться, что в хрущёвские времена, когда в эйфории от успехов ракетостроения стали сокращать авиацию, отца тоже отправили на переквалификацию, и он до полной выслуги лет (как говорили офицеры) и выхода на полную пенсию ещё не один год прослужил в ракетных войсках. И чёрные артиллерийские погоны, а вместо любимых «птичек» скрещенные пушки на петличках ему, помнится, были очень не по душе. И действительно, всю жизнь провести в авиации, под открытым небом и под конец службы попасть в ракетные шахты...

Иногда (чаще по каким-то случаям) отец вспоминал военные годы. Помню, несколько раз он рассуждал о том, знал ли Сталин, что будет война. И повторял какие-то слова вождя о том, что, конечно, он и правительство знали о неизбежности войны. Не помню, чтобы отец обвинял Сталина в огромных потерях первых дней и месяцев войны. Думаю, что до самой смерти генералиссимуса это открыто и не обсуждалось. Говорить об этом стали уже после доклада Хрущёва о культе личности.

Помню и его неодобрительные высказывания о тогдашних фильмах про войну, в которых (из пропагандистских, конечно,

соображений) немцев изображали вечно бегущими от наших героических солдат. «Ерунда, – говорил отец, – они дрались как львы». Кстати, у него осталось немало положительных впечатлений о Германии, где он не только воевал, но и служил ещё года три после войны, пока его полк не перевели в Грузию, поближе к Турции, вступившей в то время в НАТО. Не раз вспоминал ухоженную германскую землю, хорошие дороги, обсаженные фруктовыми деревьями, аккуратные чистенькие дома. В немцах ему, как я помню, особенно нравились их дисциплинированность и законопослушность, умение воевать и работать, трудолюбие, аккуратность, зажиточность (о бедности в послевоенной Германии он тоже рассказывал). Правда, в рассказах о немцах, бытовавших в те годы, были и негативные, чисто бытовые стереотипы: говорили, помнится, что они без стеснения портят на людях воздух. С другой стороны, нередко рассказывали и о наших людях, особенно женщинах, попадавших вприсас при соприкосновении с немецкой (как считалось, более высокой) бытовой культурой. Так, якобы некоторые из них принимали немецкое женское белье за модные наряды и щеголяли в нем вместо платьев. Как я сейчас понимаю, все подобные рассказы не столько отражали реальность, сколько являлись своего рода фольклорными вымыслами, основанными на неких стереотипных представлениях о своём и «чужом» народе.

Из редких, обычно немногословных воспоминаний отца о войне мне запомнились некоторые, прежде всего бытовые, детали. Так, он не раз вспоминал одного из своих механиков, молодого туркмена, который был у отца незаменимым помощником. Отец разбирает, к примеру, двигатель самолета, в это время ему понадобится то ключ, то отвертка, и он ещё не успеет сказать, что именно нужно, как механик протягивает ему именно необходимый в ту минуту инструмент. «Золота была дытына» – улыбался, вспоминая его, отец. Про другого своего механика отец рассказывал, что однажды, уже в Германии, он во время работы хотел узнать время. «Товарищ старший лейтенант, у Вас нет часов?» – удивлённо спросил его механик.

– Нет, – ответил отец.

– Выбирайте, какие нравятся, – сказал механик и закатал рукав гимнастерки. Оказалось, что вся его рука чуть ли не до плеча была унижена ручными часами.

– Шустрый был хлопец, – несколько удивленно покачивая головой, говорил отец, – и когда он успел их набрать?

Не знаю, какие часы выбрал тогда мой родитель и выбрал ли вообще. В моём раннем детстве, когда мы стали жить вместе, у него были плоские карманные швейцарские (как он любил подчеркивать) часы. У них была изящная стальная крышка, верх которой был украшен неширокими полосками – темно-серая полоса чередовалась со светлой. Был там ещё какой-то маленький герб.

Несколько раз отец вспоминал дни, когда их полк стоял под Сталинградом – про то, как весь день на морозе голыми руками (в перчатках, а тем более в рукавицах не получится) разбирали моторы, крутили гайки, а ночью спали под аэродромными капонирами, накрывшись брезентом. А когда армия Паулюса попала в окружение, и немцы старались вывезти самолетами за линию фронта документы, письма, даже некоторых офицеров, лётчики отцовского полка должны были сбивать низко летевшие тяжёлые немецкие транспортники, у которых уже не было никакого прикрытия – к тому времени наши там уже уничтожили большинство немецких истребителей. Для наших лётчиков работа эта была, конечно, лёгкой; большинство немецких транспортников до своих не долетало. Отец вспоминал, что один из немецких самолётов упал неподалеку от полевого аэродрома, на котором располагался их полк. Многие механики, техники побежали посмотреть на упавший самолёт. Отец побежал вместе со всеми – у него была мечта – занять немецкий пистолет «парабеллум», и он подумал, что, может быть, на сей раз ему повезёт, и у кого-то из немецких лётчиков или офицеров, если они летели в самолете, на его удачу окажется «парабеллум». Когда отец подбежал к самолёту, из него уже выпали мешки с письмами и бродил, прихрамывая,

немецкий офицер, а наш майор – инженер по вооружению отцовского полка, распетушившись, кричал, что немца нужно тут же расстрелять. Его, конечно, урезонили: человек, мол, только с неба свалился, его в штаб нужно отвести, там разберутся. А «парабеллум» отец всё же нашёл – видимо, кто-то из немцев выбросил его в снег.

Когда началось наше контрнаступление от Сталинграда на запад, в ещё заснеженных степях было полно не захороненных немецких трупов. Наши солдаты откапывали некоторые из них и, подперев сзади палкой, выставляли для потехи вдоль дороги, по которой двигались наши колонны. «Хлопцы идут, смеются» – вспоминал отец. И слушая его, я понимал радость наших солдат – грозная немецкая армия, ещё недавно собиравшаяся переломить ход войны, потерпела поражение, а её мертвые солдаты коченеют на наших полях, мы же – живые победители – идём вперед!

В комментариях к своему роману «Прокляты и убиты» Виктор Астафьев пишет, что и он видел подобные сцены, добавляя подробности: «В оскалённых его зубах окурки, рука простёрта на запад, и на привязанной к ней дощечке накарябано: “Вперед, на Берлин” – потрудились весельчак-оформитель (...), устроил потеху – смеялись, смеялись все мы, проезжая мимо этого “машкерада”». Упоминает он и о других массовых надругательствах над трупами немецких вояк, и при этом подчёркивает, что «не видел я и не слышал о том, чтобы немцы учиняли надругательства над трупами наших воинов. Они верили в Бога и в то, что перед Богом все мёртвые равны»¹. Возможно, в данном конкретном случае писатель и прав – может быть, над трупами наших солдат немцы и не издевались, но виселицы, мстительно выжженные деревни, концлагеря с их ужасами как-то плохо совместимы с верой в Бога, якобы присущей всем немцам.

Наша победа в войне лично мне дала в детстве положительный заряд для моей ещё по-настоящему не осознанной совет-

¹ Астафьев В. Прокляты и убиты. М., 2002. С. 791.

ской (в первую очередь) идентичности и моему национальному русскому самосознанию. Видимо, у поколения, пережившего войну в сознательном возрасте, этот процесс проходил иначе, более сложно, не всегда однозначно позитивно. На меня же воздействие нашей победы было, конечно, опосредованным – через выборочное восприятие войны старшими, родителями в первую очередь. Не меньшую роль играла, естественно, и идеология. Правда, день Победы, как я говорил, тогда ещё не был официальным праздником и никак не отмечался, но уже были почитаемые герои войны, о которых знали все – панфиловцы, Гастелло, Кожедуб, Маресьев, Матросов, Зоя Космодемьянская, известные наши полководцы; были оценки Сталина, прозвучавшие и в уже приводимых словах: «Наше дело правое – победа будет за нами!».

Но в целом в мои школьные годы тема войны особенно не звучала. К нам в школу не приходили ветераны, как это было принято позже, не делились воспоминаниями. Ветераны в ту пору были ещё молодые и, видимо, им было пока не до воспоминаний, тем более что не всё, что они могли сказать, можно было сказать. Ветеранами войны были и некоторые наши учителя, о чем мы узнавали из каких-то случайных их высказываний, обмолвок. Так, до меня дошло, что учительница немецкого языка, преподававшая нам в семилетке, была на фронте переводчицей. Про учителя географии в средней школе я уже говорил. В музее был специальный зал, посвященный войне. Там демонстрировалось оружие тех лет, листовки, газеты, фотографии переславцев, отличившихся в боях. Запомнились и огромные соломенные лапти, в которых, судя по поясняющим надписям, ходили немцы в суровую зиму 1941 года. А вот про земляка, уроженца Переславского района изобретателя знаменитого танка Т-34 М.И. Кошкина мы в 1950-е годы ещё не слышали.

Кстати говоря, в годы моего детства и юности, кажется, было немного песен о недавно прошедшей войне. В памяти осталось, пожалуй, всего несколько. Из какого-то популярного фильма, виденного ещё в раннем детстве, запомнилась весёлая песня:

По дорогам минным мы вели машины,
По путям-дорожкам фронтовым.
Ах, путь дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбёжка любая и т.д.

Бодро и весело звучала и еще одна песня, видимо, партизанская:

Вот прогоним Фрица,
Будем стричься, бриться.
Стричься, бриться, умываться,
С милой целоваться.

Другая запомнившаяся песня военных лет совсем иная – суровая североморская:

Прощайте, скалистые горы –
На подвиг Отчизна зовёт!
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.
А волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля...
Растаял в далёком тумане Рыбачий,
Родимая наша земля.

Характерно, что гораздо больше (судя по моей памяти) было песен о Гражданской войне. Я уже рассказывал, как на уроках пения в семилетней школе мы под гитару учительницы исполняли *«По долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд, чтобы с бою взять Приморье, Белой армии оплот...»*. Но помнятся ещё и песня про Железняка (*«матрос-партизан Железняк»*) *«В степи под Херсоном высокие травы...»* из которой в памяти остались слова:

Прорвались ребята
Штыком и гранатой.
Остался в степи Железняк.

Видимо, из школы же я вынес еще одну песню:

По военной дороге
Шёл в борьбе и тревоге

Боевой восемнадцатый год.
Сборы были не долги
От Кубани до Волги
Мы коней собирали в поход.

Правда, у нас бытовал переиначенный, сниженный вариант этой песни:

По военной дороге
Шёл петух кривоногий,
А за ним восемнадцать цыплят.
Он зашёл в ресторанчик,
Чекалдыкнул стаканчик,
А ребятам купил лимонад.

Про гражданскую же войну пели известную песню:

Дан приказ ему на запад,
Ей в другую сторону.

Ну и, конечно, «Тачанка»:

Эх, тачанка, ростовчанка,
Наша гордость и краса.
Конармейская тачанка –
Все четыре колеса!

Один раз я даже видел настоящую тачанку, хотя утверждать, что она уцелела со времен Гражданской войны, не буду. А может быть, тачанки использовали и во время Великой Отечественной войны – ведь в ту войну в нашей армии были и кавалерийские части, особенно известен корпус П.А. Белова, отличившийся в боях под Москвой.

Но я отвлекся от своих воспоминаний. Летом 1957 года я единственный раз в жизни побывал в пионерском лагере. Это был лагерь военно-воздушных сил Московского округа, располагавшийся неподалёку от старинного подмосковного имения Марфино. На прощальном традиционном пионерском костре, продолжавшемся до полуночи, играл военный духовой оркестр, все пели «Взвейтесь кострами синие ночи», выступали какие-то

артисты, и вдруг из темноты появилась и поехала вокруг костра тачанка, запряжённая тройкой лошадей, в которой сидела знаменитая чапаевская Анка-пулемётчица¹. Смутно помнится, что она что-то говорила, приветствуя нас. Правда, я оказался довольно далеко от костра и толком ни рассмотреть, ни расслышать героиню не смог, но тачанку и женщину в ней помню до сих пор.

От того далёкого лета у меня сохранилась грамота за участие в лагерной спартакиаде, в которой я занял первое место в метании гранаты (с результатом 39 метров! – не знаю много ли это, но ясно, что сейчас я так далеко не закину). Вверху той грамоты – красное знамя с барельефом Ленина, слева от знамени Спасская башня с красной звездой, справа – высотное здание МГУ. А справа над знаменем надпись: «За нашу Советскую Родину!». В самом низу – под текстом, подписями и печатью войсковой части 64397 – красная звезда с серпом и молотом, а справа и слева от нее – стволы артиллерийских орудий, пулемёта, противотанкового ружья, танк, «Катюша» и три реактивных истребителя (лагерь, как-никак, был военно-воздушных сил), стремительно улетающих вправо.

Увы, с тех пор никаких спортивных достижений у меня не было. А в лагере я даже пробовал играть в футбол, в который до этого никогда не играл. Правда, бегать за мячом по полю мне было неинтересно, меня больше прельщала одинокая, романтическая фигура вратаря. Но после двух-трёх позорно пропущенных мячей ребята из команды, за которую я собрался было играть, сказали, что я не вратарь, а дырка, и с тех пор я перешел в число зрителей.

Вот куда меня занесло от песни про тачанку. Припоминается, что из песен о Гражданской войне была популярна и песня про Щорса:

Чьи вы, хлопцы, будете? кто вас в бой ведёт?
Кто под красным знаменем раненый идет?

¹ Видимо, это была Мария Андреевна Попова, служившая в дивизии Чапаева и ставшая прообразом Анки-пулемётчицы в фильме «Чапаев».

Голова обвязана, кровь на рукаве,
След кровавый стелется по сырой траве.

А хлопцы¹ отвечали:

Мы сыны батрацкие, мы за новый мир.
Щорс идёт под знаменем красный командир.
Э, э, красный командир!

Но больше всего мне и тогда нравилась и сейчас нравится
песня, которую я любил распевать про себя:

Там вдали за рекой, где погасли огни,
В небе ясном заря догорала,
Сотня юных бойцов из будёновских войск
На разведку в поля проскакала.
Они ехали долго в ночной тишине
По широкой украинской степи,
Вдруг вдали у реки засверкали штыки –
Это белогвардейские цепи.
И бесстрашно отряд поскакал на врага,
Завязалась кровавая битва;
И боец молодой вдруг поник головой –
Комсомольское сердце пробито.

Особенно трогал конец:

В небе ясном заря загоралась,
Уж не сотня бойцов из будёновских войск
Из разведки назад возвращалась.

¹ Как бы я тогда возмутился, если бы мне сказала, что «хлопцы» из Богунского полка Н.А. Щорса, каждый из которых, по словам одного очевидца, представлял собой «ходячий арсенал», помимо участия в борьбе за новый мир могли на досуге кто заниматься подсчётом колец, «собранных» у «благодарного населения», кто восхвалять «сладкую жидовочку», кто рассказывать, как «пришил из своего винта одного «очкарика жида», и всё это было обычным для суровых нравов Гражданской войны. См.: *Полетика Н.П.* Виденное и пережитое (из воспоминаний). Тель-Авив, 1982. С. 159 – цитирую по: *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 975.

Можно было бы припомнить ещё не одну песню, прославлявшую уже далёкую от нас Гражданскую войну и её героев, погибших за Советскую власть. Десятилетия, прошедшие с тех пор, позволили сложить эти романтическую песенную сагу, воспевавшую героическую эпоху становления нового Советского государства. Именно через неё, да ещё под воздействием фильмов (среди них «Чапаев», конечно, на первом месте) наше поколение и представляло себе историю тех лет, её героев – выстраивало под их воздействием свою советскую идентичность.

Романтизм той эпохи с её *«комиссарами в пыльных шлемах»* по-своему воспел потом Булат Окуджава:

Я всё равно паду на той,
На той единственной Гражданской,
И комиссары в пыльных шлемах
Склонятся молча надо мной.

Великая же Отечественная война ко времени моего детства и юности ещё не ушла в романтическую даль времени; видимо, и поэтому песен в таком количестве и качестве, как о Гражданской, ещё не было.

Но воспитанию моего патриотизма – в основном советского, но подспудно и русского – способствовали тогда не только представления о значимости нашей победы в Великой Отечественной войне. Его питали и школьные учебники по отечественной истории и русской литературе, и книги, которые я рано пристрастился читать, и выписанная отцом для меня «Пионерская правда», и передачи радио. Кстати, благодаря этим передачам я запомнил несколько чудесных песен, которые и сейчас изредка пою про себя. Среди них – «Марш юных нахимовцев», с его бодрой мелодией:

Простор голубой,
Волна за кормой,
Гордо реет на мачте
Флаг Отчизны родной! (...)

Юные нахимовцы тебе шлют привет,
Тебе шлют привет, страна!

Слушая её в исполнении хора мальчиков, я живо представлял себе строй нахимовцев на палубе какого-то военного корабля и флаг нашей Родины, реющий в голубом небе, и пенистый след за кормой. И эта, и следующие песни (я их сейчас назову) вызывали в душе какой-то восторг и пробуждали желание и самому совершить что-то героическое, возвышенное. Кстати говоря, в моей душе эти песни выдержали испытание временем, они нравятся мне и сейчас.

Среди песен, вызывающих подобные высокие чувства, была и следующая – не знаю, к сожалению, её название, знаю лишь, что чудесную музыку к ней написал Дмитрий Шостакович:

Родина слышит, Родина знает,
Где в облаках её сын пролетает...

Мне почему-то кажется, что она была посвящена первым дальним перелетам наших лётчиков – Чкалова, Байдукова...

Патриотические чувства вызывали и советские полярные экспедиции – как раз тогда начались зимовки на Северном полюсе. Для меня это стало продолжением героического времени покорения Севера в довоенные годы, связанного с ледоколами «Седов», «Красин», с именем Папанина, с челюскинцами (мать рассказывала, как встречали в Клину поезд со спасёнными челюскинцами, ехавшими из Ленинграда в Москву), с романом В. Каверина «Два капитана».

Правда, не все с энтузиазмом воспринимали вести о наших полярных экспедициях. Помню реакцию на начавшиеся зимовки на Северном полюсе и постоянно сопровождавшие их восторженно-героические комментарии по радио¹ из уст одного нашего деревенского одноклассника: «Чё там делать, лёд пахать?» Думаю, что он выражал не столько свое мнение, сколько

¹ Телевидение до Переславля дошло только в самые последние год-два нашей тамошней жизни. Маленький телевизионный экран с линзой я впервые увидел в детстве у каких-то дальних родственников в Москве.

мнение своих взрослых односельчан, большинству которых в то время приходилось жить очень нелегко.

* * *

Зимой, в самом конце 1958 года мы уехали из Переславля в Серпухов, куда отца перевели по службе. Точнее говоря, он, можно сказать, сам туда перевёлся. К тому времени у него испортились отношения с каким-то его начальником. Офицер он был, на мой взгляд, дисциплинированный, но не мог, по его выражению, «хлопать по сапогу», то есть подхалимничать, угождать начальству. Возник какой-то конфликт, о котором я точно ничего не знаю; знаю лишь, что дело дошло до того, что его грозили оправить в отставку, не дав дослужить 25 лет в армии, что позволяло получать полную пенсию. Тем же, кто не имел этой выслуги, пенсия полагалась гораздо меньшая. И это притом, что у отца были и так называемые «фронтовые», по которым год на фронте приравнялся к двум (или трём – точно не помню) годам службы в мирное время. Понятно, что ему было не только обидно, но и вставал вопрос, как нам жить дальше в случае, если он неожиданно окажется «на гражданке». Угроза была вполне реальной, поскольку в то время по инициативе Хрущёва, считавшего, что появившееся в массовом количестве ракетное вооружение делает военную авиацию не столь уж и нужной, шло её сильное сокращение.

Отец не читал Ильфа и Петрова, но тотчас понял, что спастись нужно самому. Взяв на несколько дней отпуск, он отправился в Серпухов, где служил начальником военного авиационно-технического училища его бывший фронтовой командир (инженер авиационного полка, а потом дивизии), с которым они были в хороших отношениях. После разговора с генералом проблема дальнейшей службы отца была решена, и вскоре приказом по авиации Московского военного округа его перевели в Серпуховское училище.

Расставаться с любимыми, обжитыми местами, с друзьями было очень грустно. Первое время в Серпухове я чувствовал

себя неприкаянным, но со временем и здесь появились друзья, а в последнее школьное лето я стал осваивать окрестные леса, берега Оки. Но Переславль навсегда стал для меня местом, куда я постоянно возвращался в своих воспоминаниях, куда всё время тянулась моя душа, куда хотелось хоть на несколько дней съездить. Словом, в постоянно меняющемся мире у меня появилось место на Земле, к которому я прирос, которое стало моей настоящей родиной.

Часть II ПОСЛЕ ПЕРЕСЛАВЛЯ (1959–2014)

1. В Переславль наездами (1963–1986 гг.)

Впервые после переезда в Серпухов я попал в Переславль спустя лет пять. К тому времени я уже окончил школу, поступил, хотя и не сразу, на исторический факультет МГУ, но первые два года учился заочно и продолжал работать на заводе в Серпухове. Летом после окончания первого курса я со своей будущей женой Светланой на несколько дней съездил, наконец, в Переславль. Остановились у родителей Вали Воинова – сам он в это время проходил срочную службу в ГДР; побывали в гостях и у Саши Макарова и его жены Зои. Правда, нашел я их не сразу. В том доме, где они жили раньше (на северной окраине города за рынком), мне дали их новый адрес. Оказывается, они выстроили себе дом неподалеку от того места, где мои родители когда-то снимали недостроенный дом сашиного родственника. От нового сашиного дома было совсем близко до озера.

– Приезжайте на следующий год, – сказал нам Саша, – мы лодку хотим купить, по озеру покатаемся.

За эти дни мы побывали и в музее, и на озере, посмотрели «Ботик», обошли городской вал, добрались и до Никитского монастыря? и до городища Клещин, залезли на Александрову гору, посидели на Синем камне. Ну и, конечно, я показал жене дома, где мы когда-то жили, и все три школы, в которых я учился.

Следующий раз я выбрался в Переславль лишь через семь лет – в 1970 году. К тому времени я уже окончил университет и два с лишним года проработал в Институте этнографии, а нашей старшей дочке Оксане исполнилось уже четыре года. Помнится, накануне поездки у меня вышла первая большая

статья в сборнике, изданном нашим институтом¹, я взял его с собой и с гордостью показывал своим переславским друзьям. «Да тут всё политика», – почитав статью, заметил Саша Макаров.

Поехать в Переславль меня подбил мой средний брат Володя, в тот год закончивший школу. Он родился в Переславле, но почти не помнил его – когда мы переехали в Серпухов, ему было всего пять лет.

В первый же день мы сходили в Чкаловский посёлок, и я показал брату дом, где мы жили. Зашли, конечно, в музей – благо он рядом. Но большую часть времени, причём неожиданно для себя, провели на озере. После музея мы отправились к Саше Макарову, который оставил нас ночевать, а наутро вместе с сыном повёл нас к своей лодке. Весь день мы плавали по озеру и даже побывали на другой его стороне, которую я до этого видел лишь в форме далёкой синей полоски лесов.

Погода была замечательная, и тогда я впервые увидел горд с середины озера. Это было сказочное зрелище! С высоких берегов белым чудом смотрелись в блестящую водную гладь стены, башни и возвышающиеся над ними купола Горицкого и Никитского монастырей. Устье Трубежа угадывалось по высокой колокольне церкви Сорока мучеников, окруженной маленькими домишками Рыбацкой слободы. За ней по низине теснился центр города, обозначенный церковными куполами и фабричными трубами. Живописно смотрелась южная нагорная часть Переславля – окружённые садами домики сбегали по склону вниз, а среди них виднелись купола Данилова монастыря и белая Сретенская церковь.

На следующий день мы отправились к Воиновым. Валя уже давно вернулся из армии и работал инженером на текстильной фабрике «Красное эхо». У них с отцом тоже была лодка, и мы опять провели день на озере. Потом мы поднялись вверх по

¹ *Савоскул С.С.* Этнические изменения в Эвенкийском национальном округе // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука, 1970. С. 179–190.

Трубежу до центра города, и Валя отправился домой к жене и маленькому сыну, а мы с братом вернулись на лодке на озеро и три дня провели там. В ту пору ещё можно было плавать с моторами (через несколько лет озеро объявили заповедным, и это было запрещено), и мы легко преодолевали почти десятикилометровое расстояние от Синего камня до «Ботика», от «Рыбаков» до Вёксы. Ночевали в палатке, удили рыбу, еду готовили на костре.

Запомнилось мне одно утро. Проснувшись раньше обычного, я выглянул из палатки – вокруг стоял такой густой туман, что ближайšie к берегу кусты были видны как на плохо проявленной фотографии, а лес за ними вообще виднелся какой-то смутной тёмной полосой. Туман, высоко стоявший над озером, уже розовел от восходящего, но ещё не видимого солнца.

После 1970 года я долго – больше 10 лет – не ездил в Переславль. Частые командировки, экспедиционные поездки, работа, подготовка и защита кандидатской диссертации, рождение второй дочери Маши, совпавшее с получением первой в нашей семейной жизни квартиры, домашние заботы не оставляли свободного времени. Но о Переславле я, конечно, не забывал.

Напомнил мне о Переславле и Пришвин, которым я в те годы очень увлёкся. Жили мы тогда в посёлке Московский (потом он стал городом, а сейчас, кажется, вошел в новые границы Москвы), в четверти часа езды на автобусе от метро Юго-Западная в сторону Внукова. Вокруг были леса и редкие деревни. Впервые после переславских лет у меня вновь появилась возможность в любой момент оказаться в лесу, наедине с природой. А бывая в лесу, я начал делать вначале небольшие заметки о своих впечатлениях и наблюдениях. Со временем очень этим увлекся и решил вести «лесной» дневник в течение всего года. Но одним годом мой дневник не ограничился – я вел его несколько лет, а со временем сделал из своих записок машинописную книгу страниц на пятьсот.

Начав свой дневник, я вспомнил о книге Пришвина «Календарь природы», отрывки из которой помнил с детства. В каком-то букинистическом магазине во время командировки в Тбилиси мне попался третий том («Природа и охота») из шеститомного собрания сочинений писателя, изданного во второй половине 1950-х годов. Из семисот с лишним страниц двести составлял «Календарь». На несколько лет он стал моей любимой настольной книгой. Из примечаний к нему, я понял, что половина очерков, посвященных весне, первоначально называлась «Родники Берендея» с подзаголовком «Из записок фенолога с биостанции “Ботик”» и первоначально была опубликована в 1925 году в журнале «Красная новь», а в следующем году вышла отдельной книгой.

Из пришвинских очерков стало ясно, что в Переславль и на «Ботик» писатель перебрался по приглашению заведующего городским музеем (т.е. М.И. Смирнова), предложившего ему поселиться в пустом дворце исторической усадьбы и положить начало биостанции.

«После того в письме, – по словам Пришвина, – был подробно указан путь на лошадях прямо или же кругом, через Москву, по железной дороге до станции Берендеево.

Какие удивительные есть имена, и как они на меня действуют: дворец мне явился сказочным дворцом Берендеева царства, и пошло и пошло в душе берендить.

Ну, Берендей, – сказал я себе, – думать тебе больше нечего»¹.

Кстати говоря, когда в самом начале 1990-х годов началась публикация огромных дневников Пришвина (к настоящему времени вышла большая их часть – 16 книг, охватывающих записи с 1905 по 1947 год) – я стал с нетерпением ждать появления переславских дневников. Записи, сделанные писателем на «Ботике» в 1925–1926 годах, вошли в две книги, изданные в 1999 и в 2003 годах. Записи военных лет (1941–1943 гг.), про-

¹ Пришвин М.М. Календарь природы / Пришвин М.М. Собр. соч. в шести томах. Т. 3. М., 1956. С. 15.

веденных Пришвиным в селе Усолье Переславского района, были опубликованы совсем недавно¹.

В дневнике 1925–1926 годов, когда писатель впервые увидел Переславль и Плещеево озеро, особенно много проникновенных строк о переславском крае. Не могу удержаться, чтобы не привести некоторые из них. Вот, к примеру, одна из записей о древнем городе:

18 февраля. (1925 г.)

Переславль-Залесский был оставлен железной дорогой на двадцать верст в стороне и оттого малю-помалу совершенно заглох. Многочисленные прекрасные памятники старины, благодаря отгниванию современности, выступили на фоне низменных мещанских строений необычайно ярко. Древние зодчие вообще работали так, что окошки справа и слева, двери, крупные украшения не приходились одно к одному, не складывались, и даже не было ни одного кирпича в орнаменте, чтобы сложился с другим кусок в кусок. Они работали, как природа, обличая (индивидуализируя) каждую мелочь. Время продолжило дело художников, работая желто-зелеными мхами на кирпичах, муравой на стенах и разным быльем. И так малю-помалу дело человеческих рук пришло в полное согласие с делом природы, так что строения на горах и прекрасное Плещеево озеро внизу сошлись к одному, как будто их создали друг для друга, – сказочный городок².

Выпишу ещё несколько прекрасных строк, на сей раз о Плещеевом озере:

4 мая. (1925 г.)

*В полдень Павловна (жена М.М. Пришвина – С.С.) крикнула:
– Посмотри, какое озеро!
И все мы ... подошли к берегу. Мы его не видали еще таким*

¹ Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941. М., 2012; Пришвин М.М. Дневники. 1942–1943. М., 2012.

² Пришвин М.М. Дневники. 1923–1925. М., 1999. С. 231.

и [не] думали, что может быть такая красота: весь небесный свод со всеми своими градами и весями, и лугами, и пропилеями, и простыми белыми барашками почивал там, гостил у нас, у людей, и так близко: совершенно Китеж, невидимый град¹.

6 мая. (1925 г.)

Кошкин (лодочник) пригнал из Усолья мой «Ботик»... Мы ездили на Урёв, сидел с подсадной. Возвращались при луне.

Как чисто! Спичку я бросил на воду, Петя (младший сын писателя – С.С.) сказал:

– Не сори!

Я сидел на носу и строил заграждение лесного края на двадцать верст вокруг озера, ворота выстроены в этом заповеднике из больших камней, притесанных один к другому: ворота – вход в заповедник. У ворот я поставил школу воспитания юношей, лучшие из которых удостоивались по окончании посещения заповедника для короткой работы в нем. Все рабочие там были из таких подготовленных и на короткое время. Расставаясь с заповедником, после в миру люди творили легенду об озере: оно было источником легенд и радости².

24 Мая. (1926 г.)

Мне было во сне, будто я разлучаюсь с кем-то близким таким, что вместе с душой близкого отдирается от меня шматками моя собственная кожа и мясо. Просытаясь, я догадался, что это близкое мне было наше озеро³.

25 июня. (1926 г.)

Мы висели над бездной в маленькой лодочке, прозрачная жидкость держала нас... какое-то упоение светом, как будто мы были в объятых воды, света и воздуха⁴.

¹ Там же. С. 280.

² Там же. С. 283.

³ Пришвин М.М. Дневники. 1926–1927. М., 2003. С. 67. Летом 1926 года Пришвин купил дом в Загорске (Сергиевом Посаде) и в начале осени переехал туда с семьей.

⁴ Там же. С. 81.

Понятно, что при чтении этих строк и у меня на душе не могло не «запереславить». Наконец, в 1986 году я вновь попал в Переславль. Летом того года мы с Машей (ей было уже 14 лет) недели две проработали в экспедиционном отряде нашего института на р. Сухоне в Вологодской области. В эти дни я не раз вспоминал Переславль, тем более что в отряде была художница, хорошо знавшая и сам город, и его окрестности. Вернувшись в Москву, мы с дочкой, не откладывая в долгий ящик, поехали в Переславль.

Остановились мы тогда на Свистуше, в доме родителей Вали – дяди Коли и тётки Шуры. В те дни мы с утра до вечера без усталости ходили по городу и окрестностям. Я провел дочь и своим любимым летним маршрутом – по озерному мелководью (глубина – мне до колена, изредка до пояса) от «Ботика» почти до Рыбной слободы. Вода тёплая, дно твердое, песчаное, в прибрежных тростниках попискивают утята, изредка крикнет мама-утка, пролетит чайка. Бредешь неспеша, поглядывая на ивовые кусты вдоль узкоколейки, на высокие берега, на которых расположилась петровская усадьба, за ней Вельково, а вдаль возвышается Горицкий монастырь. Гладь озера то тут, то там вспыхивает солнечными бликами, а у противоположного берега маленьким пятнышком белеет парус. Так незаметно и пролетят часа полтора-два.

На выходные Валя с Нелей забрали нас на свою дачу. Садовый участок, где они построили небольшой летний домик, расположен километрах в десяти к северу от города. Валя показал нам местную достопримечательность – родник, находившийся между дачным посёлком и остатками какой-то деревеньки. Мощная, толщиной сантиметров в двадцать струя била на ровном месте прямо из земли. Ключ, конечно, считался целебным, и, по словам Вали, сюда время от времени приезжают люди набрать воды. Он обратил наше внимание на крайний дом деревеньки, у которого стояло две-три легковых машины. «Тут бабка живет, целительница, к ней, наверно, каждый день, а уж в выходные тем более, приезжают больные. Из Переславля, Ростова, даже Ярославля».

– И помогает? – спросил я.

– Наверно, иначе бы не ездили.

В тот раз мы с Машей съездили на день в Ростов, посмотрели музей в митрополичьих палатах, походили по центру, вышли на берег озера Неро. Конечно, переславское озеро гораздо живописнее. Неро – мелкое, белесое, с илистым дном, в низких берегах. Кстати говоря, когда на Плещеевом озере запретили езду на моторных лодках, многие переславцы (в их числе и Валя с отцом) продали свои моторки ростовчанам.

Вечером мы вернулись в Переславль, а на следующий день дядя Коля отвёз нас на своем «Жигулёнке» в Загорск. Распрощавшись с ним, мы купили билеты и уехали на электричке в Москву.

Сравнительно немногочисленные посещения Переславля с начала 1960-х до второй половины 1980-х годов расширили моё представление о Переславском крае, показали мне то, чего я не видел здесь раньше, обогатили сложившийся еще в детстве образ родного для меня края. Именно во время этих поездок я впервые побывал на другом, северном берегу Плещеева озера, на который я долго поглядывал в детстве, сидя под стенами Горицкого монастыря. Там я воочию увидел и древнее переславское городище Клещин, и Александрову гору, и Синий камень, побывал в приозерном селе Городище и деревне Криушкино. Тогда же я впервые посетил «Ботик», куда мы в детстве не ходили (может быть, из-за того, что там находился пионерский лагерь Северного флота, и нам было боязно вступать на чужую для нас территорию). Но пожалуй, наибольшим открытием стал для меня незабываемо сказочный вид Переславля, открывшийся с середины Плещеева озера. Несомненно, что эти поездки укрепили и обогатили мое переславское самосознание. В значительной мере под их впечатлением я начал собирать библиографию о Переславле, думать о возможной работе по истории или этнографии Переславского края. Происшедший вскоре случай направил мои пока неопределенные намерения в конкретное русло.

2. «Защитник» переславских ценностей

В самом начале января следующего года мне попала в глаза заметка в «Советской России», в которой шла речь о нарушениях при проектировании и предварительных работах по строительству в Переславле Института программных систем АН СССР, возникающего на базе уже существовавшего там филиала академического Института проблем кибернетики¹. Правда, большую часть заметки занимал рассказ о будущем институте и о тех благах, которые он принесёт городу, не создавая при этом никаких экологических, градостроительных и иных проблем. Однако уже на подготовительном этапе строительства были допущены вопиющие нарушения проекта. При прокладке дороги, идущей к будущему институту по склону озерной террасы, полагалось соорудить подпорную стенку из монолитного бетона, но, не дождавшись её возведения, строители просто врезались в склон. Подобное же произошло и на территории Федоровского монастыря, где планировалось создание международного центра стран СЭВ² по искусственному интеллекту. Работники «Центракадемстроя» здесь тоже поспешили и начали проводить земляные работы в монастыре, проутюжив бульдозером часть охранной зоны без какой-либо археологической экспертизы.

Нужно сказать, что во время летнего посещения Переславля я не раз слышал о предстоящем строительстве этого института, возникшего, как все в Переславле знали, по инициативе академика Е.В. Велихова, у которого была дача за озером возле Купавны. Его же детищем была и международная летняя детская школа программистов. Летом 1986 года она работала в пионерском лагере переславской фабрики «Красное эхо» на

¹ Герасимов В. Поперек заповедной зоны. В Переславле-Залесском снова ведётся непродуманное строительство // Советская Россия. 4 января 1987 г. (№ 3). С. 4.

² Совет экономической взаимопомощи, объединявший социалистические страны.

«Ботике». Из-за этого пришлось сократить вторую смену лагеря, третью просто отменили. Понятно, что многим родителям это не понравилось. К тому же переславцам было обидно, что в летнюю велиховскую школу взяли всего несколько местных детей. Переславль – город небольшой и скрыть что-либо там невозможно. Для переславцев, например, не было секретом, что в самом начале этого «проекта» московские «академики» приехали на «Ботик» прикинуть, где бы построить коттедж и баню, катера завезли. Музейщики подняли шум, и *«они, – как выразился в разговоре со мной директор музея, – притихли. А теперь прикрылись наукой»*. Словом, отношение в Переславле к строительству нового академического института было, на мой взгляд, далеко не однозначным, и говорить, что «город принял весть с оптимизмом», как писал В. Герасимов в своей заметке в «Советской России», я бы не стал.

Прочитав заметку, я ещё раз съездил в Переславль, поговорил со знакомыми и под влиянием моего переславского патриотизма и общего тогдашнего критического настроения в нашем обществе написал довольно резкую статью и отправил её в редакции газет «Советская Россия», «Правда» и «Известия», а также президенту Академии наук СССР Г.И. Марчуку, вице-президенту АН А.Л. Яншину, академикам Д.С. Лихачёву и Б.А. Рыбакову, а также известным нашим писателям – Виктору Астафьеву, Василию Белову, Юрию Бондареву, Сергею Залыгину, Леониду Леонову и Валентину Распутину, проявившим свою озабоченность состоянием нашей природы и культурного наследия.

Чтобы дальнейший рассказ был более понятен, приведу текст моей статьи полностью.

Принадлежит народу!

В самом начале нынешнего года (4 января) «Советская Россия» поместила статью о проекте новой большой стройки в Переславле-Залесском на берегу уникального Плещеева озера.

Непосредственным поводом к её появлению были отступления от проекта, допущенные уже при проведении подготовительных работ, приведших к нарушению ландшафта заповедной зоны озера. Почти через три месяца (25 марта) в газете был напечатан ответ на критику, данный заместителем председателя Госстроя РСФСР Д. Поповым. В ответе говорится, что решение о строительстве Института программных систем Академии наук СССР в г. Переславле-Залесском, в районе с. Васьково в своё время было принято специальной комиссией в составе представителей Академии наук СССР, Госгражданстроя, Министерства культуры РСФСР, Госстроя РСФСР, Ярославского облисполкома и Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В ответе Д. Попова сообщается также, что проведение подготовительных работ приостановлено, а виновные в нарушении проекта наказаны.

Однако поразительно, что ни в статье, как будто бы критической, но критической лишь в каких-то узких, непонятно кем установленных рамках, ни тем более в ответе на неё не прозвучало ни нотки сомнения в необходимости строительства нового научного комплекса именно в Переславле-Залесском, мало того, на берегу уникального для Центральной России озера, к тому же на одном из самых красивых мест этого берега. А ведь это первый и самый главный вопрос, возникающий у читателя. Правда, в конце статьи говорится, что Центральный совет Всероссийского общества охраны природы, опасаясь, что строительство исказит природный и исторический ландшафт, предлагает разместить планируемый институт в районе ст. Берендеево. Своего же мнения на этот счет автор статьи В. Герасимов не высказывает.

Какова всё же экономическая, социальная, научная необходимость размещения нового академического института именно здесь? Совершенно очевидно, что такой необходимости просто нет. С таким же, а вернее с большим, успехом комплекс этого института можно построить в любом другом

месте, в том числе гораздо ближе к Москве, а пожалуй, и в самой столице. По крайней мере, в последнем случае у института практически не будет никаких проблем с кадрами, строительством жилья для сотрудников и т.д.

Уверен, каждый, кто хотя бы раз побывал у стен Горицкого монастыря в Переславле-Залесском, на всю жизнь запомнил огромное вольно раскинувшееся озеро, лес, узкой полоской прилегающий к его дальнему, к горизонту уходящему краю, древний город, с одной стороны прильнувший к озеру, а другими своими концами забравшийся на высокие террасы, с юга и севера поднявшиеся над озерной котловиной. Отсюда, с высокого холма сквозь громадную толщу воздуха смутно видны деревушки за озером на его северном берегу, древнее городище Клещин, Никитский монастырь, окраины самого Переславля.

В городе – родине Александра Невского – один из древнейших в России храмов, городской вал, уникальный по величине и сохранности – свидетель еще добатыевых времен, старые церкви и монастыри. Плещееву же озеру довелось стать родиной русского флота.

А какой прекрасный вид на город, окрестные леса и холмы открывается с озера! И выше всех на его берегу возносится белое чудо Горицкого монастыря.

Всё это вместе образует удивительнейший по красоте и силе воздействия на человека природно-культурный ландшафт, который навсегда берёт в плен душу, очищает и возвышает её. Переславский пейзаж, где великолепная средне-русская природа, давно и основательно обжитая нашими предками, образует уникальное сочетание с разнообразными памятниками, оставленными ими, с современной, удивительно скромной ненавязчивой русской провинциальной жизнью, является не только материальным памятником нашей истории, но и духовным её памятником, настраивающим на высокие, глубокие думы о Родине.

Правда, в последние 10–15 лет хрупкая, в сущности беззащитная перед современным бездумным строительством гар-

мония переславского ландшафта была заметно искажена возведением непропорционально высоких жилых домов в городе, особенно на его северной окраине и в районе от Горицкого монастыря в сторону с. Вельково. Невольно возникает вопрос – неужели у тех, кто давал разрешение на это строительство, в первую очередь у архитекторов, полностью отсутствует чувство соразмерности? Ведь жилое строительство можно было вести и в других, не столь значимых для здешнего пейзажа местах, не на высоких холмах, а на участках пониже, да и зачем, спрашивается, нужно было строить многоэтажные дома?

И вот теперь свой вклад в это недоброе дело решила внести и Академия наук. Вдумайтесь в эти высокие слова – Академия наук! Казалось бы, кому как не ей, пользуясь большим авторитетом науки у нашего народа, первой выступить в борьбе за сохранение памятников природы, истории и культуры, среди которых Переславль-Залесский и его окрестности занимают далеко не последнее место?!

Мы ещё не знаем, какие научные достижения обещает новый институт, но уже при своём рождении он собирается получить от нас слишком высокую цену!

Пример Дубны и Пущина, на который ссылается автор статьи в «Советской России», обосновывая целесообразность строительства нового научного центра в Переславле-Залесском, совершенно не показателен. Ведь они возникли отнюдь не в такой уникальной природно-исторической среде, к тому же замкнутой на заповедное озеро. В случае же размещения нового академического комплекса в Переславле-Залесском всё пространство высоко поднятой над озером террасы между Горицким монастырем и музеем-усадебой «Ботик» со временем будет занято современной городской застройкой. И сколько бы мы не согласовывали её с силуэтом Горицкого монастыря, всё равно это будет хуже нынешних зелёных холмов.

К тому же автор статьи вводит читателей в заблуждение, заявляя, что с экологической точки зрения планируемое

строительство не вызывает тревоги. Непонятно, на чём основан этот оптимизм. Конечно, по сравнению с давлением, оказываемым на природную среду возведенным в городе химическим комбинатом, экологические проблемы, которые неизбежно возникнут и в связи со строительством нового научного центра, кажутся незначительными. Однако уже само строительство на берегу озера окажет сильное воздействие на уникальный ландшафт и неизбежно исказит его. Кроме того, создание нового научно-производственного и жилого массива ещё более усложнит и без того непростую в Переславле проблему водоснабжения, очистки и т.д.

А ливневые стоки, а скопление автотранспорта с сопутствующим загрязнением нефтепродуктами территории, поднятой над озером и близко к нему расположенной? Таким образом, новый посёлок, несомненно, внесет свой вклад в угнетающее воздействие на Плещеево озеро. При этом следует учесть, что возникшее у озера поселение неизбежно будет разрастаться. Неизбежность этого связана как с естественно возникающими производственными и социально-бытовыми (вызванными хотя бы ростом семей сотрудников института, а отсюда и необходимостью нового жилищного строительства) нуждами возникшего учреждения, так и с тенденцией «прирачивания» к новому научному центру других родственных организаций. Как показывает опыт большинства, если не всех научных центров, возникших подобным образом, остановить их укрупнение практически невозможно. Таким образом, экологические проблемы, которые могут быть вызваны намечающимся строительством, будут со временем усложняться.

По моему мнению, у планируемого института будет много и чисто внутренних проблем, вызванных его удаленностью от родственных научных и информационных учреждений. Назову хотя бы неизбежные затруднения в получении внеинститутской научной информации. Кроме того, следует учесть, что в сравнительно небольшом поселении, каким хотя бы в первое время будет новый посёлок научного центра, практически не-

возможно создать развитую социально-культурную и социально-бытовую среду, в которой, видимо, будет нуждаться большинство научных сотрудников, привыкших к жизни в большом городе. А что думают руководители нового института, например, о трудоустройстве членов семей научных сотрудников? Ведь не все же будут работать в одном институте. Или институтское руководство полагает, что их подчиненные должны стать монахами?

Скорее всего, все эти вопросы их просто не волнуют, ведь лично перед ними они в большинстве случаев не встанут. В их распоряжении помимо квартир, а возможно и коттеджей с видом на озеро будут и московские квартиры, и московская прописка. Поэтому им можно и не заботиться о своих семьях, члены которых могут выбирать себе место жительства и работы в зависимости от своих склонностей и вкусов. Впрочем, лето в любом случае можно будет проводить в Переславле. Тут ведь можно и яхт-клуб организовать, и теннисные корты соорудить. Не забудем, что всё это в двух часах езды от Москвы, а при наличии казенного транспорта, у иных и персонального, иметь такую «научную» базу одно удовольствие. Вот почему, я думаю, хлопочут руководители нового института (и, полагаю, поддерживающие их ученые, заседающие в бюро соответствующих отделений Академии наук, а может быть, и в её Президиуме) об его строительстве на самом красивом месте у заповедного озера. Не мне судить о научных заслугах этих людей, не мне определять меру вознаграждения за их труды и заслуги, однако любой честный человек согласится, что в данном случае мера эта слишком велика. Не может наш народ позволить себе ради барской прихоти (хотя и прикрытой якобы государственным интересом) пусть даже самых заслуженных людей растрачивать природные и исторические ценности, принадлежащие не только нынешнему поколению, но и нашим потомкам.

Но зачем же ломиться в открытую дверь, быть может, спросит читатель «Советской России», внимательно ознако-

мившийся со статьей, опубликованной там 4 января. Ведь её автор пишет, что «респектабельная» организация обещает не только согласовать контуры будущего массива с силуэтом Горицкого монастыря, но и вложить немалые средства как в строительство городского жилья и в коммунальное хозяйство города, так и в охрану местных памятников. А это, как полагает всё тот же автор, реальная надежда хоть на какой-то выход в деле спасения погибающих переславских памятников.

Но спрашивается – на какие средства собирается оказать помощь городу академический, пусть даже и «респектабельный» институт? Разве Академия наук получает средства из другого кармана, чем остальные наши организации? Если у государства, у народа есть средства, которые они помимо нужд, идущих непосредственно на строительство нового центра, могут передать городу, то почему же не передать их прямо, без посредника в лице института? Передавая же их через «солидного», «респектабельного» за наш счет посредника, мы неизбежно порожаем ведомственные амбиции, противоречащие нынешним устремлениям ко всемерной демократизации нашего общества. Эти амбиции и породили то, что стало возможным в Переславе-Залесском – торг между городскими властями и руководством академического института тем, что им не принадлежит, а является достоинством всего народа.

Городские же власти Переславля-Залесского, думая, что новый «жилец» поможет им разрешить какие-то нынешние городские затруднения, не задумываются над тем, что он же создаст и новые проблемы. Ведь и руководители химической промышленности, настаивая на создании в городе производственного объединения «Славич», видимо, в своё время тоже давали множество обещаний. Но создание большого химического производства к старым городским проблемам прибавило новые, уже трудно разрешимые. И в данном случае городские власти действуют по всё той же негодной и явно устаревшей схеме, справедливо осужденной год назад в статье «Времен-

щики», опубликованной в газете «Советская Россия» (24 апреля 1986 г.).

Надеясь на «богатого дядю», «отцы» города не видят источников дохода, лежащих рядом. А Переславлю-Залесскому, как и другим, сравнительно небольшим древним городам, следует в этом отношении в значительной мере рассчитывать на интенсификацию туризма. Но для этого нужно идти навстречу туристскому потоку, а не ждать, когда он сам забурлит у ваших стен. Я уж не говорю о том, что человеку, желающему более обстоятельно ознакомиться с городом и его окрестностями (и, следовательно, оставить здесь часть своих денег), негде остановиться – строительство новой гостиницы в городе идёт уже не один год. А желающих приехать в город на несколько дней, я думаю, и сейчас уже немало, и если бы была такая возможность, то они бы заполнили гостиницу и большие строящейся. Но у города, помимо чисто исторических памятников, есть природный и одновременно исторический объект, используемый сейчас для привлечения туристов крайне плохо. Речь идет о Плещеевом озере. Если договориться с судостроителями, мореходными или военно-морскими училищами, то можно создать здесь копию «потешной» флотилии Петра – из парусных и гребных судов. Их можно было бы использовать для прогулок по озеру туристов, в том числе и зарубежных, периодически устраивать на озере маневры старинных судов, имитации морского боя и т.п. Такие яркие запоминающиеся зрелища, конечно, превратили бы Переславль-Залесский в одну из жемчужин Золотого кольца и направили бы сюда практически неисчерпаемый поток туристов. Если подумать, то наверно можно было бы найти и другие новые формы привлечения к городу внимания разного рода путешественников. Вот вам и средства на реставрацию и охрану местных исторических памятников.

Пример Переславля-Залесского показывает, насколько ещё несовершенен у нас механизм защиты природных и историко-культурных ценностей. До каких же пор мы будем мирить-

ся с постоянным нарушением нами же принятых законов? Пора, наконец, взять под неустанный действенный контроль все подобные Переславию объекты, т.е. целые города с их окрестностями и любые изменения в них производить только после широкого общественного обсуждения. От проекта же строительства академического института на берегу Плещеева озера, принятого до происходящего сейчас процесса демократизации нашей жизни, пока ещё не поздно, следует отказаться.

Все мы не вечны, уйдут и академики, и министры, и рядовые труженики, но останется народ и Родина. Так давайте же будем честны перед ними!

Первой (в конце мая) на мое письмо откликнулась «Правда». Редактор отдела науки В. Губарев ответил, что мое письмо они получили и постараются изучить поднятую проблему. Из отдела писем «Известий» (в конце июля) сообщили, что редакция отправила письмо в АН СССР. Из «Советской России» (10 августа) мне написал сам В. Герасимов. Приведу его небольшое письмо полностью:

Уважаемый Сергей Сергеевич!

Спасибо за письмо. Мне понятна Ваша тревога и сомнения, которые испытывал и я, занимаясь этой темой. Я исходил из того, что решение о строительстве института было уже принято, что индустрия туризма у нас настолько неразвита, что надеяться на её бурное и умное развитие на ближайшее время не приходится. К тому же массовый туризм тоже связан с большим строительством, неизбежным вмешательством в старинный облик города, окружающий ландшафт.

К сожалению, статья вышла в свет со многими сокращениями, сделанными во время верстки, и неполно отражает то, что мне хотелось сказать. Вы правы, я поставил перед собой локальную задачу: обратить внимание на те безобра-

зия, которые совершаются во время строительства. Быть может, в этом кроется просчет. Благодарю Вас за откровенные слова.

Обстоятельное письмо прислал вице-президент АН СССР А.Л. Яншин:

Глубокоуважаемый Сергей Сергеевич!

Я долго не отвечал на Ваше письмо без даты¹ и приложенную к нему машинописную статью «Принадлежит народу!», потому что ждал решения вопроса об охране Плещеева озера и города Переславль-Залесский.

Сейчас могу Вас успокоить. Совмином СССР принято развернутое решение об охране Плещеева озера, один из пунктов которого говорит о недопустимости строительства в Переславле-Залесском Института программных систем Академии наук СССР.

В подготовке этого решения принимала участие секция охраны природы Московского общества испытателей природы и другие организации. Несомненна и роль Вашего обращения в разные инстанции.

Сообщаю также, что нам удалось добиться отмены начатого строительства нового водохранилища в верховьях Волги у Ржева. Соответствующее постановление Совета Министров СССР принято 19 июня.

Уважающий Вас А. Яншин

P.S. Извините, что пишу от руки. Сегодня воскресенье, а машинки у меня дома нет.

Из писателей, которым я отправил своё, наверно, слишком уж настырное послание, ответил один Сергей Залыгин, быв-

¹ А.Л. Яншин прав – на своих письмах я забыл поставить дату. Судя по наиболее раннему ответу (Сергея Залыгина от 5 мая), они были отправлены в апреле 1987 года. Правда, А.Л. Яншин свое письмо тоже не датировал.

ший тогда главным редактором журнала «Новый мир». На своем официальном бланке он коротко написал:

Уважаемый Сергей Сергеевич!

К сожалению, я не могу подключиться ещё и к проблеме Переславля-Залесского – нет для этого сил, а писем, подобных Вашему – несколько в день.

С уважением С. Залыгин.

Осенью 1987 года мои переславские заботы приобрели даже официальный характер – в октябре я отправился в Переславль в командировку от отделения истории АН СССР для проверки состояния местных памятников истории и культуры. Поводом для этого послужили публикации в «Советской России» и «Советской культуре», ставшие откликом на недавнее (в 1985 г.) падение центрального купола Никитского собора одноименного монастыря, а летом 1987 года колокольни переславской Смоленско-Корнильевской церкви. Отделение истории Академии наук тоже решило поучаствовать в этом деле, хотя случай этот относился, прежде всего, к ведению Министерства культуры и местных переславских и ярославских властей. Кроме меня в Переславль командировали сотрудника Института истории СССР, работавшего в отделе, составлявшем свод культурно-исторических памятников страны, а также коллегу из Института археологии.

По приезде в Переславль мы сразу же отправились к развалинам колокольни. Место мне оказалось знакомым – рядом с городским Никольским монастырем, пребывавшим тоже в весьма плачевном состоянии, и неподалёку от Рыбацкой слободы. Удостоверившись, что колокольня действительно рухнула и как бы за ней не последовала и сама церковь с её дырявой крышей и сильно потрескавшимися стенами, мы отправились в горисполком, где попали на заседание специальной сессии о вопросах экологии и охраны памятников культуры и истории. Потом мы сходили в городской отдел архитектуры. Получив в

исполкоме и у архитекторов кое-какие бумаги о состоянии других местных памятников, мои коллеги отправились в Москву, а я решил остаться еще на пару-тройку дней.

Отчет о командировке¹ мы написали довольно быстро и о результатах своей поездки вскоре рассказали на заседании отделения, которое вел директор Института этнографии академик Ю.В. Бромлей. По моей инициативе в нашем отчете прозвучала довольно сильная критическая нота в отношении Института системных исследований и академика Е.В. Велихова. Не забудем, что всё это происходило в самый разгар горбачевской перестройки с её лозунгами гласности, призывами «открыть огонь по штабам» и прочими кавалерийскими наскоками. Бромлей, конечно, заметил наш критический настрой по отношению ко всем известной личности и повернул разговор к тому, что в деятельности Велихова и его детища, видимо, есть и положительная сторона для Переславля. Мы этого и не отрицали, но хотелось бы, чтобы и издержек при этом было поменьше.

Не знаю, какова была дальнейшая судьба нашего отчёта – нам об этом ничего не говорили. Что же касается Института программных систем, то он всё же был построен и, видимо, успешно работает до сих пор. Нельзя сказать, что его здание украшает озёрные берега, но, по крайней мере, оно и не слишком нагло возвышается над ними. Жилого массива вокруг него, к счастью, не возвели. Словом, было достигнуто какое-то компромиссное решение. Возможно, что и наши хлопоты сыграли в этом какую-то роль.

Конечно, идеи защиты историко-культурного и природного наследия страны в 1980-е годы были широко распространены в нашем обществе и активно обсуждались в печати. К примеру, в том же 1987 году «Литературная газета» писала об острых проблемах сохранения историко-архитектурных памятников

¹ Текст отчёта см. в Приложении к книге.

Ростова Великого – древнего соседа Переславля-Залесского¹. На этой же волне началось движение по восстановлению многих разрушенных в советское время культовых и гражданских памятников, в том числе Храма Христа Спасителя. Кстати говоря, во главе общественного комитета – инициатора восстановления храма Христа Спасителя – стоял Владимир Солоухин. Его же после смерти в 1997 году отпевали в этом только что восстановленном храме.

Одновременно развивалось и экологическое движение – против переброски на юг северных рек, создания новых водохранилищ (о чем писал в своем письме академик Яншин), атомных и гидроэлектростанций. Экологические страсти коснулись тогда и меня².

В такой форме со всей очевидностью проявил себя тогда долго вызревавший подъём национального самосознания, как русского, так и других народов СССР. Во многом этот подъём был подготовлен творчеством наших известных писателей, влияние которых на массовое самосознание было тогда несравнимым с воздействием нынешних. Их высокий авторитет был обусловлен, прежде всего, тем, что их слово было по существу единственным источником общественно значимой и относительно независимой³ оценки многих наших проблем. Широкому воздействию писательского слова (по крайней мере, на интеллигенцию, в том числе массовую) во многом способствовали и огромные тиражи книг и толстых журналов.

Этот феномен, конечно, должен стать предметом специальных научных исследований, которых, на мой взгляд, пока нет.

¹ *Замыслов В.* Беды древнего города // Литературная газета. 23 октября 1987 г. № 43. С. 15.

² См.: *Савоскул С.С.* Туруханская ГЭС и судьба Эвенкии // Советская этнография. 1988. № 5. С. 166–168 (в соавторстве с В.В. Карловым); *его же.* Нет Эвенкийской ГЭС! // Северные просторы. 1988. № 6. С. 14–15.

³ Конечно, независимость их была весьма относительной, но наш тогдашний читатель научился читать и между строк.

Лично же про себя могу сказать, что пробуждению моего русского (а под его воздействием и переславского) самосознания, открытию в себе чувства Родины в наибольшей мере способствовали прочитанные ещё в начале 1960-х годов книги Солоухина (особенно его «Владимирские просёлки»), а также поздние рассказы Паустовского и его «Повесть о жизни»¹. В 1970–1980-е годы мои «русские» настроения стали будоражить появившиеся тогда книги Астафьева, Белова, Распутина, Лихоносова и, конечно же, открытый мной в начале 1970-х годов Бунин (прежде всего, его «Жизнь Арсеньева»).

3. Открытие фольклорного архива С.Е. Елховского

Во время этих последних поездок в Переславль я невольно сблизился с тогдашним директором музея Михаилом Михайловичем Семёновым. Узнав, что я долго жил в Переславле, люблю город и частенько приезжаю сюда к школьному другу, родители которого живут на Свистуше, Михаил Михайлович радостно воскликнул: «Так Вы и про Свистушу знаете! Да Вы же наш, переславец!»

Потом что-то вспомнил и сказал: «У нас недавно появился большой фольклорный материал, это ведь по Вашей части, может быть Вам будет интересно его посмотреть».

– Конечно, – ответил я.

Директор позвонил заведующей фондами и попросил зайти к нему. Вскоре в кабинет вошла невысокая худенькая женщина средних лет. Михаил Михайлович представил нас друг другу, при этом с энтузиазмом повторил Галине Михайловне: «Сергей Сергеевич – наш, переславец!».

¹ В моей библиотеке сохранились книги этих писателей, купленные мною вскоре после окончания серпуховской школы: *Солоухин В.А.* Лирические повести. М., 1961; *Паустовский К.Г.* Избранное. М., 1962. (Интересно, что предисловие к этому сборнику – «О Константине Паустовском» – написал Солоухин); *Паустовский К.Г.* Повесть о жизни. (Кн. 1 и кн. 2). М., 1962.

Через некоторое время Галина Михайловна вернулась с большой стопкой толстых тетрадей, и тут я впервые услышал фамилию «Елховский». Вручив мне стопу, заведующая фондами вернулась к себе, Михаил Михайлович куда-то уехал, и я остался в его кабинете наедине с тетрадями. За два-три часа я успел бегло просмотреть всю стопу. Почерк был мелкий, но чёткий и записи читались довольно легко. Из них я понял, что первоначальные записи были сделаны в Переяславле и Переяславском уезде ещё в 1920-е годы неизвестным мне краеведом Сергеем Евгеньевичем Елховским. Но, судя по аккуратному почерку и относительно новым современного вида тетрадям, тексты, зафиксированные в 1920-е годы, позднее были переписаны. После первого просмотра из-за обилия материала я не смог составить чёткого представления о содержании всего собрания. В нём было много песен, в том числе не традиционных, а сравнительно новых для того времени, например, так называемых «жестоких» романсов, многие сотни частушек, немало сказок, легенд и другой несказочной прозы, детский фольклор, записи, связанные с празднованием масленицы. К тому же значительная часть песенных текстов сопровождалась нотными записями. К концу просмотра у меня не было сомнений, что эта стопа общих тетрадей является настоящим, хотя и неизвестным пока науке, фольклорно-этнографическим памятником, заслуживающим всестороннего изучения.

Когда директор вернулся, я поблагодарил его за возможность ознакомиться с очень интересным материалом и обещал приехать ещё раз, чтобы рассмотреть его внимательнее.

В январе 1988 года я отправился в Переяславль с Машей – у неё как раз были зимние каникулы (в тот год она училась в девятом классе). Три дня – с утра до вечерних синевато-сиреневых сумерек – просидели мы с ней в директорском кабинете, из окон которого были видны заснеженная гладь озера и чуть проглядывавшаяся синяя полоска леса за ним, домики Подгорной слободы и раскинувшийся в низине город.

Я внимательно просматривал большие тетради, которых оказалось около двух десятков. На каждой из них рукой собирателя было выведено заглавие – «*Записки краеведа*». Чтобы составить общее представление о составе собрания, я записывал на отдельном листе данные о содержании каждой тетради. В дополнение к этому мы с Машей переписали и наиболее интересные бросившиеся мне в глаза фольклорные тексты. К сожалению, в музее тогда не было ксерокса, и переписывать пришлось вручную. В те дни обнаружилось, что помимо переславских записей, составляющих подавляющую часть собрания, в нём была одна тетрадь с песнями, записанными Елховским в Иванове, и тетрадь с макарьевскими (Макарьевского уезда Костромской губернии) частушками. Домой я увёз несколько десятков исписанных листов, собираясь на основе этого материала опубликовать сообщение о переславской находке. Но вскоре понял, что для полноты картины мне явно не хватает данных о самом собирателе – Сергее Евгеньевиче Елховском, да и представление о его собрании было у меня тогда ещё довольно поверхностное.

Пришлось эту работу отложить, тем более что подошло время завершать исследование о социально-этнических проблемах русского населения бывшего СССР, в котором я активно участвовал. Но ещё до того, как монография, написанная по итогам этого исследования¹, увидела свет, распался Советский Союз. А накануне этого грандиозного исторического события, когда уже стало ясно, что оно вот-вот совершится, я решил заняться изучением острых проблем, которые тогда уже возникли перед русским и русскоязычным населением союзных республик за пределами России. Этой интересной и актуальной работой я был занят все 1990-е годы и за все эти десять с лишним лет ездил в Переславль всего раз или два. В 2000 году я написал обобщающую монографию по итогам своего исследо-

¹ Русские: Этносоциологические очерки / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1992.

вания, которая вышла в 2001 году¹, а весной следующего года защитил на её основе докторскую диссертацию. Но заниматься дальше этой острой и сложной темой у меня уже не было ни сил, ни энтузиазма. Я решил переключиться на Россию и, естественно, подумал о Переславле.

4. Переславский проект

Все годы, прошедшие после моего знакомства с собранием С.Е. Елховского, я, конечно, не забывал о хранящихся в переславском музее тетрадах. И в 2002 году надумал подать заявку в РГНФ (Российский гуманитарный научный фонд) на исследование по Переславлю-Залесскому. Новый проект мог бы иметь, как я полагал, две цели. Первая – изучение и, в конечном итоге, издание собрания С.Е. Елховского, несомненно, представляющего собой уникальное отражение локального варианта традиционной русской культуры в период накануне коренного перелома в её развитии, связанного, прежде всего, с коллективизацией. Вторая – исследование локального самосознания россиян на примере жителей Переславля. Но перед тем как приняться за заявку, нужно было съездить в Переславль, узнать – не опередил ли кто меня с тетрадами Елховского, и (в благоприятном случае) договориться о совместной работе с музеем по изучению этого собрания. При этом, на мой взгляд, лучше всего было бы, чтобы в музее нашёлся сотрудник, которого я бы мог включить в предполагаемый проект в качестве соисполнителя.

В июле 2002 года я появился в музее и встретился с новым директором (Михаил Михайлович, как я узнал, уже несколько лет назад ушёл на пенсию), которым оказалась бывшая заведующая фондами Галина Михайловна. Насчёт совместной работы она обещала посоветоваться с заместителем по науке, но сказала, что сейчас в связи с подготовкой к отмечаемому в

¹ Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М.: Наука, 2001. 436 с.

ближайшие выходные юбилею города они все очень заняты, приходите, мол, на следующей неделе.

Делать нечего, пришлось ждать. Правда, начало показалось мне не очень оптимистичным – Галина Михайловна приняла меня довольно сухо, а моё предложение о сотрудничестве в изучении собрания Елховского восприняла без всякого энтузиазма, скорее даже настороженно. Но я решил не отступать, тем более, что у меня ничего не было за пазухой, я искренне хотел работать вместе с музеем уже потому, что понимал – даже просто скопировать такую махину рукописных тетрадей (а иначе как с ними работать) без сотрудничества с музеем невозможно.

Дни стояли солнечные, жаркие и в ожидании выходных я несколько дней провел на озере – купался, прошёл своим излюбленным манером по мелководью, но на сей раз не от «Ботика» к «Рыбакам», а в сторону Купавны, куда каждое утро по-прежнему убегал по узкоколейке маленький паровозик с вагончиками. Следующий день я начал с того, что с утра отправился на этом поезде в Купавну. Хотелось увидеть дом в Усолье, где во время войны жил Пришвин с женой и тёщей и заодно посмотреть недавно устроенный вблизи Усолья музей узкоколейных паровозов, вагонов и прочей техники. За полтора часа, которые мы ехали до Купавны, я на себе убедился, что недаром этот поезд прозвали «матаней» – вагон качало так, как будто мы плыли по морю, а не ехали по рельсам. Поезд то и дело останавливался на неведомых мне до этого станциях – «Дом лесника», «Дача Сталина» (сюда любил приезжать на охоту младший сын вождя), а иной раз тормозил, как мне казалось, просто по просьбе какого-нибудь пассажира. День был будний, и народу ехало немного. Немолодая кондукторша, продававшая за сущую мелочь билеты, сказала, что поезд скоро отменят – говорят, от него одни убытки, никакой прибыли. Так что грибникам и ягодникам, у которых нет машины, добираться до леса будет нелегко.

Купань – конечная станция узкоколейки – оказалась довольно большим, скучным посёлком, который был построен до

войны для людей, работавших на местных торфоразработках. Казенные двухэтажные дома барачного типа, несколько магазинов, депо узкоколейки. А на другом берегу узенькой речки старинное село Усолье, названное так по солеварням, в которых несколько веков назад выпаривали соль. Вдоль вытянувшегося ряда изб я дошел до церкви на краю села, которая, судя по новой крыше и ухоженному виду, была действующей.

Дом, где жил Пришвин, оказался на другом конце села, у опушки соснового бора. Если бы мне не указали на него сельчане, то я бы его не нашел – на нём не было даже мемориальной доски. И мне сказали, что дом уже продан кому-то под дачу.

В музей паровозов нужно было идти как раз мимо пришвинского дома и дальше через сосновый бор. По дороге я пощипал остатки черники и через полчаса вышел на песчаную поляну посреди бора, застроенную новыми дачами, огороженными высокими заборами. Иные из них занимали немалые участки, а из-за заборов то и дело раздавался злобный собачий лай. Думаю, Пришвин был бы немало обескуражен, попади он сейчас в свой бывший заповедный бор.

Музей располагался чуть дальше. Правда, он походил скорее как кладбище старой узкоколейной техники, чем на музей в обычном нашем понимании. Но это кладбище было по-своему интересным. Я походил между разными типами паровозов, вагонов, платформ, на одной из которых прочёл немецкое название завода «Krupp» и год выпуска – сейчас точно уже не помню, но не позднее конца XIX века.

В Переславль пришлось возвращаться пешком – на поезд я опоздал. Шёл по узкоколейке, которая иногда так близко подходила к берегу озера, что было грешно не искупаться. Переступая со шпалы на шпалу, я вспоминал, что в годы войны семидесятилетний Пришвин не раз, в том числе и зимой, одолевал этот довольно длинный – больше 20 километров – путь и в тот же день возвращался обратно. Ходил в Переславль в надежде получить немного сливочного масла, кусок-другой мыла. Но везло ему не каждый раз.

В ближайшие выходные город отмечал свой 850-летний юбилей. Основной праздничной сценой стала Красная площадь перед древним Спасо-Преображенским собором. Её задником служил оригинально украшенный городской вал, перед которым и стоит собор. На склонах вала расположились десятки, а то и сотни юношей (в основном курсантов местной сержантской школы) и девушек, держащих длинные голубые и белые полотнища. Их периодическое колыхание напоминало телеграммным знаменам о волнении на Плещеевом озере.

На новую эстраду посреди площади вначале поднялись, как и полагается, «отцы» города и кто-то из ярославского начальства, поздравившие горожан с праздником. Потом началось большое театрализованное представление, в котором появились все главные герои переславской истории – основатель города Юрий Долгорукий, самый знаменитый из переславских уроженцев Александр Невский, Петр I, положивший на Плещеевом озере начало русскому военному флоту. Их сменили современные переславцы – участники хоровых и танцевальных ансамблей. А тем временем вокруг шла бойкая торговля местными сувенирами, пирогами, чаем, пивом, бутербродами.

В ранних сумерках на Трубеже на больших лодках и плотках начался потешный «морской» бой в память о переславской петровской флотилии. Как только из-за вала раздались мушкетерские выстрелы, крики и шум с идущих на abordаж судов, ещё остававшийся на площади народ кинулся наверх – посмотреть новое зрелище. А завершился праздничный день красочным фейерверком, осветившим уже потемневшее вечернее небо.

На следующий день праздник продолжился на озере, где были лодочные гонки, соревнования по плаванию, пляжному волейболу и пр. Но я туда не пошел – нужно было подумать о предстоящем разговоре с музейным начальством.

А разговор этот меня, конечно, беспокоил, поскольку перед этим Галина Михайловна встретила меня явно настороженно. Во время долгожданной встречи вместе с ней была её заместитель по науке Наталья Васильевна Левицкая – молодая, спокой-

ная женщина, автор недавно вышедшей книги по Переславлю и, как я знал, кандидат исторических наук. Галина Михайловна начала разговор с того, что нужно бы пока подождать, тем более, что юбилейная суета для них не совсем завершилась.

На это я решительно сказал, что ждать больше нечего, нужно решить вопрос сегодня. И в шутку добавил: «Я за эту неделю уже досыта и нагулялся и накупался (в те дни стояла сильная жара) и на праздник посмотрел».

В ответ женщины заулыбались и пригласили приезжать чаще, особенно летом.

Я поблагодарил и вернулся к деловому разговору. Ещё раз высказал мысль о том, что хотел бы вместе с музеем заняться изучением фольклорно-этнографического собрания Елховского, которое, на мой взгляд, является интересным, можно сказать уникальным, научным и культурным памятником. Надеюсь, что для этой работы РГНФ даст мне какие-то средства. Если Вы согласитесь с моим предложением, – продолжал я, – то музею хорошо бы выделить одного сотрудника, которого я мог бы включить в число исполнителей проекта и выплачивать за работу деньги. В нашем же Институте кроме меня в этой работе согласилась участвовать Татьяна Сергеевна Макашина – кандидат наук, старший научный сотрудник и опытная фольклористка. Но без вашего работника, – убеждал я, – нам будет очень трудно. Ведь, прежде всего, нужно сделать ксерокопии всех фольклорных записей Елховского, без чего мы не сможем ни изучать их, ни набрать их на компьютере, чтобы в дальнейшем подготовить эти тексты к публикации. Я, кстати, оговорил заранее, что расходные материалы для ксерокопирования (картриджи, бумага) будут, конечно, оплачены за счет гранта РГНФ. А когда книга будет готова к печати, на её титуле вместе с названием нашего института напечатаем и название музея. Кроме того, я думаю, что музейный сотрудник будет выполнять не только техническую работу – надеюсь, он поможет нам и в поиске нужных данных о самом собирателе, о других переславских краеведах, с которыми он сотрудничал, будет вместе с

нами участвовать в подготовке статей, комментариев к издаваемым текстам, т.е. будет выполнять научную работу.

Как мне показалось, по мере моих объяснений настроение Галины Михайловны стало меняться в более благоприятную для меня сторону. В ответ же на моё предложение о включении в проект музейного сотрудника и директриса, и её заместитель в один голос стали уверять, что нужного мне работника у них, к сожалению, нет. Мы, мол, знаем своих людей, никто из них с таким серьезным делом не справится. Ксерокопировать тетради, конечно, можно, но квалифицированно выполнить другие работы кто-либо из наших сотрудников вряд ли сможет.

Тогда я предложил самой Наталье Васильевне войти в наш проект. Она, к сожалению, отказалась, объяснив это тем, что ей некогда, к тому же она историк и занимается в основном XVIII веком.

Но, в конце концов, выход нашелся. И директор, и её заместитель сказали, что, пожалуй, они могут посоветовать включить в проект ученого секретаря музея Светлану Борисовну Рубцову. Она молодая энергичная женщина, к тому же филолог по образованию – недавно окончила Ярославский университет – так что о фольклоре представление имеет.

Я, конечно, с радостью согласился; правда, познакомиться со Светланой в тот раз не удалось – она была в отпуске.

В итоге мы решили, что я могу ехать домой и писать заявку на исследовательский проект, а дней через десять, когда Света выйдет на работу, мы созвонимся, чтобы окончательно договориться с ней о совместной работе.

Могу честно сказать, что уходил я из музея окрыленным – я получил добро на работу, о которой думал после первой же встречи с тетрадями Сергея Евгеньевича.

Через несколько лет, когда работа по подготовке собрания Елховского к печати приближалась к концу, Наталья Васильевна в какой-то из моих очередных приездов в музей сказала мне: «Вы правильную тактику тогда избрали, предложив нам совместную работу».

Я немного удивился её словам, хотя она по-своему была и права. Но всё же никакой особой тактики у меня не было – по крайней мере, я о ней не думал. Я твердо знал, что без помощи музея задуманную работу мы не сделаем. Кроме того, у меня к музею было своё, доброжелательное отношение, сложившееся давно, ещё со времени нашей жизни у его стен.

Весной 2003 года из РГНФ сообщили, что моя заявка на трехгодичный исследовательский проект утверждена.

5. Изучение жизни и научной деятельности С.Е. Елховского

Работу с собранием Елховского мы начали с самого необходимого – ксерокопирования всех его фольклорно-этнографических материалов. К счастью, к этому времени в музее уже была и копировальная, и компьютерная техника, и два работающих на ней сотрудника. Конечно, наша работа была для них далеко не основной, но Свете всё же понемногу удавалось копировать нужные нам материалы. Кроме этого, по её инициативе за два-три года в музее был создан специальный фонд С.Е. Елховского¹. Главную его часть составляли тетради с фольклорно-этнографическими записями краеведа, сделанными в основном в 1920-е годы. Первичных материалов, т.е. относящихся именно к 1920-м годам, к моменту полевых записей в музее не было. Видимо, переписав с них весь текст, Сергей Евгеньевич уничтожил свои старые, наверняка сильно обветшавшие записи. Во всяком случае, много позднее, когда мне посчастливилось познакомиться с дочерью Елховского Татьяной Сергеевной, в их семейном архиве никаких первичных полевых записей не было. Перепиской в тетради своих старых фольклорно-этнографических материалов Сергей Евгеньевич начал заниматься

¹ Нужно сказать, что Светлана Борисовна Рубцова (сейчас она заместитель директора музея по связям с общественностью) оказалась незаменимым для нашей работы сотрудником. Хочу ещё раз выразить ей большую искреннюю благодарность за участие в нашем проекте.

после ухода на пенсию в 1959 году. Эта работа заняла у него не один год, и по мере готовности он передавал тетради в переславский музей, о чем у него была договоренность с директором музея К.И. Ивановым.

Понимая уникальность своего фольклорно-этнографического собрания, Сергей Евгеньевич именно с него начал переписку и передачу в музейное хранение своего большого архива. Кроме того, он связался с фольклористами (в частности, с Г.Г. Шаповаловой) Института истории русской литературы (Пушкинского дома) в Ленинграде и частями посылал им переписанный материал, который там копировали на пишущей машинке, а рукописи возвращали собирателю. Эти машинописные копии собрания Елховского хранятся в фольклорном архиве Пушкинского дома и, судя по записям на сопроводительных листах этих дел, некоторые исследователи использовали их в своей работе. Но в музей родного города Сергей Евгеньевич кроме фольклорно-этнографического собрания передал много и других материалов – воспоминаний, стихов, статей, очерков, заметок.

В начале нашей работы у нас было очень мало сведений о самом С.Е. Елховском. Между тем его фольклорно-этнографические материалы свидетельствовали о том, что он был выдающимся представителем отечественного краеведения 1920-х годов. Понятно, что нужно было составить по возможности полное представление о нём – как человеку и фольклористе-собирателе. Первоначально нам было известно, что он был чуть ли не самым молодым членом Переславль-Залесского научно-просветительного общества (Пезанпроб), организованного в 1918 году переславским уроженцем известным историком М.И. Смирновым, в которое вошли многие местные интеллигенты, в их числе и известный художник Д.Н. Кардовский (также уроженец Переславского уезда), перебравшийся с семьёй после революции из голодного Петрограда в свою переславскую усадьбу. Помимо этого общества М.И. Смирнов основал (в 1919 г.) переславский краеведческий музей. Сбор материа-

лов о жизни и деятельности С.Е. Елховский осложнялся тем, что в отличие от маститого пожилого Смирнова, успевшего до разгрома отечественного краеведения в конце 1920-х – начале 1930-х годов опубликовать не одну книгу и множество статей по истории, этнографии и фольклору Переславского края, молодой переславский собиратель не успел хоть в какой-то мере обнародовать свой уникальный материал и был известен лишь узкому кругу старых переславских краеведов, практически полностью ушедших из жизни к концу прошлого века.

Однако постепенно изучение различных фондов переславского музея, архивов Ярославля (где хранится половина бумаг М.И. Смирнова; вторая их половина находится в Москве в фондах Исторического музея), Владимира, Иванова, Петербурга (о переславских краеведах, в т.ч. о М.И. Смирнове и С.Е. Елховском нашлись материалы в архиве Академии наук, в фондах Российского географического общества, в Пушкинском доме – ИРЛИ) прояснило многие стороны жизни и деятельности С.Е. Елховского, а в какой-то мере и М.И. Смирнова. Хорошим источником о родительской семье Сергея Евгеньевича и его детстве оказалась книга воспоминаний трех поколений Елховских, на нашу удачу вышедшая в 2004 году¹. В целом же собранный за несколько лет материал позволил написать большую статью о С.Е. Елховском и об истории формирования его фольклорно-этнографического собрания, напечатанную в 2006 году².

Поскольку об этом выдающемся, как теперь стало ясно, фольклористе-собирателе и патриоте Переславского края зна-

¹ Страницы истории России в летописи одного рода. М., 2004.

² *Савоскул С.С., Макашина Т.С., Рубцова С.Б.* Переславский краевед С.Е. Елховский и его фольклорно-этнографическое собрание // Этнографическое обозрение. 2006. № 5. С. 164–180; позднее дополненный и расширенный вариант этой статьи был опубликован в первом выпуске издания собрания С.Е. Елховского: *Савоскул С.С., Макашина Т.С., Рубцова С.Б.* С.Е. Елховский и его фольклорно-этнографическое собрание // Переславское Залесье. Фольклорно-этнографическое собрание С.Е. Елховского / Отв. ред. С.С. Савоскул. Вып. 1. М.: Индрик. 2011. С. 15–66.

ют очень немногие, думаю, будет не лишним ещё раз коротко рассказать о нем.

Сергей Евгеньевич Елховский (1899–1985) родился в Рыбной слободе Переславля-Залесского Владимирской губ. Он был третьим ребёнком в многодетной семье священника Евгения Андреевича Елховского, расстрелянного в 1937 году и в 2000 году канонизированного Русской православной церковью в числе новомучеников. Первоначально Сергей учился в Переславском духовном училище, а в 1913–1918 годах в Переславской гимназии. В 1919–1921 годах С.Е. Елховский работал учителем школы взрослых в Переславле, был активным краеведом, членом Пезанпроба. Активным краеведом был и старший брат Сергея – Владимир – ученый секретарь Пезанпроба, фенолог и исследователь рыбных промыслов на Плещеевом озере.

С 1921 года Сергей Евгеньевич стал студентом Ивановского педагогического института, в котором по некоторым данным проучился два года, после чего перешел в Ивановский политехникум. Но закончить ни тот, ни другой тогда не смог. Пединститут он, видимо, окончил позднее. В 1921–1926 годах жил в Иванове, учился, затем работал учителем. В эти же годы был активным сотрудником этнологической станции Иваново-Вознесенского краеведческого общества. В 1926 году вернулся в Переславль, где до 1930 года работал учителем всё той же школы для взрослых и одновременно активно продолжал краеведческую деятельность. В одном стихотворном послании он писал о себе в те годы:

Чем живу, так своим Залесьем.
Сколько ценного в нашем краю.
Собираю по-прежнему песни,
А потом их играю, пою.

В 1930 году, когда был репрессирован М.И. Смирнов, был арестован (затем освобождён) глава семьи Евгений Андреевич, его сыновья (Владимир и Сергей) и дочь Лидия уехали из родного города. Сергей и Владимир перебрались в Иваново, где

также на несколько месяцев были арестованы. С тех пор С.Е. Елховский жил в Иваново (лишь на два учебных года – 1952–1954 – возвращался в Переславль, где тоже работал учителем), продолжая (до выхода на пенсию) работать преподавателем в школах и техникумах. Невольное расставание с родным краем, с любимой собирательской работой на первых порах было для него очень тяжёлым. Это настроение Сергея Евгеньевича хорошо передает его стихотворение 1932 года с характерным названием «За что?»:

Вся жизнь, как письма любимый почерк
Чёрной перечёркнута чертой.
Второй год каждый день, каждой ночью
Мучает проклятое «за что».
Оглянешься – всё так переменялось.
Не верится ни сердцу, ни глазам.
Не спрашивайте, что со мной случилось:
Этого не знаю я и сам.
Знаю только: нет меня в Залесье...

Но любовь к родному Переславлю – главный мотив его краеведческой деятельности – наш герой сохранил на всю жизнь. И, как уже говорилось, выйдя в конце 1950-х годов на пенсию, Сергей Евгеньевич начал обработку своего архива для передачи его в Переславский музей. Основную и наиболее значительную часть этих материалов составляет фольклорно-этнографическое собрание, общий объём которого более 40 п.л. В 1950–1980-е годы С.Е. Елховский написал серию очерков о прошлом Переславля и о своих современниках, опубликованную в переславской газете «Коммунар» Часть его мемуаров не обнародована и хранится в Переславском музее. Там же находятся и три рукописных сборника стихов Сергея Евгеньевича. Известны публикации лишь нескольких его стихотворений («На Клещине озере», «Сказание о Берендеевом болоте» и «Осень»), опубликованных в Переславле в 1919–1920 годах.

Фольклорно-этнографические интересы С.Е. Елховского формировались под воздействием семейно-родственного и

дружеского окружения. Музыкально-песенные интересы сочетались у него и с литературными – ещё в детства братья и сестра Елховские «издавали» собственные рукописные журналы. Большое влияние на формирование профессиональных интересов, знаний и навыков Сергея в фольклорно-этнографической сфере оказал, несомненно, М.И. Смирнов, сам в это время активно занимавшийся полевыми исследованиями. В начале 1920-х годов С.Е. Елховский немало работал вместе с М.И. Смирновым в селах и деревнях Переславского уезда, при этом, будучи музыкально подготовленным, он очень много сделал для фиксации музыкального фольклора. К собирательской работе он активно привлекал и учащихся преславской школы взрослых, в которой училось немало деревенской молодежи. Ещё до отъезда в Иваново им были записаны тексты и ноты около 40 песен (в том числе свадебных), бытовавших в то время или раньше в городе, в его Рыбной слободе и в нескольких селах Переславского уезда.

В Иваново Сергей Евгеньевич принял активное участие в работе этнологической станции, организованной в 1924 году, занимаясь, прежде всего, изучением песенного фольклора (преимущественно г. Иванова) и народной обрядности, используя в качестве информаторов учащихся школы фабзавуча, в которой он преподавал. В это же время им было записано несколько сот макарьевских частушек от одной из его учениц, недавно переселившейся в Иваново из подгородной слободы г. Макарьева. В марте 1926 года Сергей Евгеньевич прочел доклад об Ивановской этнологической станции на первом этнологическом совещании по Центрально-Промышленной области (ЦПО), состоявшемся в Государственном музее ЦПО в Москве.

И в годы своей жизни в Иваново Сергей Евгеньевич не прерывал связей с Переславлем. Приезжая на время домой, он продолжал собирательскую работу в Переславле и уезде. В 1922–1926 годах в Переславле и его слободах им записано более тридцати песен. В эти же годы помимо музыкального фольклора Переславля он собирал в самом городе и в его уезде

произведения других фольклорных жанров – сказки и легенды, в д. Маурино был записан свадебный обряд, в с. Ивановском в 1923 году удалось зафиксировать по памяти крестьян уже исчезнувшие к тому времени обряды завивания берёзки на пятое воскресенье после Пасхи и её развивания на Троицын день с участием «оленя», а также обряд «Колос гонять», отмечавшийся в день заговенья Петровского поста.

Вскоре после возвращения в Переславль весной 1927 года С.Е. Елховский начал работу в д. Куряниново, ставшей на два с лишним года постоянным объектом его исследований. В этой деревне краевед записал большое количество фольклорных произведений почти всех жанров, а также собрал некоторые данные по хозяйству и материальной культуре деревни, о бытующих там календарных и других обрядах. А началось всё с переславской школы взрослых, в которой училась одна из деревенских запевал 18-летняя Александра Васильевна Прохорова, которая, по словам собирателя, *«оказалась хранительницей громадного количества [произведений] устного народного творчества»*. От нее наш краевед записал *«до 80% песен деревни»*. При этом большое внимание собиратель уделял записи мелодий.

Стремясь придать работе по сбору музыкального фольклора больший профессионализм, Сергей Евгеньевич вступил в переписку с Комиссией по изучению народной музыки при этнографическом отделении РГО с идеей создания музыкально-этнографической станции при Пезанпробе. В начале 1928 года Сергей Евгеньевич выступил с докладом на эту тему на заседании Пезанпроба, а также организовал в Переславле два музыкально-этнографических вечера, на которых выступал хор 12 девушек «второй ровни» (16–18 лет) из д. Куряниново. В 1928 году в музыкальной Комиссии РГО он сделал доклад «Работы по музыкальной этнографии в Переславль-Залесском крае», «с исполнением песен, записанных докладчиком», а в мае 1930 года выступил на ту же тему в Московском государственном институте музыкальных наук.

В 1927–1928 годах помимо работы в Куряниново Сергей Евгеньевич записал в различных селениях уезда (селах Смоленском, Лучинском, Филипповском, деревнях Кичибухино, Словеново и др.) около полусотни песен, из них половина от крестьянина П. Додонова в с. Филипповском, от которого записан и свадебный обряд. В эти же годы как в Переславле, так и во многих селах и деревнях им зафиксировано несколько сот частушек. В ряде сел были записаны свадебные песни, сказки, легенды и были. В эти же годы краеведом была проведена большая работа по сбору материалов для изучения Масленицы, для чего им была подготовлена специальная программа, разосланная в деревенские школы и знакомым крестьянам. При ее составлении Елховский обращался за советом к Д.К. Зеленину. Полученные таким образом данные были дополнены краеведом при личной встрече с его респондентами.

И в 1930-е годы после вынужденного возвращения в Иваново С.Е. Елховский по мере возможностей продолжал свои фольклорно-этнографические занятия, несколько раз выступал с докладами, а однажды участвовал в передаче Ивановского радио на эту тему. Однако его полевая, собирательская работа в это время по существу закончилась. Единственным обнаруженным её результатом стала публикация 35 колыбельных песен и песня «За грибами в лес девицы» из куряниновского собрания¹.

Фольклорно-этнографическая коллекция С.Е. Елховского, собранная в Переславле-Залесском и Переславском уезде, состоит из трехсот с лишним песен, значительная часть которых записана с нотами, свыше полутора тысяч частушек, также частично нотированных, записей свадебных обрядов в пяти селениях и 57 свадебных песен, записей масленичной обрядности из 40 населенных пунктов Переславского края, 60 сказок, легенд и былей, более полусотни пословиц и стольких же примет, многочисленных записей детского фольклора – 79 ко-

¹ Ярославский фольклор. Дооктябрьский. Ярославль. 1938. С. 169–171, 187–195, 246–247.

лыбельных песен, 6 игр, 64 считалки, 370 загадок. Кроме этого в сборнике музыкального фольклора г. Иванова 128 песен (из них 27 с мелодиями), а в костромском сборнике – 500 частушек и 7 рабочих песен.

Собранные Сергеем Евгеньевичем материалы представляют собой значительную художественную и научную ценность, являясь единственным столь обширным и полным собранием фольклора Переславского края. Особую ценность придает им и то, что записи сделаны на протяжении примерно одного десятилетия – 1920-х годов. Это период, когда началась ломка старого бытового уклада – органичной почвы классического фольклора, и когда происходило становление нового строя, новой идеологии с новыми эстетическими и культурными нормами. Большое научное значение этой фольклорно-этнографической коллекции определяется и тем, что переславский краевед не только знал, но и использовал в своей собирательской деятельности труды ведущих отечественных фольклористов и этнографов – М.К. Азадовского, Б.М. и Ю.М. Соколовых, Д.К. Зеленина, Н.А. Янчука, Е.Э. Линевой, А.И. Никифорова, В.И. Симакова и др. Особая значимость коллекции Елховского обусловлена и тем, что им были записаны не только тексты, но и мелодии многих песен и частушек, что в собирательской практике той поры бывало крайне редко.

Уже после публикации первого выпуска книги «Переславское Залесье» у меня состоялась долгожданная встреча с дочерью Сергея Евгеньевича – Татьяной Сергеевной. По моей просьбе она написала интересные, живые воспоминания о своём отце¹, а при встрече летом 2012 года в Иваново передала мне свои воспоминания, некоторые материалы из архива фольклориста (в частности, его переписку с бывшим одноклассником по переславской гимназии) и разрешила скопировать другие материалы (в том числе фотографии) из семейного архива.

¹ Громова Т.С. Воспоминания о жизни моего отца – С.Е. Елховского // Переславское Залесье. Вып. 2. С. 485–502.

Мемуары Татьяны Сергеевны и другие материалы, любезно предоставленные ею, позволяют не только более полно представить ранние переславские годы жизни С.Е. Елховского, но и гораздо лучше осветить более чем полувековой ивановский период его жизни.

6. О публикации фольклорно-этнографического собрания С.Е. Елховского

К началу 2009 года¹ подготовка к изданию всего фольклорно-этнографического наследия Сергея Евгеньевича Елховского была, наконец, завершена. Неосведомленному читателю может показаться, что эта работа заняла у нас слишком много времени. Поэтому расскажу немного о том, в чём она заключалась и что её задерживало. На всех этапах большинство задержек были технического и отчасти организационного характера. Довольно медленно происходило ксерокопирование фольклорно-этнографических материалов – понятно, что в музее и без нашего проекта было немало работы. Из-за ограниченности средств, выделенных на проект, сильно затянулся компьютерный набор полученных из музея текстов. Тут мне пришлось немало покрутиться в поисках более покладистых (в смысле оплаты) наборщиков. В Москве найти таких мне не удалось и пришлось обратить свой взор на Тарусу – здешние работницы музеев и редакции единственной газеты оказались более сговорчивы.

Кстати говоря, на этапе компьютерного набора я вплотную столкнулся с необходимостью поиска фольклориста-музыковеда – ведь значительную часть записей песен С.Е. Елховский сопровождал нотами. Нужно было не только разобраться в этом материале и сделать его квалифицированный компьютерный вариант. Академический характер нашей работы требовал и

¹ После завершения в 2006 году гранта РГНФ переславское исследование на следующие три года было поддержано грантом Отделения историко-филологических наук РАН.

подготовки соответствующего музыковедческого комментария. Тут я должен выразить большую благодарность своему коллеге по Институту этнологии И.А. Морозову, который посоветовал мне обратиться к Елене Георгиевне Богиной – заведующей кабинетом народной музыки Московской консерватории. Несмотря на большую занятость (работа со студентами и аспирантами, экспедиции, постоянная подготовка концертов и пр.), а также на то, что Переславль не входил в южнорусский регион, который был объектом её длительного исследования, она всё же, в конце концов, заинтересовалась предложенной работой и сделала её великолепно¹.

Много времени заняла и основная исследовательская работа – я уже говорил, что, приступая к изучению научного наследия Сергея Евгеньевича, мы почти ничего не знали о нём. Архивные поиски в разных городах, подготовка исследований о краеведе и его собрании, изучение наиболее интересных фольклористических сюжетов (масленица, свадебный фольклор, «новые» песни²), подготовка вступительных статей к отдельным частям публикации, выделенным мною в основном по географическому принципу, написание специальной статьи о месте публикуемого собрания в истории изучения переславского фольклора и о его роли в понимании судьбы русского крестьянства в XX веке³ – всё это тоже потребовало немало

¹ *Богина Е.Г.* О нотных записях С.Е. Елховского // Переславское Залесье. Вып. 1. С. 355–358; нотные записи – С. 359–414; *она же.* Нотные записи и их место в фольклорно-этнографическом собрании С.Е. Елховского // Переславское Залесье. Вып. 2. С. 393–399; нотные записи – С. 401–430.

² *Макашина Т.С.* Русская масленица // Очерки русской народной культуры. М., 2009. С. 380–409; *она же.* Свадебная традиция Переславского края // Переславское Залесье. Вып. 1. С. 415–423; *она же.* Вместо комментариев: 1) Фольклор в свадебном обряде Переславского края; 2) «Новые» песни в собрании С.Е. Елховского // Переславское Залесье. Вып. 2. С. 431–484.

³ *Савоскул С.С.* Предисловия: к части 1 – Переславль-Залесский // Переславское Залесье. Вып. 1. С. 67–77; к части 2 – Деревня Куряниново //

времени. Не забудем и про трудоёмкие комментарии и пояснения к публикуемым текстам, про указатели (исполнителей, собирателей, географический), поиск иллюстративного материала и т.д.

Наконец, всё это осталось позади и можно было писать заявку на издательский грант, что я и сделал в 2009 году. В издательстве «Наука», где первоначально я думал опубликовать наш труд, подсчитали объём громадной рукописи и прослезилась – на её издание нужно было около 1 млн. руб.! И заведующая редакцией, и я решили, что РГНФ такую сумму вряд ли выделит. Тут же у меня родилась идея разделить рукопись на две части и вначале подать грант на первую половину. Кстати, это решение, исходя из содержания, оказалось логичным и, в конечном счете, плодотворным. Правда, в тот год издательский грант наша рукопись не получила. Но на следующий год грант был выделен. Узнал я об этом поздно вечером 20 апреля 2010 года в Тарусе. И вот, что я записал тогда в своем дневнике:

«23.10. Сижу один. По-настоящему не с кем и поделиться огромной радостью – РГНФ выделил деньги на издание первого выпуска сборника Елховского! Узнал об этом почти 2 часа назад от Иры Власовой¹. “Ира, – говорю, – ты меня так обрадовала!”, а она – “А я-то, когда узнала, подскочила от радости!”».

Там же. С. 201–203; к части 3 – С.Е. Елховский. Фольклорно-этнографические статьи, программы и заметки // Там же. С. 307–309; *он же*. Фольклорно-этнографическое собрание С.Е. Елховского в российском историческом и научном контексте (вместо предисловия) // Переславское Залесье. Вып. 2. С. 9–40; *он же*. Переславский уезд 1920-х гг. и его фольклорно-этнографическое изучение // Там же. С. 41–61.

¹ Скоропостижно умершая в марте 2014 года Ирина Владимировна Власова заведовала тогда отделом русского народа Института этнологии, в котором я работаю. Я не раз бывал в экспедициях под её руководством на Русском Севере. О её полевой работе см. интересную книжку, которую она успела закончить незадолго до своей смерти, но, к сожалению, не увидела её напечатанной: *Власова И.В.* Экспедиционные были. Путевые воспоминания. М., 2014.

Потом позвонил в Москву жене и дочери. Они, конечно, порадовались вместе со мной».

Но продолжу самоцитирование:

«И остался опять один. Решил выйти в сад, и тут от волнения меня стали душить слезы. “Семь лет я прожил с Елховским, с тетрадами которого познакомился четверть века назад и с тех пор не забывал о них. Я вытащил его из небытия, из почти полного забвения. Не его записи, о них в Переславле, да и некоторые столичные и ивановские фольклористы кое-что знали, а его самого, его как человека, как личность со своей единственной неповторимой судьбой, не очень счастливой, но удивительно цельной, чистой, светлой. Человека, самозабвенно преданного своему родному Переславлю, понимавшего уникальность и значимость своих записей. Недаром же он отдал им последние годы, десятилетия своей жизни. И труд его не пропал!!!”»

Примерно так я думал, пройдя немного по тёмному (хорошо бы ещё не мешали фонари с улицы) саду. В саду подумал ещё, что как всё же хорошо, что труд Елховского, его памятник Переславскому краю, краеведам той поры уцелел и, может быть, увидит свет.

Первый выпуск книги вышел в 2011 году. На сей раз я решил отдать рукопись в издательство «Индрик», как мне посоветовали некоторые из наших сотрудников, уже имевшие с ним дело. На первых порах мне особенно понравилось то, что издательство находится в нашем же здании – десятью этажами ниже. Но вскоре я ближе познакомился с главным редактором – известной фольклористкой Татьяной Алексеевной Агапкиной, которая, оказывается, знала материалы фонда Елховского (по масленице) в Пушкинском доме ещё с тех пор, когда писала свою кандидатскую диссертацию. Это меня ещё больше обрадовало – всегда приятно иметь дело со специалистом.

Годичная задержка с изданием второго выпуска пошла нам на пользу. Самое главное – за это время я уговорил Татьяну Сергеевну Громову – дочь Сергея Евгеньевича – написать вос-

поминания об отце. Вначале она из скромности отказывалась («какой я писатель», не раз говорила она мне), но в итоге у неё получился очень интересный рассказ, который стал, на мой взгляд, украшением нашего издания. Она же позволила сканировать фотографии из своего архива, отражающие ивановские годы жизни С.Е. Елховского и его семьи, которые тоже были опубликованы во втором выпуске сборника. Мы сами тоже успели подготовить новые дополнительные тексты.

Фольклорно-этнографические тексты, находящиеся в рукописном собрании С.Е. Елховского в отдельных тематических сборниках, в нашем издании размещены по географическому принципу. Исходя из этого, в первом выпуске книги помещены материалы по городу Переславлю (часть 1) и деревне Куряниново (часть 2), по которой собиратель составил отдельный машинописный сборник, озаглавленный «Куряниново. Материалы для монографии», объемом 220 страниц. В третьей части этого выпуска опубликованы фольклорно-этнографические статьи, программы и заметки С.Е. Елховского. Предваряют книгу предисловие и статья о краеведе и его собрании. В приложении помещены нотные записи и заметка о них Е.Г. Богиной, статья Т.С. Макашиной о свадебной традиции Переславского края, а также примечания, комментарии, указатели (имен исполнителей и рукописных сборников С.Е. Елховского) и список иллюстраций. Второй выпуск издания состоит также из трех частей, в которых опубликованы материалы по Переславскому уезду (часть 4), по городу Иваново-Вознесенску (часть 5) и Костромскому краю (часть 6). В начале второго выпуска книги вместо предисловия опубликована моя статья об историческом и научном контексте публикуемого собрания, в приложении находятся нотные записи и статья Е.Г. Богиной, статьи Т.С. Макашиной о фольклоре в свадебном обряде Переславского края и о «новых» песнях в собрании С.Е. Елховского, здесь же опубликованы воспоминания дочери Сергея Евгеньевича о её отце. В конце приложения, как и в предыдущем выпуске, публикуются примечания и комментарии к собранию Елховского и указатели.

Внутри первых четырёх частей, в которых публикуется фольклор, собранный Сергеем Евгеньевичем в Переславском крае, материал располагается по рубрикам: календарные обряды (прежде всего масленица), свадебные обряды, песни (свадебные, хороводные, обрядовые, лирические, исторические, «новые» – романсы, другие песни литературного происхождения), частушки, сказки и другая устная народная проза, пословицы, детский фольклор. В 5-й части книги публикуется музыкальный фольклор г. Иваново, собранный Елховским в 1920-е годы, а в 6-й части – фольклор Костромского края, большую часть которого составляют макарьевские частушки.

Уже первый выпуск «Переславского Залесья», вышедший в 2011 году, был с интересом встречен исследователями. Издание было весьма положительно оценено в рецензии известной российской фольклористки Т.Г. Ивановой¹. По мнению рецензентки, в наше время, *«когда классическая крестьянская фольклорная традиция уже давно отошла в прошлое, (...) новый большой материал из этой сферы русской народной культуры можно найти не в поле, а исключительно в архивах»*, что удачно демонстрирует вышедшая книга. Несомненной заслугой рецензируемого издания она считает и то, что оно *«вводит в науку не только новые фольклорные тексты, но и новое имя. Специально подчеркнем, что обращение к архивам имеет значение не только, а вернее, не столько для изучения очередного сегмента фольклорной культуры (в данном случае – Переславля-Залесского), сколько для восстановления одной из страниц в истории отечественной науки о живой старине. Следует сказать, что историко-фольклористическую задачу сборник Переславское Залесье решает блестяще»*. По мнению Т.Г. Ивановой, *«благодаря этой книге в нашей науке оказалась восстановлена еще одна страница блестящей истории советского краеведения 1920-х гг., истории, закончившейся, как известно,*

¹ *Иванова Т.Г.* Что таят архивы // Живая старина. 2011. № 4 (72). С. 55–58.

драматическим разгромом краеведческого движения»¹.

В заключение рецензентка пишет: *«Сборник Переславское Залесье, как обещают составители, будет иметь продолжение. Во втором выпуске они намерены представить материалы, записанные С.Е. Елховским в других частях Переславль-Залесского уезда. Наука, таким образом, получает комплекс фольклорно-этнографических записей, которые, как совершенно справедливо отметили составители, является единственным столь обширным и полным собранием фольклора этого края (с. 51). Рецензируемое издание, подчеркнем еще раз, одинаково успешно решает и задачи, связанные с изучением традиции одного из регионов, и сугубо историко-фольклористические проблемы»*².

В отклике на второй выпуск «Переславского Залесья» Т.Г. Ивановой ещё раз подчёркнула, что собрание С.Е. Елховского является одним из наиболее значимых достижений российского фольклорно-этнографического краеведения 1920-х годов, а изданный сборник *«без сомнения, заметное издание в современной фольклористике»*³. При этом она обращает внимание на то, что это собрание формировалось во многом *«благодаря собирательским усилиям его корреспондентов»*. По словам рецензентки, представленный в книге *«Указатель имен собирателей»*, *«где ко многим именам даны биографические справки (учителя, крестьяне, учащиеся школы взрослых), в очередной раз заставляет задуматься о том, скольким обязана фольклористика мощи краеведческого движения, существовавшего в России в предреволюционные годы и в первые полтора десятилетия после октябрьского переворота»*⁴. В наиболее объемной части второго выпуска сборника, в которой публикуется материал по Переславль-Залесскому уезду, Т.Г. Иванова особенно

¹ Там же. С. 55.

² Там же. С. 57.

³ *Иванова Т.Г.* Фольклорно-этнографическое собрание С.Е. Елховского: продолжение издания // Живая старина. 2013. № 4 (80). С. 67.

⁴ Там же. С. 65.

отмечает разделы о масленице и свадебных обрядах, при этом в последнем подчёркивает тщательность записей Елховского, фиксировавшего, наряду с традиционным свадебным репертуаром, и другие песенные формы, сопровождавшие свадьбу, которыми собиратели, как правило, пренебрегали. Помимо многих других мыслей рецензентки, хочу подчеркнуть её позитивное высказывание в отношении нашей идеи *«о необходимости поддержки современного краеведческого движения, формирующего патриотизм, любовь к своему краю – чувства, которых в начале XXI в. постсоветское общество чаще всего стесняется»*¹.

Помимо положительного отклика Т.Г. Ивановой публикация собрания С.Е. Елховского получила позитивную оценку и других исследователей. Так, В.Е. Добровольская отмечает, что на фоне записей, осуществлённых студенческой фольклорной экспедицией под руководством известного фольклориста Ю.М. Соколова в Переславском уезде в 1924 году фольклорная коллекция Елховского выглядит гораздо богаче и многообразнее².

7. Исследование локального самосознания переславцев

Как уже отмечалось, обдумывая заявку на «переславское» исследование, я решил не ограничивать его лишь работой над фольклорно-этнографическим собранием С.Е. Елховского, а включить её в более широкий проект по изучению культуры и быта населения Переславского края и локального самосознания в XX – начале XXI века. При таком расширении тематики и хронологических рамок исследования я исходил как из объективных, так и из субъективных фактов и соображений.

¹ Там же. С. 67.

² Добровольская В.Е. Экспедиция Ю.М. Соколова в Переславль-Залесский уезд Владимирской губернии в 1924 г. // Тверское фольклорное поле – 2010: доклады и публикации: памяти Ю.М. Соколова (1889–1941) / Под ред. А.А. Петрова, М.В. Строганова. Тверь. 2011. С. 11–14.

Субъективная сторона состояла в том, что мне хотелось в этой работе по возможности использовать свой опыт жизни в Переславле в 1950-е годы и впечатления, возникавшие в результате достаточно тесных связей с городом и моими переславскими друзьями на протяжении последующих лет. Мне представлялось, что это обстоятельство является несомненным преимуществом для понимания жизни города и самосознания его жителей в последние полвека. Объективно же возможность для вышеназванного расширения тематики и хронологии исследования виделось мне в том, что: 1) деятельность С.Е. Елховского и других переславских краеведов является как частью местной повседневной культурной жизни, так и её отражением, фиксацией в форме полевых записей, публикаций, воспоминаний; 2) эту же деятельность краеведческого сообщества, направленную на познание местного края, можно рассматривать, с одной стороны, как форму местного самосознания самих краеведов, так и один из важнейших факторов формирования массового локального самосознания переславцев.

Исходя из этих задач, нужно было наряду с изучением собрания С.Е. Елховского приступить и к исследованию локального самосознания жителей Переславля. Я составил исследовательский инструментарий (вопросник), с помощью которого попытался получить два рода данных: 1) основные социально-демографические характеристики респондентов – возраст, пол, образование, род занятий, миграционный статус (мигрант – уроженец); 2) выяснение сравнительной значимости для опрашиваемых их локальной, этнической и гражданской идентичности; изучение локального самосознания переславцев – знания местных историко-культурных и природных памятников и отношения к ним, представления о местной истории и её основных «героях», осведомленности о городской микротопонимии, мнений об отличительных особенностях «коренных» переславцев (уроженцев города) и их менталитете, оценок влияния москвичей на город и горожан.

Чтобы не затевать большой, массовый по числу респондентов опрос, на который у меня не было ни сил, ни средств, я

решил исследовать мнения небольшой группы горожан, ограничив её социальными (людьми занятыми умственным трудом) и возрастными (от 18 до 50 лет) рамками. В результате было опрошено около 50 респондентов. Выделение для опроса, прежде всего, местной интеллигенции имеет, на мой взгляд, несколько преимуществ. Первое связано с тем, что именно от этой группы можно ожидать наиболее ясно выраженного представления об интересующей меня проблеме, с которой интеллигенция, очевидно, знакома несколько лучше, чем представители других социальных групп. С другой стороны, опрос велся среди массовой интеллигенции – инженерно-технических работников, учителей, врачей, работников учреждений культуры (музея, библиотек) – которая в значительной мере разделяет социально-психологические представления и мнения остальных горожан. С этой точки зрения итоги нашего опроса в значительной мере отражали и массовое сознание переславцев.

В проведении опроса кроме меня участвовала С.Б. Рубцова, привлекая также некоторых своих знакомых, и несколько моих переславских друзей, благодаря которым круг опрошенных пополнился инженерно-техническими работниками (в т.ч. фабрики «Красное эхо» и бывшего комбината «Славич»), сотрудниками городской администрации и других учреждений города.

Первые итоги изучения локального самосознания переславцев были подведены в двух статьях, опубликованных в 2005–2006 гг.¹ Расширенный и дополненный вариант этих статей был опубликован в книге «Очерки русской народной культуры» и в других изданиях².

¹ *Савоскул С.С.* Локальная идентичность современных россиян (опыт изучения на примере Переславля-Залесского) // Этнографическое обозрение. 2005. № 3. С. 58–73; *его же.* Местное самосознание в современной России (по материалам Переславля-Залесского) // Отечественная история. 2006. № 4. С.158–169.

² *Савоскул С.С.* Локальное самосознание современного русского населения Центральной России // Очерки русской народной культуры. М.,

Поскольку главные итоги исследования локального самосознания переславцев отражены в вышеназванных публикациях, то здесь скажу о них очень коротко. Изучение местного самосознания жителей Переславля-Залесского показало, что оно составляет весьма заметную и содержательную часть их идентичности, хотя по самооценке опрошенных русская (этническая) и российская (гражданская) идентичность для них всё же важнее локальной – переславской. При этом все названные стороны самосознания тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. Базовой основой локальной идентичности переславцев являются: 1) представления о местном историко-культурном наследии, воплощенном в разнообразных памятниках истории и культуры (Горицкий монастырь – городской музей, музей-усадьба «Ботик», переславские церкви и монастыри, дендропарк, городские валы, Синий камень и пр.); 2) а также локальная историческая память, опирающаяся в первую очередь на значимых для переславской, а также и общероссийской истории деятелей, так или иначе связанных с Переславлем. Среди них опрошенные выделяли, прежде всего, – переславского уроженца Александра Невского, Петра I, создавшего на Плещеевом озере первую российскую военную флотилию, основателя Переславля Юрия Долгорукого, уроженца Переславского уезда конструктора танка Т-34 М.И. Кошкина, писателя М.М. Пришвина, уроженца переславского края художника, академика живописи Д.Н. Кардовского и др. Исследование также показало, что одной из важнейших опор местной идентичности выступает природное окружение города, особенно Плещеево озеро.

Для иллюстрации представлений переславцев о своем городе приведу несколько высказываний респондентов об основном, что, на их взгляд, характеризует Переславль-Залесский:

Наука. 2009. С.73–112; см. также: Образ родного края у современных россиян (по данным Переславля-Залесского) // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX – начала XXI вв. М., 2013. С. 107–137.

«Древнерусский город. Залесский – за лесами. Жемчужина – озеро Плещеево. Живая история – Ботик. Будущее – туризм, наука» (уроженец Переславля, 48 лет); *«Милый провинциальный город, спокойный. Уголок истинной России»* (уроженка Переславля, 26 лет); *«Сосед Москвы, родина Александра Невского, колыбель русского флота, старинный город»* (уроженец Переславля, 40 лет); *«Переславль – город с развитой промышленностью, наукой, образованием. До сих пор славится своими храмами, монастырями»* (уроженец Переславля, 55 лет); *«Переславль – озеро, дендросад, ряпушка, музей, синий камень, валы»* (женщина, 42 года, в Переславле живёт 20 лет); *«Тихий, довольно чистый, религиозный»* (женщина, 56 лет, в Переславле живёт 32 года); *«Древний, немногословный и скромный город»* (женщина, 33 года, в Переславле живёт 5 лет); *«Город, входящий в Золотое кольцо России»* (женщина, 49 лет, в Переславле живёт 25 лет).

Органической частью локального самосознания переславцев являются также их отношение к современному Переславлю, включающее в себя как положительные, так в известной мере и отрицательные представления о родном городе. В местную идентичность опрошенных входят также отмеченные ими социально-культурные особенности переславцев, их менталитет (чаще всего отмечали оканье коренных горожан, частое употребление ими мата и пр.). Заметной частью локального самосознания переславцев, как показало исследование, являются антимосковские настроения. Хотя, судя по моим наблюдениям, они достаточно широко распространены по всей России, однако в разных местах факторы формирования этих настроений различны. Многие переславцы считают, что появление в последние десятилетия в Переславле и его районе огромного числа московских дачников имеет отрицательные последствия для местных жителей, в том числе – повышение цен на продукты и другие потребительские товары, а также на недвижимость из-за широко идущей скупки москвичами земли и жилья. В некоторых ответах была выражена особая тревога тем, что частной

собственностью москвичей становятся даже берега Плещеева озера – одного из основных предметов гордости переславцев, можно сказать, главной их ценности¹. Лишь немногие из опрошенных проявили большую объективность в оценке влияния москвичей, указав, в частности, на московские инвестиции в городскую экономику, что способствовало появлению дополнительных рабочих мест. Немногие указали также на положительное, с их точки зрения, влияние москвичей на культуру и образ жизни переславцев.

8. Переславское краеведение и местное самосознание

Выявление основных черт локального самосознания переславцев и образа города и края, составляющих важнейшую часть переславской идентичности, невольно поставило вопрос об основных источниках и каналах формирования местного самосознания. Таким образом, встала задача проверить гипотезу о роли краеведения в этом процессе, которая появилась уже в ходе определения основных задач переславского исследования и в какой-то мере была подтверждена высказываниями опрошенных переславцев². Первоначально эта гипотеза, честно говоря, родилась у меня на основе моего многолетнего наблюдения за деятельностью переславского музея, на зрительном впечатлении от массового посещения его переславцами в 1950-е годы, ещё в бытность его директором К.И. Иванова³. В ходе же специального изучения жизни и деятельности нескольких поколений переславских краеведов, предпринятого мною в последние годы, эта гипотеза лишь укрепилась. Для её проверки я провел анализ краеведческих публикаций, посвя-

¹ Одна из моих знакомых – бывшая переславская учительница, недавно сказала мне с горечью: «Озеро теперь не наше!»

² *Савоскул С.С.* Локальное самосознание современного русского населения Центральной России. С. 94, 97.

³ Там же.

ценных Переславскому краю (а частично и его визуальных образов), начиная от отца-основателя переславского краеведения М.И. Смирнова до публикаций последних лет с целью выявить основные черты образа «своего края», сформированного местным краеведческим сообществом¹.

Период становления и наиболее продуктивной краеведческой деятельности в Переславле-Залесском, как и в стране в целом, пришелся на 1920-е годы. М.И. Смирнов сыграл главную роль в её становлении, в создании институционального основания краеведения в виде краеведческого музея и общества краеведов (Пезанпроб). Обосновывая актуальную необходимость развития краеведения, Михаил Иванович писал в своей работе по библиографии местного края: *«Пора знать свою родину – свой Переславский край. И знать его нужно не обывательски только, а научно. Теперь, когда строится новая культурная жизнь, научное знание родины вдвойне необходимо. Не в облаках, не в эмпириях закладываются основы новой жизни, а в определенных местах, имеющих свои природные, исторические и бытовые особенности. Эти особенности, в которых протекает народная жизнь, и должны быть предметом изучения»*².

Созданные М.И. Смирновым научно-просветительское общество и музей в значительной мере были призваны решать эти задачи. Помимо наиболее активной части переславской интеллигенции к изучению родного края Михаил Иванович привлекал и известных столичных исследователей, с многими из

¹ Савоскул С.С. Краеведение и локальная идентичность (на примере малых городов Центральной России) // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 83–99; он же. Краеведение и образ «своей стороны» (по материалам Переславля-Залесского) // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 9. История в культуре и культура в истории / Ред. М.Н. Губогло. М.: Старый сад, 2010. С. 271–283.

² Смирнов М.И. Переславщина. Источники и материалы краеведения, их систематизация и обзор // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительского общества. Вып. 9. Переславль-Залесский, 1921. С. 1.

которых он был лично знаком – фольклористов Ю.М. Соколова, Н.А. Янчука, археологов А.А. Спицина и Н.Н. Воронина, гидробиолога Д.А. Ласточкина.

Кстати говоря, М.И. Смирнов помимо планов научного исследования родного края лелеял мечту о создании его художественного образа, и приглашение в Переславль М.М. Пришвина было попыткой претворить мысль краеведа о необходимости *«художественного изображения родного мне Переславского края, скудно затронутого художественной литературой»*. Смирнов мечтал и *«о создании в Переславле своего рода Барбизона: здесь были налицо свои художники – Д.Н. Кардовский, его жена О.Л. Делла-Вос, привозил сюда К.Ф. Юона (побывав раз из-за неудобства сообщения по ж.д., он отказался), А.В. Григорьева и др. Комната в музее для приехавших: писателей, художников, фотографов, артистов, научных работников всегда стояла открытой с полным гостеприимством»*¹. Нужно сказать, что идея М.И. Смирнова о Русском Барбизоне (применительно к Переславлю и его окрестностям), хотя и не сразу, но воплотилась в жизнь. Дом творчества, образованный на основе усадьбы Кардовского, переданного его дочерью союзу российских художников, стал заметным художественным центром, немало сделавшим для художественного освоения переславской земли.

Заложив организационные основы переславского краеведения, прежде всего в виде музея, Смирнов не только способствовал дальнейшему развитию краеведческой деятельности в Переславле, но и тем самым создал один из основных механизмов воздействия этой деятельности на массовое сознание переславцев. На это же были направлены и его многочисленные краеведческие публикации, в которых он дал развернутый очерк истории края и его культуры, в том числе народной, и тем самым заложил еще одно основание для создания того образа Переславского края, который получил развитие в деятельно-

¹ Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-913, оп. 1, ед. хр. 5, лл. 3–4.

сти его последователей, работавших после него и работающих сейчас. Опорные составляющие созданного им историко-культурного образа края включали представления о его многовековой истории, начиная с её дославянских и славянских древностей, останки которых явственно сохранились на переславской земле. В эту картину входит также представление о том, что основанный Юрием Долгоруким Переславль-Залесский был одним из главных городских центров Владимирского Ополя, что он является родиной Александра Невского, что, войдя в состав владений московских князей уже в начале XIV века, Переславль сильно способствовал возвышению Москвы. Одним из узловых элементов историко-культурного образа края, закреплённого в нем Михаилом Ивановичем, является и представление о Переславщине как колыбели Российского флота, начало которого было заложено Петром на Плещеевом озере. Как видим, главным при формировании образа края у Смирнова была, прежде всего, опора на те моменты местной истории, которые были связаны с общезначимыми для всей российской истории событиями и деятелями. М.И. Смирнов много внимания уделил изучению локального варианта русской народной культуры, особенно духовной, опубликовав, в частности, два интересных фольклорных сборника и большую статью (по существу, маленькую монографию) «Куль и крестьянское хозяйство в Переславском уезде». Таким образом, не только история, но и местный вариант традиционной народной культуры был включен в созданный им образ края.

Как и у большинства переславских краеведов основным побудительным мотивом деятельности М.И. Смирнова был, конечно, местный патриотизм, любовь к родному краю. Пришвин, которому Смирнов много рассказывал *«о лесном чудесном крае, о древностях...»*, пишет в своем дневнике:

«Восхищенный рассказами, <I нрзб.> любви этого человека к своей родине, я сказал:

– Сколько вы сделали, вы у нас такой в этом единственный человек.

Михаил Иванович ответил:

– Ну, ну... вот ещё, это не я, это край: край-то какой!»¹.

После ареста в начале 1930 года М.И. Смирнов был освобожден и в марте, приехав в Переславль, сдал музейные дела К.И. Иванову; больше он в Переславль не возвращался. В мае этого же года он устроился заведующим хозяйством музея «Коломенское», но в декабре был вновь арестован и в октябре 1931 года был сослан в с. Тогур (Нарымский край), где пробыл до конца 1933 года. Всю дальнейшую жизнь на Михаиле Ивановиче было клеймо репрессированного по политической статье. Из-за этого он, вернувшись из ссылки, не только не мог получить постоянную работу, не говоря уже о жилье, но и не опубликовал свою новую книгу по истории Переславля и ряд других интересных работ, оставшихся в его архиве².

Последователи М.И. Смирнова продолжили начатое им дело изучения Переславского края, формирования и популяризации его образа. Как мы видели, наибольший вклад в фольклорно-этнографическое изучение края внес С.Е. Елховский. Сменивший же Смирнова (после его ареста) на посту директора музея молодой рабочий-комсомолец К.И. Иванов первым из переславских краеведов напористо и последовательно на протяжении всех (почти сорока) лет своего директорства формировал через местную прессу свой вариант образа родного края, активно способствуя, таким образом, конструированию переславской идентичности. Иванов использовал все возможные поводы для газетных рассказов о Переславле, о его истории, о переславских историко-культурных памятниках, о местных героях, как исторических, так и современных, в т.ч. о переславцах-героях Великой Отечественной войны, о ветеранах революционного движения в Переславле, о переславских культур-

¹ *Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. М., 1999. С. 288. См. также там же, с. 262.

² Подробнее о М.И. Смирнове см.: *Савоскул С.С., Макашина Т.С., Рубцова С.Б.* С.Е. Елховский и его фольклорно-этнографическое собрание // Переславское Залесье. Вып. 1. С. 24–31.

ных деятелях и, конечно, о работе музея. За время работы в нем К.И. Иванов опубликовал (главным образом в городской газете «Коммунар») около 500 статей и заметок на краеведческие темы. Не менее важным, чем пропаганда в печати (а скорее, самым важным), фактором формирования локального текста и местной идентичности был руководимый им музей, который за время его директорства стал одним из важнейших символов переславского самосознания. Как я уже говорил выше, Иванову принадлежит идея проведения в Переславле 2 мая ежегодного «Дня музея», ставшего со временем значимым фактором приобщения переславцев к созданному краеведами образу «своего» края. Начало этой традиции было им положено 2 мая 1931 года, когда музей посетило более полутора тысяч человек.

В самом начале Великой Отечественной войны К.И. Иванов ушел добровольцем на фронт. Он служил в действующей армии Западного фронта политбойцом, интендантом продотдела. С июля 1942 года по август 1943 года был на должности инженера отдела техники и оружия в Военно-Морском музее Военно-Морского флота, занимался организацией выставок «Окна ТАСС» по городам Урала, Поволжья, Средней Азии и Казахстана. В июне 1943 года после прорыва Ленинградской блокады К.И. Иванову было дано задание вывезти из Ленинграда научный архив Центрального Военно-Морского музея. Во время пребывания в Ленинграде он в течение месяца вел дневник, в котором день за днем описывал события того времени, свои мысли. Для характеристики его действенного переславского патриотизма процитирую запись от 16 июня: *«Как я люблю свой милый Переславль, с его изумительным озером, музеем, стариной. Нет, если сохранюсь в эту войну, то опять еду туда, в мой милый музей и отдаю всю свою жизнь изучению Переславля, улучшению родного музея»*¹. В августе 1943 года К.И. Иванова уволили в запас и назначили начальником Переславского филиала Центрального Во-

¹ Переславль-Залесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Научный архив. Личный фонд К.И. Иванова. Ед. хр. 89, л. 16 об.

енно-Морского музея (т.е. «Ботика»), кстати говоря, должность, которую он занимал с 1940 и затем до 1953 года.

В конце войны К.И. Иванов стал инициатором записи частушек, ориентируясь, прежде всего, на фиксацию частушечных текстов, связанных с войной. Тем самым он в какой-то мере продолжил начатую предыдущим поколением краеведов (особенно М.И. Смирновым и С.Е. Елховским) работу по записи местной фольклорной традиции, включению её в общую картину представлений о Переславском крае. Из собранных в 1944–1948 годах им и сотрудниками музея частушек (всего около 600) примерно половину составили тексты, отражающие настроения военных лет.

В 1950–1960-х годах К.И. Иванов уже заслуженный и известный не только в Переславле музейный работник, в свои юбилеи получавший поздравления как от городской и областной власти, так и из столичных и провинциальных музеев, научных организаций (института музееведения, института археологии АН СССР), от академика Б.А. Рыбакова, от учеников и дочери Д.Н. Кардовского. Словом, за десятилетия своего руководства музеем Константин Иванович сам стал одним из символов Переславля, местным «культурным героем».

В создание художественного образа Переславского края немало внес М.М. Пришвин, особенно своей книгой «Родники Берендея» и написанной в 1940-х годах повестью «Кладовая солнца». Свою лепту в формирование переславского художественного текста внес академик живописи Д.Н. Кардовский. Для представления о культурно-исторических особенностях местного края наиболее важны его работы 1920-х годов, значительную часть которых он с женой прожил в своей переславской усадьбе. Из работ этого времени особенно значимы для формирования локального самосознания его полотна «Парад Петровский флотилии на Переславском озере 21 августа 1692 года», «Ленин в Переславских Горках», этюды о жизни переславских рыбаков и Рыбной слободы. Вслед за Кардовским работу по созданию художественного образа края продолжили и

другие художники, как приезжие, так и переславские. Часть их работ на местные мотивы экспонируется в городском музее и, несомненно, также играет свою роль в формировании локального самосознания. Тем не менее, их значимость несравнима с местом в нём Кардовского, что связано не столько с величиной и содержанием его переславского цикла, сколько с давней и постоянно воспроизводимой включенностью его имени в местный текст (улица Кардовского, художественная галерея им. Кардовского, дом творчества им. Кардовского), в образ Переславского края.

Наряду с множеством живописных и графических работ как известных, так и менее известных художников формированию визуального образа переславской земли во многом способствует творчество уже не одного поколения фотохудожников, отраженное в путеводителях, альбомах, книгах о Переславле. Говоря о визуальном отражении, нельзя не упомянуть и кино, в первую очередь фильм «Александр Невский». До сих пор этот фильм Сергея Эйзенштейна, снятый накануне Великой Отечественной войны, в котором известный артист Николай Черкасов играл главную роль, широко известен в Переславле и оказывает свое влияние на формирование положительной локальной идентичности. Это влияние усиливает тот факт, что съемки фильма проходили и в Переславле, местный зритель видит на экране узнаваемые места – городской вал, Спасо-Преображенский собор, Плещеево озеро, на котором Александр Невский вместе с переславскими рыбаками тянет невод.

После кончины К.И. Иванова – с 1970-х годов и до наших дней – фигур подобных ему, а тем более М.И. Смирнову, в переславском краеведении не было. Но обладая мощной созданной в предыдущий период базой в виде музея и его филиалов, переславское краеведение, конечно, продолжало развиваться, добавляя новые штрихи в постоянно конструируемый образ местного края. К тому же в последние два-три десятилетия прошлого века шло интенсивное изучение и частичная реставрация архитектурных и других историко-культурных памятни-

ков Переславля, что, конечно, повысило их роль в местном самосознании. Среди архитекторов-реставраторов того времени наиболее известен И.Б. Пуришев, опубликовавший ряд научно-популярных книг об истории Переславля-Залесского и его историко-культурных памятниках.

Судя по публикациям Пуришева и современной краеведческой литературе, основу образа Переславского края по-прежнему составляют его традиционные элементы – Плещеево озеро, «Ботик», переславский музей, другие историко-культурные памятники, герои местной истории. Вместе с тем, со временем в образ края вошли и новые компоненты – городской дендросад, созданный переславским лесоводом С.Ф. Харитоновым, конструктор танка Т-34 М.И. Кошкин, основатель переславского краеведения М.И. Смирнов и др.

Сопоставление образа местного края, сформированного краеведами, со знаковыми символами этого образа, отраженными в массовом (обыденном) локальном самосознании переславцев, позволяет сделать вполне очевидный вывод о значительном их совпадении. И эта близость свидетельствует, конечно, о ведущем влиянии результатов специализированной краеведческой (в широком смысле слова) деятельности на формирование массового локального самосознания. Связано это, прежде всего, с достаточно многообразными возможностями такого влияния – посредством музейных экспозиций, экскурсий, лекций, выступлений в местной периодической печати, на радио, телевидении, изданиях путеводителей, альбомов, книг, художественных выставок, а в последнее время и курсов краеведения в школах и других учебных заведениях города и района.

Одним из аргументов представления о ведущей роли краеведческой деятельности в её взаимодействии с обыденным локальным сознанием является, на мой взгляд, тот факт, что у уроженцев Переславля, первоначальная социализация и вся последующая жизнь которых проходила в Переславле, представления о нём были сформированы в значительной мере под влиянием краеведения, и поэтому у них образ своего края заметно разнообраз-

нее и шире, чем у мигрантов¹, в массе своей заметно меньше испытавших влияние деятельности переславских краеведов.

Конечно, сказанное отнюдь не исключает и обратного влияния обыденного сознания на краеведческую деятельность. Но последняя, в отличие от массового духовного освоения края, формируя его образ, выделяет из реальности наиболее значимые (на взгляд «краеведов») ее элементы и структурирует их в определенную систему, создавая тем самым некую конструкцию. Результаты такого рода деятельности закрепляют образ края, делают его более наглядным и доступным для восприятия массовым сознанием.

Как видим, историческая память и музей, являющийся одним из основных ее носителей и трансляторов, играет важнейшую роль в формировании особенностей локального переславского самосознания, тесно связанного с общерусской и общероссийской идентичностью жителей Переславля, способствуют формированию у них позитивного образа местного края. Между тем, в настоящее время судьба переславского музея, который через четыре года будет отмечать свой столетний юбилей, находится под большой угрозой. Дело в том, что бывший Горицкий монастырь, уже почти столетие неразрывно связанный с музеем, согласно недавно принятому правительственному постановлению о возвращении церкви ее бывшей недвижимости и другого имущества, официально передан ей для организации здесь нового женского монастыря. Музею уже официально предписан срок, по истечении которого он должен покинуть монастырь². В

¹ Под мигрантами я имею в виду лиц, в настоящее время постоянно живущих в Переславле, но родившихся в другом месте и в свое время переехавших в этот город.

² Исходя из того, что территория бывшего монастыря уже не принадлежит музею, пришлось устроить захоронение недавно умершего И.Б. Пуришева, внесшего огромный вклад в реставрацию Горицкого монастыря, не на его территории, как хотелось бы музейному руководству и родственникам покойного архитектора, а на кладбище в с. Вельково (близ «Ботика»). Кстати, в музее беспокоятся, не придется ли в связи с переездом перезахоранивать прах Д.Н. Кардовского, могила которого находится во дворе музея.

этом деянии есть несколько не одного меня смущающих обстоятельств. Одно из них то, что Горицкий монастырь (в числе многих российских православных монастырей) был упразднен еще в конце XVIII века (в 1788 г.) при Екатерине II, передавшей (по указу 1764 г.) в казну церковные земли и крепостных крестьян. То есть, на территории бывшего Горицкого монастыря собственно монастыря не было уже двести с лишним лет¹. Лишь в конце XIX века в заброшенном на сто лет монастыре обосновалось городское духовное училище. Второе наводящее на размышление обстоятельство связано с тем, что в городе уже сейчас действуют четыре монастыря, из которых два мужских (Даниловский и Никитский) практически безлюдны – два-три живущих в них монаха лишь изредка оживляют монастырский двор. Правда, в женских монастырях насельниц заметно больше, главным образом за счет монастырских приютов для девочек. Третьим обстоятельством является то, что ликвидация музея в бывшем Горицком монастыре вызовет, на мой взгляд, негативную реакцию большинства переславцев, не одно поколение которых именно здесь привыкли видеть музей. Но, пожалуй, самое важное – где реально в небольшом Переславле можно разместить огромные уникальные фонды музея, складывавшиеся почти сто лет. Я уже не говорю, что на приобретение (или строительство) необходимого помещения и перемещение туда музейных фондов потребуется немало средств. Несомненно, что и в случае наиболее благоприятного исхода намеченного перемещения переславский музей в течении нескольких лет будет закрыт для посетителей, а возможная неудача этого мероприятия приведет к деградации одного из лучших провинциальных музеев России. Словом, приветствуя процесс восстановления в стране нормальной церковной жизни, вместе с тем не вижу никакой разумной необходимости нарушать налаженную работу вполне дееспособного и благополучного музея ради того, чтобы в Переславле появился еще один монастырь.

¹ Сукина Л.Б. Переславль-Залесский. Главы по истории и культуре города. М., 2007, С. 126–128.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор объективных и субъективных условий формирования локального самосознания и связанной с ним многообразной деятельности по освоению местной (в данном случае переславской) социальной, историко-культурной и природной среды, проведенный на примере более чем 60-летнего жизненного опыта автора, позволяет сделать ряд предварительных выводов о процессе становления и развития локальной идентичности личности.

Этот процесс составляет часть общей социализации человека, с той или иной интенсивностью протекающей на протяжении всей его жизни. При этом особенности формирования основного первоначального содержания локального самосознания индивидуума, как и других видов его идентичности, во многом определяются конкретной социально-культурной, исторической, природной средой, в которой происходит социализация. Позитивная идентификация с местным сообществом и местным краем во многом зависит от «качества», ощущения полноценности, самодостаточности его социально-культурной, исторической, природной составляющих. С этой точки зрения моё проживание в Переславле явилось для меня и моего самосознания поистине подарком судьбы. Переславль-Залесский середины прошлого века представлял собой практически идеальный образец небольшого русского исторического города, с неплохо сохранившимися памятниками древности, располагавшего достаточно развитой и вполне самодостаточной социально-культурной средой, к тому же находящегося в уникальном для Центральной России природном окружении.

Со спецификой местной среды связаны и другие стороны моего переславского самосознания. Так, относительно той части локальной идентификации, в которую входят представления о социально-культурных особенностях местного сообщества, могу сказать, что для меня одной из важных характеристик пе-

реславцев стало их «оканье», в 1950-х годах практически поголовное. Для меня это было особенно заметным не только из-за того, что я именно тут впервые услышал такое произношение, но и потому, что на первых порах переславские сверстники насмехались над моим «аканьем». В социально-культурном облике переславцев для меня было важно и своеобразие их образа жизни, ставшее для меня особенно заметным в силу его новизны, необычности на фоне того, с чем я до этого сталкивался. Таким же своеобразным оказался для меня и сам город, и его природное окружение.

При совпадении общих контуров содержания локального самосознания личности с набором местных ценностей, общезначимых для данного сообщества, приобщение к ним каждого конкретного человека носит индивидуальный характер, как в значительной мере индивидуально и значение, вкладываемое в эти общеизвестные символы местного края. Среди важных символов Переславского края наиболее близким мне (в том числе чисто территориально) оказался музей. Для пробуждения и развития моего локального исторического сознания большую роль играл уже факт постоянного соседства со стенами бывшего Горицкого монастыря, его башнями и соборами. А музейные экспозиции наглядно приобщали к многовековой, многообразной истории и культуре края, к образцам высокой профессиональной культуры (особенно художественной), давали живое представление о местной природе. Музей, благодаря систематизации большого и всестороннего материала о крае, подспудно развивал интерес к его познанию. В какой-то мере этому способствовала и личность директора музея. Важным фактором формирования моего переславского самосознания были и те из прочитанных книг, в которых отражалась история России, особенно Переславского края. Немалую роль в складывании позитивного восприятия города сыграл фильм «Александр Невский».

К тому же помимо общезначимых для данного сообщества ценностей местной социально-культурной, исторической

и природной среды в локальном самосознании личности немаловажную роль имеют и индивидуально значимые для неё элементы этой среды. Такими элементами, судя по моему случаю (полагаю, что это относится и к любому человеку), являются также конкретные места жительства, школы, в которых я учился, другие чем-то особенно памятные места в городе и его окрестностях.

Исходя из моего опыта, можно также предположить, что интенсивность локального самосознания личности во многом зависит и от индивидуальных обстоятельств, связанных с пребыванием человека в данном локальном сообществе и в месте его расположения. На мой взгляд, в случае, если его связь с ними складывалась в начальный период социализации личности (детство, отрочество, юность), значимость локальной идентичности потенциально может быть большей по сравнению с тем случаем, когда к формированию данного местного самосознания человек приходит уже взрослым. Тут я могу основываться на сравнении интенсивности переславского самосознания у себя, у моих родителей и моих младших братьев, которых увезли из Переславля в раннем детстве. Если у меня память и связь с Переславлем прошли через всю жизнь, то родители, хотя и вспоминали иногда переславские годы, но желания съездить туда у них не было. У братьев (особенно младшего), родившихся в Переславле, никаких воспоминаний о переславской жизни не осталось; понятно, что и заметной привязанности к этому месту у них не возникло. Нечто подобное моему отношению к Переславлю у них возникло по отношению к Серпухову. Кстати говоря, хотя я родился в Клину, но мое отношение к этому городу не идет ни в какое сравнение с Переславлем, который я считаю своей настоящей родиной.

На мой взгляд, большую роль в «интенсификации» локальной идентичности играет «опыт расставания», особенно вынужденного, с местом, в котором особенно активно происходила социализация личности, где человек провел годы своего детства, отрочества и юности. Такое расставание, как показы-

вает не только моя жизнь, но и судьба переславских краеведов М.И. Смирнова, С.Е. Елховского и ряда других известных переславцев, часто способствует росту местного (в данном случае – переславского) патриотизма человека, подталкивает его к той или иной деятельности по более активному освоению любимого края.

При этом содержание местного (в моем случае переславского) самосознания личности может расширяться и углубляться в результате как более интенсивного освоения локального текста самого края, так и включения в этот текст иной разнообразной относящейся к данной местности информации. При этом в случае наличия благоприятных обстоятельств местный патриотизм личности может проявиться и в той или иной форме её деятельности по дальнейшему практическому и духовному освоению края.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

О СОСТОЯНИИ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ г. ПЕРЕСЛАВЛЯ-ЗАЛЕССКОГО И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ¹

Переславль-Залесский, лежащий на берегах Плещеева озера, – один из древнейших городов России, основан в середине XII века. Город – ровесник Москвы, но в отличие от нее, он уже в начале своей истории был одним из важнейших центров Владимиро-Суздальской земли – колыбели будущего политического центра русской нации.

Переславль-Залесский – родина Александра Невского, а Плещееву озеру суждено было стать местом зарождения русского военно-морского флота.

Современный Переславль-Залесский – уникальный памятник истории. Вместе со своими окрестностями он представляет великолепный природно-исторический ландшафт, являющийся ценнейшим достоянием нашего общества. В самом городе и в его ближайших окрестностях сосредоточено более ста взятых на учет (и ряд еще не учтенных) памятников истории – от дославянских селищ и раннеславянских поселений до памятников истории и культуры XX века.

В городе находятся такие великолепные памятники XII века, как Спасо-Преображенский собор, городской земляной вал, уникальный по своей протяженности (около 2,5 км) и сохранности. XVI век оставил в Переславле Троицкий собор Даниловского монастыря, в котором сохранились фрески 1662 года известных мастеров Гурия Никитина и Силы Савина, соборы Федоровского и Никитского монастырей, интересную по архитектуре церковь Петра Митрополита. Еще больше памятников

¹ Этот отчет для Отделения истории АН СССР, судя по экземпляру, сохранившемуся в моем архиве, был написан с 19 октября по 11 ноября 1987 года.

XVII и особенно XVIII веков; именно в позапрошлом столетии была возведена большая часть дошедших до наших дней памятников культовой архитектуры города. Среди них также немало прекрасных архитектурных памятников – Трапезная Данилова монастыря, Святые ворота и барочное убранство Успенского собора Горицкого монастыря и др. В Переславле есть интересные, но, к сожалению, практически не изученные памятники гражданской (в том числе и промышленной) и народной архитектуры. Среди них можно назвать, к примеру, усадьбу художника Кардовского, интереснейший ансамбль Рыбацкой слободы на устье реки Трубезь.

В ближайших окрестностях города, на живописных берегах Плещеева озера расположены такие интересные памятники нашей древности, как городище Клещин с хорошо сохранившимся валом, Александрова гора с Ярилиной плешью и Синий камень – остатки языческой Руси, множество курганов.

На южном берегу озера находится музей-усадьба «Ботик» с единственным сохранившимся от Петровской потешной флотилии судном – ботом «Фортуна».

Наряду с множеством интереснейших памятников своеобразное очарование городу придают два обстоятельства. Одно из них связано с тем, что и в центре Переславля, и на его окраинах у древних монастырей в основном осталось прежнее соотношение высоты рядовой застройки к крепостному валу, стенам монастырей, храмам, которые и поныне во многом определяют силуэт города. Поэтому в Переславле лучше, чем во многих исторических городах воспринимаются памятники древности, понятнее замысел их одаренных создателей.

Второе обстоятельство, придающее незабываемое очарование древнему городу – его нерасторжимое единство, вписанность в окружающий великолепный природный ландшафт.

При этом Переславль выгодно отличается, скажем, от соседнего Ростова, также расположенного на берегу большого озера тем, что в первом великолепный ландшафт, доставля-

ющий зрителю помимо прочего и эстетическое наслаждение, обозрим с многих точек.

В переславском музее, основанном в 1919 году, собраны богатейшие коллекции о природе, истории, культуре, быте местного края.

Словом, Переславль-Залесский имеет множество объективных предпосылок, чтобы быть жемчужиной в Золотом кольце России и вместе с другими древними нашими городами являться зримой частью основания русской национальной культуры, посещение которых должно воспитывать уважение и гордость за прошлое нашей Родины.

К сожалению, безобразное состояние подавляющего большинства исторических памятников города, грубые нарушения его историко-архитектурного облика, счастливо сохранявшегося до недавнего прошлого, необратимый процесс деградации природных компонентов переславского ландшафта, в первую очередь Плещеева озера, уже не позволяет Переславлю полноценно выполнять эту самой историей предназначенную ему роль.

Недавние разрушения историко-архитектурных памятников – падение в 1985 году центрального купола Никитского собора одноименного монастыря, а летом нынешнего года колокольни Смоленско-Корнильевской церкви – явные сигналы надвигающейся беды. В свете этих событий какой-то издевательской насмешкой выглядит висящая на сохранившейся части Смоленско-Корнильевской церкви, рядом с кучей кирпичных обломков, памятная доска – «памятник архитектуры XVII–XVIII вв., охраняется государством».

В настоящее время в Переславлe на государственной охране состоит 108 памятников архитектуры, истории и культуры. Многие из них не взяты на учет, и еще предстоит работа по их паспортизации и узаконению в статусе памятников. Но даже среди взятых на учет и охрану памятников лишь немногие находятся в относительно благополучном состоянии. Это, прежде всего, те, которые принадлежат музею – Горицкий монастырь,

Спасо-Преображенский собор, усадьба «Ботик», усадьба художника Кардовского. Правда, и здесь еще не всё доведено до конца. Так, хотя работы по реставрации Горицкого монастыря идут уже 30 лет, ещё не полностью отреставрированы его стены и башни, запущен прежде великолепный, славившийся на всю округу музейный сад. Запущен также парк усадьбы «Ботик». В относительно хорошем состоянии находится уникальный переславский памятник – городской вал. Однако и здесь далеко не все благополучно. На небольшом участке по верху вала установлен забор опытного завода Госниихимфотопроекта. В результате одна сторона вала на этом участке фактически является заводской территорией.

Внешне как будто более или менее благополучно состояние бывших городских церквей. На ряде из них (Петра Митрополита, Владимирской, Александра Невского) в 1968–1977 годах. проведена частичная реставрация, восстановлены обветшавшие кровли, главы. Однако и на глаз видно, что стены многих из них местами отсырели и потрескались. Во всяком случае, о состоянии этих, как и других памятников трудно судить визуально, тем более что мы не были внутри зданий. Для суждения об этом, как справедливо считает главный архитектор города, председатель переславского отделения ВООПИиК¹ В.А. Попов, необходимо проведение всестороннего архитектурного, инженерно-технического, искусствоведческого, археологического исследования памятников. Только на этой прочной научной основе должны вестись реставрация памятников, приниматься решения о срочности и очередности работ на том или ином памятнике. Иначе, как это и случилось со Смоленско-Корнильевской церковью, и внешне относительно благополучные памятники могут в любой момент рухнуть.

По сравнению с другими памятниками особенно безотрадное впечатление оставляют ансамбли трех бывших монастырей – Федоровского, Даниловского и Никитского. Конечно,

¹ Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры.

нельзя сказать, что руки реставраторов совсем не коснулись этих ансамблей. Но всё сделанное тонет в массе ветшающих и разрушающихся на глазах зданий соборов, церквей, трапезных, келий, стен и башен. Так, в Даниловском монастыре, видимо, ещё до войны практически целиком разобраны стены, в результате нарушено единство его ансамбля. Особенно безотрадное впечатление производят одиноко стоящие монументальные Святые ворота монастыря. В аварийном состоянии здание монастырского Троицкого собора, которое планировалось отреставрировать в 1985 году. А ведь там ценнейшие и, главное, относительно хорошо сохранившиеся фрески XVII века. В еще более худшем состоянии Даниловский придел и колокольня собора. Хотя углы придела и колокольни укреплены современной кирпичной кладкой, однако их кровля сильно обветшала, а местами и вовсе отсутствует. В таком же состоянии церковь Всех святых, Похвалы Богородицы, трапезная монастыря. Лишь в несколько лучшем состоянии Братский корпус монастыря, используемый в настоящее время под жилье. На монастырскую территорию с южной стороны вклинился недавно построенный сарай.

В Фёдоровском монастыре уцелела лишь часть стены, обращённая к Московскому шоссе. В остальном состоянии монастырского комплекса не лучше, чем в Даниловском. Правда, сейчас у бывшего монастыря появился хозяин. Монастырский комплекс передан Институту программных систем АН СССР, и здесь планируется организовать международный научный центр. В этой связи предполагается ускорить реставрацию монастырского комплекса, снести строения турбазы (до недавнего времени там размещавшейся), возвести на их месте новые объекты, необходимые для функционирования научного центра. При этом большинство зданий монастырского комплекса, за исключением собора, предполагается изнутри реконструировать, чтобы приспособить их для нужд института. Сохранится лишь внешний облик зданий. Институт не имеет средств для проведения реставрации монастыря и может лишь, поль-

зуюсь авторитетом академического учреждения, подталкивать реставраторов к скорейшему проведению необходимых работ. Нужно сказать, что, желая как можно скорее осуществить свои планы, Институт повел себя по отношению к историческому памятнику отнюдь не по-академически – нарушая статус охранной зоны, без предварительного согласования с соответствующими инстанциями приданное институту подразделение «Центракадемстроя» приступило к подготовительным работам. В северо-восточной части монастырской территории безо всякой археологической разведки проведены бульдозером земляные работы. Кстати говоря, в это же время при прокладке дороги к будущему институту, который предполагается построить на берегу Плещеева озера в районе с. Веськово, строители врезались в склон озерной террасы, нарушив ландшафт заповедной зоны Плещеева озера. Здесь также предварительно не была проведена археологическая разведка.

В ужасном состоянии Никитский монастырь. И это несмотря на то, что здесь велись какие-то реставрационные работы. Но они не помогли. Как уже говорилось, три года назад рухнул центральный купол Никитского собора и все три года собор простоял без всякого прикрытия, что отнюдь не улучшило состояние самого здания и росписей, кое-где сохранившихся в нём. Лишь сейчас, по словам председателя переславского отделения ВООПИиК В.А. Попова, там собираются соорудить временное прикрытие. Кроме того, в монастыре покосилась и не исключено, что вот-вот упадет колокольня. Имеются большие трещины на отдельных участках монастырской стены.

По словам директора местного музея М. Семенова и председателя переславского отделения ВООПИиК В.А. Попова, в крайне запущенном состоянии находятся памятники, расположенные в Переславском районе, среди которых немало представляющих значительный историко-культурный интерес.

Помимо разрушения отдельных памятников и аварийного состояния большинства остающихся, непоправимый урон архитектурно-историческому облику Переславля и уникальному

очарованию природно-культурного ландшафта вокруг Плещеева озера нанесла непродуманная высотная застройка северной и южной городских окраин, расположенных на высоких озерных террасах. Эта невыразительная массовая застройка, решив в какой-то мере жилищную проблему города, особенно обострившуюся после введения в строй наиболее крупного промышленного предприятия Переславля – производственного объединения «Славич», вместе с тем разрушила гармонию переславского пейзажа. Правда, судя по докладу главного архитектора Переславля В.А. Попова на сессии исполкома городского совета 14 октября сего года, дальнейшее строительство в городе, предусмотренное планом до конца текущего столетия, должно вестись так, чтобы не исказить уникального историко-культурного облика Переславля. В частности, предусмотрено понижение этажности жилой застройки на более высоких участках до трех этажей.

Обострению экологической ситуации на Плещеевом озере и запущенному состоянию переславских историко-культурных памятников было посвящено несколько недавних публикаций в центральной прессе – в газетах «Советская Россия» и «Советская культура». На тревогу, поднятую общественностью и газетами, откликнулся ряд союзных и республиканских организаций. Совет Министров РСФСР 10 декабря 1985 года принял постановление об охране Плещеева озера. В соответствии с этим постановлением в настоящее время разрабатывается проект создания национального природно-исторического парка «Плещеево озеро», куда кроме озера должны войти и Переславль, и его ближайшие окрестности. В текущем году Совмин РСФСР рассматривал проект перспективного плана развития города. Летом 1987 года в Переславле побывали и рассматривали местные проблемы секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев и зам. министра культуры РСФСР Шкурко.

Наконец, специальная сессия исполкома Переславского городского совета, состоявшаяся 14 октября 1987 года, рассмотрела вопросы экологии и охраны памятников культуры и

истории. В докладе председателя исполкома В. Шестернева, в содокладах главного архитектора Переславля В.А. Попова, главного врача Князюка, в выступлениях депутатов прозвучало понимание серьёзности как проблем экологии, так и бедственного положения историко-культурных памятников. Было признано, что городское руководство и руководители отдельных предприятий и организаций не выполняют как положения закона, так и собственные решения об охране, прежде всего, природы и историко-культурных памятников. В частности, по проблемам экологии отмечалось, что загрязнение воздуха в городе в 2–3 раза выше нормы, выявлены недостаток воды и ее загрязнение, приводящее к хроническим заболеваниям детей инфекционным гепатитом. На сессии были выдвинуты и некоторые предложения по улучшению в этих сферах. Так, относительно памятников было предложено просить соответствующие инстанции об организации в Переславле самостоятельных научно-реставрационных мастерских, расширении их штата и увеличении ассигнований на реставрационные работы в городе. В целях же оказания скорейшей помощи памятникам было предусмотрено их закрепление в порядке шефства за городскими предприятиями и организациями. Шефам рекомендовано своими силами произвести на памятниках простейшие консервационные работы, которые могли бы воспрепятствовать дальнейшему их разрушению.

Однако шефская помощь, естественно, не может носить обязательного характера, не говоря уже о том, что даже будучи осуществлена, она не решит окончательно проблему охраны памятников. Кроме того, даже простейшие работы на памятниках должны быть определены и вестись под руководством специалистов. Конечно, от инициативы и настойчивости, повседневного внимания, не говоря уже о благожелательном отношении (что, кстати говоря, как выяснилось на сессии, характерно скорее для незначительного меньшинства руководителей переславских предприятий и организаций) городских властей и других местных руководителей очень многое зависит в деле

охраны природы и памятников истории и культуры. В то же время ясно, что все проблемы экологии, реставрации и охраны памятников Переславля решить только местными силами невозможно. В частности, для реставрации переславских памятников необходимы значительные вложения, которые, кстати говоря, окупятся в результате интенсивного развития более разнообразных и нетрадиционных форм туризма. Сейчас же реставрационные работы в городе, финансируемые Министерством культуры РСФСР в размере 170 тыс. рублей (в 1988 г. запланировано 220 тыс. руб.), осуществляются переславским отделением Ярославских реставрационных мастерских, штат которых насчитывает 23 человека. При этом в 1986 году официально они вели работу на 24 памятниках. Более того, по свидетельству «Советской России» (12 сентября 1987 г.) и эти небольшие силы отвлекаются на работы, не связанные с реставрацией.

Вместе с тем, для более продуманного и целенаправленного использования средств, отпускаемых на реставрацию, крайне необходимо, как уже отмечалось, всестороннее исследование всех переславских памятников истории и культуры. Со своей стороны, главный архитектор города, настаивающий на необходимости этой работы, говорит, что город мог бы оказать здесь помощь; в частности, привлечь к ней местных архитекторов, инженеров-строителей, которым, тем не менее, нужно квалифицированное руководство со стороны специалистов. По его мнению, городу также крайне нужен археолог (он мог бы быть в штате исполкома, главного архитектора или музея), которого можно было бы в любой момент привлечь в качестве эксперта и наблюдателя при строительных работах и т.д. Отсутствие археолога ведет к тому, что статус охранной зоны, распространяющийся на значительную часть территории города и его окрестностей, часто соблюдается чисто формально или вовсе не соблюдается.

Кроме того, городу необходим перспективный план использования отреставрированных памятников, иначе они, не имея

хозяина, даже приведенные в порядок, будут постепенно разрушаться. Правда, в этом отношении в Переславле уже есть некоторые наметки, но они еще должны быть обоснованно подкреплены. В частности, о судьбе Федоровского монастыря уже говорилось; Даниловский монастырь как будто бы планируется передать музею. В нем могла бы разместиться богатая музейная коллекция древнерусской и более поздней живописи, рисунка, скульптуры. Никитский монастырь, по нашему мнению, также мог бы быть использован музеем. Здесь можно было бы развернуть этнографическую часть музея, в которой нашли бы свое место его богатейшие коллекции по бытовой культуре крестьянского и городского населения края.

Таким образом, могла бы в значительной мере быть решена ныне острейшая проблема размещения и экспонирования богатейших фондов местного музея. Ведь сейчас музей имеет возможность выставить лишь незначительную часть своих коллекций – 3 тысячи из 80 тысяч. К тому же предметы, остающиеся вне экспозиции, по словам директора музея, хранятся из-за тесноты и сырости помещений в крайне плохих условиях.

Двойственное отношение вызывает к себе строительство в городе (вернее, сразу же за его формальной границей в районе д. Вельково и музея-усадьбы «Ботик») Института программных систем АН СССР. Конечно, создание в Переславле подобного учреждения обогатит социальную структуру города, сделает более разнообразной его общественную жизнь, расширит сферу общения горожан и т.д. Видимо, привлечение средств к строительству жилого массива для сотрудников института в городе (к северу от современного центра Переславля и приблизительно в 8–10 км от планируемого института) должно отчасти улучшить городское коммунально-бытовое хозяйство и в какой-то мере способствовать решению жилищной проблемы. Кроме того, институт мог бы (и обещает) внести значительный вклад в успешное решение программы компьютеризации школьного обучения в городе. Правда, эти обещания пока лишь слова, еще мало подкрепленные делом. Так, в международный

пионерский лагерь «Юный программист», организованный под эгидой Института в конце этого лета в районе «Ботика», было приглашено всего несколько ребят из Переславля. И это при том, что лагерь был организован на базе пионерского лагеря фабрики «Красное эхо», в котором был сокращен срок второй смены и отменена третья. Конечно, это далеко не с восторгом было встречено рабочими и служащими фабрики.

Новое солидное учреждение могло бы внести (и обещает, судя по последним публикациям в «Советской России») свой вклад и в проблему сохранения историко-архитектурных памятников города. По крайней мере, создание в бывшем Федоровском монастыре международного научного центра как будто бы должно обеспечить на должном уровне поддержание внешнего вида этого памятника. Кроме того, один из инициаторов создания нового Института академик Велихов, как сказал на сессии Горсовета его председатель, выдвинул идею создания кооператива для реставрации Никитского монастыря. В числе пайщиков этого кооператива предполагается Всесоюзный фонд культуры, Всемирный научный комитет «За выживание от ядерной угрозы», инициатором создания которого является Велихов.

Однако не может не вызывать беспокойства несколько немаловажных обстоятельств и, прежде всего, выбор места строительства нового института. Как уже говорилось, его предполагается построить на высокой озерной террасе вблизи д. Вельково и музея-усадьбы «Ботик». Это строительство продвинет еще дальше по берегу озера городскую застройку, что, кстати говоря, противоречит плану развития города до 2000 года, принятому Совмином РСФСР, по которому развитие города предполагается вести в нынешних его границах. Правда, по словам главного архитектора Переславля В.А. Попова, тут есть формальная лазейка – участок, где предполагается строительство института, не входит в городскую черту.

Кроме того, нет никаких гарантий, что после закрепления Института на этом месте дальнейшее научно-производствен-

ное его развитие не приведет со временем к разрастанию нового научного центра по берегу озера (скажем, за счет д. Вельского) и вглубь от него. Всё это не может не привести к дальнейшей неизбежной деградации уникального природного окружения Переславля, к искажению его историко-архитектурного облика.

По словам заместителя директора Института, выбор места его строительства вблизи озера в значительной мере связан с тем, что размещение научных учреждений в природном окружении благоприятствует работе научных сотрудников. С этим в какой-то мере можно согласиться, однако трудно согласиться с тем, что для этого необходимо самое красивое место на берегу заповедного озера. Ведь вблизи Москвы и Переславля немало мест пригодных для такого строительства.

С выбором этого места особенно трудно согласиться сейчас, после того как не было дано разрешение на строительство жилого массива для научных сотрудников неподалеку от Института. Для этого массива, как уже говорилось, отведена площадь в самом городе, на значительном расстоянии от места работы подавляющего большинства научных сотрудников. В этой связи становится особенно очевидным то обстоятельство, что строительство Института в районе «Ботика» вызвано ведомственными амбициями руководства и других инициаторов этого строительства, и в значительной мере является предложением для возведения вблизи нового института 15 коттеджей для «руководящего звена», как сказали нам в его дирекции.

Кстати говоря, всё сказанное отнюдь не является секретом для жителей Переславля и тем более станет очевидным для будущих сотрудников нового Института. На наш взгляд, упорное стремление руководства Института программных систем АН СССР и других инициаторов его создания построить его корпуса на берегу заповедного озера является очевидной идеологической ошибкой. Особенно очевидной она является в нынешних условиях провозглашения демократизации, гласности, социальной справедливости. С точки зрения демократизации и

социальной справедливости, раз уж решено создать Институт в Переславле-Залесском, было бы целесообразнее построить его научно-производственные корпуса неподалеку от жилого массива для его сотрудников. Кстати говоря, это сделало бы излишним немалые затраты на прокладку 2–3 километровых коммуникаций (канализации, водопровода и т.п.) от Чкаловского поселка, расположенного на южной окраине города, к новому научному центру.

В итоге рассмотрения положения памятников истории и культуры Переславля-Залесского и его окрестностей можно рекомендовать Отделению истории АН СССР следующие предложения.

Ускорить разработку и принятие правительственного постановления о создании природного и историко-архитектурного заповедника «Плещеево озеро и Переславль-Залесский».

Выразить готовность институтов Отделения истории АН СССР принять участие в научном консультировании проекта.

Срочно принять решением Облисполкома все выявленные памятники на государственную охрану.

Министерству культуры РСФСР срочно определить охранные зоны по всем объектам.

В связи с созданием природного и историко-архитектурного заповедника в Переславле-Залесском пересмотреть вопрос о целесообразности строительства здания Института программных систем на территории, прилегающей к музею-усадьбе «Ботик Петра I».

Выразить готовность институтов Отделения истории АН СССР принять участие в научном консультировании работ по паспортизации памятников истории и культуры.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Мой отец (слева) с группой товарищей. Канун Великой Отечественной войны

Мой отец (слева).
Канун Великой
Отечественной
войны

Мой отец.
Канун Великой
Отечественной войны

Мой отец и я (стоим),
мать (сидит).
1 января 1948 г.
Город Кобулеты

Моя тетья (Н.Н. Челпокова), я (в середине) и мой двоюродный брат Леопид Челноков на фоне бывшего Горицкого монастыря (переславского музея). Начало второй половины 1950-х гг.

У входа в переславский музей – слева Володя Солдатов, на пушке мой брат Володя, справа – я. Начало второй половины 1950-х гг.

На крыльце дома в Чкаловском поселке. Верхний ряд – слева направо – Володя Солдатов, Володя Волков (сосед по финскому дому Солдатов), я. Сидит внизу мой брат Володя. Начало второй половины 1950-х гг.

Мой отец. 1961 г.

Магазин на ул. Кардовского. Здесь в длинных очередях за хлебом я не раз слышал разговоры о болезни И.В. Сталина. Фото автора 2005 г.

Здание бывшей начальной школы на ул. Нагорная крестьянка. В ней я учился в 1952–1954 гг. Фото автора. 2005 г.

Задние бывшей школы-семилетки на ул. Кардовского.
Здесь я учился в 1954–1957 гг. Фото автора 2005 г.

Здание средней школы № 2 (бывшая женская гимназия).
В ней я учился в 1957–1958 гг. Фото М. Баженова

К.И. Иванов – директор переславского музея в музейном саду. 1951 г.
Фото из фондов Переславль-Залесского музея-заповедника

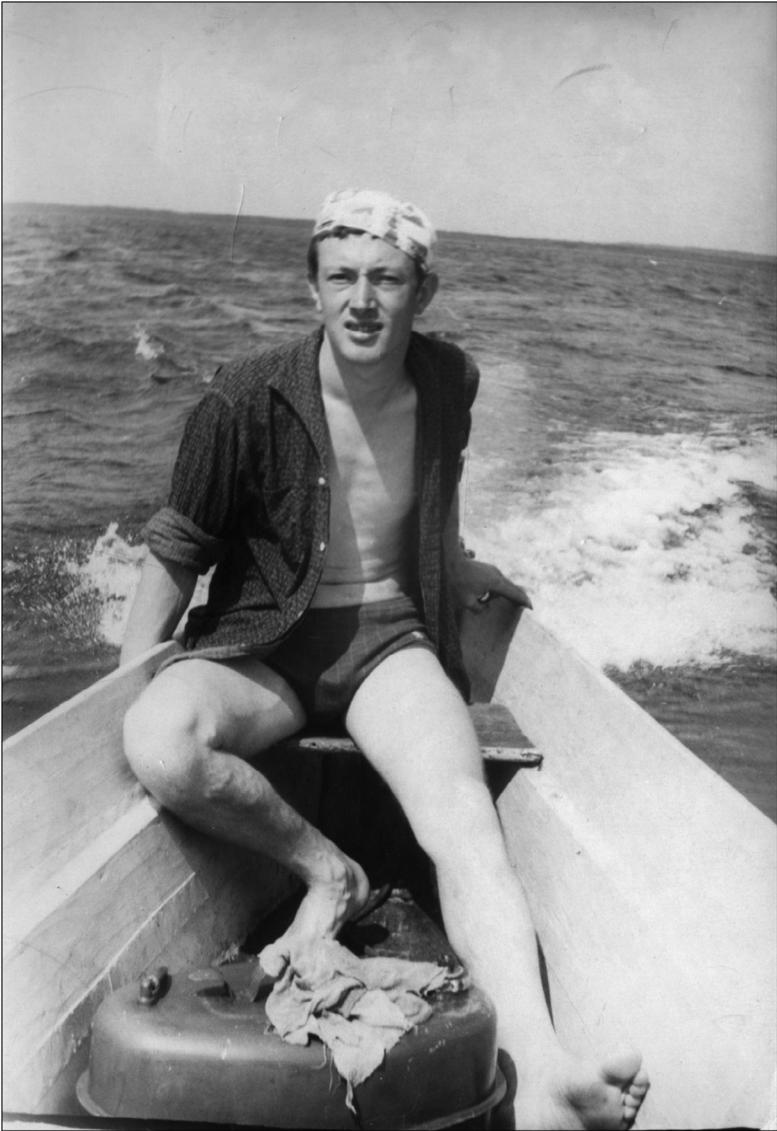
Поезд узкоколейки в Переславле.
Источник: газета «Переславская неделя», Ю.Н. Частов

На Плещеевом озере. Сзади мой брат В.С. Савоскул, впереди Александр Макаров с сыном. Июль 1970 г. Фото автора

Автор на Синем камне. Июль 1970 г. Фото В.С. Савоскула

Автор на Плещевом озере. Июль 1970 г. Фото В.С. Савоскула

Автор с дочерью Машей у дома родителей В.П. Воинова. Август 1987 г.

Автор Светлана Борисовна Рубцова во дворе переславского музея. 2010 г.

Ознакомление с семейным архивом Т.С. Громовой (дочери С.Е. Елховского).
За столом Т.С. Громова и автор. Город Иваново. Июль 2012 г.
Фото Никиты Дрекслея

У входа в переславский музей – у той самой пушки, где мы сфотографированы
в 1950-е годы, стоят слева направо: автор, его внук Никита Дрексель и дочь
Оксана. Август 2012 г. Фото С.Б. Рубцовой

Научное издание

Сергей Сергеевич Савоскул

Мой Переславль.
О локальном самосознании личности

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая*

Компьютерная верстка: Д.В. Громов, О.Г. Симонова
Редактор Д.В. Громов
Художник Е.В. Орлова

Подписано в печать 31.03.2015.
Формат 60 × 84 $\frac{1}{16}$. Усл.-печ. л. 13,5.
Тираж 450 экз. Заказ № 60

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский проспект 32А